

ISSN 2409-8728 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 03-02-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Спирова Эльвира Маратовна, доктор философских наук, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 03-02-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Spirova El'vira Maratovna, doktor filosofskikh nauk, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет»». 141070. Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Фаритов Вячеслав Тависович – доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfar@mail.ru

Храпов Сергей Александрович – доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Артеменко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской

государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры экологической безопасности технических систем, Московский политехнический университет., 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 7. 346428 г. Новочеркасск, Ростовская обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ", кафедра философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904,

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., 7/9,

Запесоцкий Александр Сергеевич — доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ, академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. 192238, Санкт-Петербург, улица Фучика, 15.

Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Бёрд Роберт (Bird Robert) — доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Гиренок Фёдор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариз (Dennes Maryse) — доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего

образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Обермайер Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Сцонди Берлинского свободного университета. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstra?e 2-4 14195

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журналов «Философская мысль». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фройденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чичовачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопад Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологи. 119072, Россия, г. Москва, Берсенева набережная, 18-20-22, строение 3.

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5 galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanovna@kolesnikova.red

Бесков Андрей Анатольевич - кандидат философских наук, заведующий лабораторией "Трансформация духовной культуры в современном мире", Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 603005, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, л. Ульянова, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный

университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University», 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге, профессор, 460040, Россия, Оренбург область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, кв. 10, Y.Griber@gmail.com

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, кв. 4, shortv@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, безработный (с 1.09.2019) пенсионер (22.06.1953), 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, кв. 49, jvlarin@mail.ru

Малинов Алексей Валерьевич - доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник, 199178, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,

ул. 15 линия В.О., 12, кв. 49, a.v.malinov@gmail.com

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, кв. 79, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Орлов Сергей Владимирович - доктор философских наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение "Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения", профессор кафедры истории и философии, Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. Сетевое издание (ISSN 2309-6888, свидетельство и регистрации ЭЛ №ФС77-54191), Главный редактор, 191180, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Загородный проспект, 21-23, кв. 243, orlov5508@rambler.ru

Пермиловская Анна Борисовна - доктор культурологии, ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаврова УрО РАН, ,заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музейных практик, 163009, Россия, Архангельская обл. область, г. г Архангельск, Архангельская обл., наб. Сев.Двины, 23, оф. 314, annaperm@fciaarctic.ru

Попов Евгений Александрович - доктор философских наук, Алтайский государственный университет, профессор кафедры социологии и конфликтологии, 656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 520, popov.eug@yandex.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, vavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, кв. 536, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, кв. 9, skorokhod71@mail.ru

Римонди Джорджия - PhD (Slavic studies), Сиенский университет для иностранцев,

старший исследователь, Центр русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева при МПГУ,
внештатный сотрудник, 53100, Италия, г. Сиена, p.le Rosselli, 27/28, каб.
206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Editorial collegium

Ruben Grantovich Apresyan — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Gonchamaya str., 12, p. 1.

Gorokhov Pavel Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Gonchamaya str., 12, p. 1.

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Safonov Andrey Leonidovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070. Moscow region, Korolev, Gagarin str., 42
zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056, Astrakhan, Tatishcheva str., 20 a, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Artemenko Andrey Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, Bursatsky descent str., 4, prof.artemenko@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, I.A. Bunin

Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Environmental Safety of Technical Systems, Moscow Polytechnic University, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village. Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET", Department of Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia,

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9,

Zapesotsky Alexander Sergeevich — Doctor of Cultural Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Artist of the Russian Federation, academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Education, Rector of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, corresponding member of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 15 Fuchika Street, Saint Petersburg, 192238.

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny Lane, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) — doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lector Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Cognition of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board

of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Mironov Vladimir Vasilyevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Obermayer Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scondi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstra?e 2-4 14195

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals "Philosophical Thought". 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Berezantsev Andrey Yurievich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanovna@kolesnikova.red

Beskov Andrey Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Head of the laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the modern world", Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. 603005, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, L. Ulyanova, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, earinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in

the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Color Laboratory, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, sq. 10, Y.Griber@gmail.com

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 399770, Russia, Lipetsk Region, Yelets, 58 Kommunarov str., sq. 4, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, unemployed (since 1.09.2019) retired (22.06.1953), 625000, Russia, Tyumen region, Tyumen, ul. Farman Salmanova, 4, sq. 49, jvlarin@mail.ru

Malinov Alexey Valeryevich - Doctor of Philosophy, St. Petersburg State University, Professor, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences - Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, leading Researcher, 199178, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, ul. 15 liniya V.O., 12, sq. 49, a.v.malinov@gmail.com

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, sq. 79, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Orlov Sergey Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Federal State Autonomous Educational Institution "St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation", Professor of the Department of History and Philosophy, Philosophy and Humanities in the Information Society. Online edition (ISSN 2309-6888, certificate and registration of E-mail No.FS77-54191), Editor-in-chief, 191180, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Zagorodny Prospekt str., 21-23, sq.

243, orlov5508@rambler.ru

Permilovskaya Anna Borisovna - Doctor of Cultural Studies, Academician N.P. Laverov Federal Research Center for the Integrated Study of the Arctic, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Head, Chief Researcher of the Scientific Center for Traditional Culture and Museum Practices, 163009, Russia, Arkhangelsk Region, Arkhangelsk region, nab. Sev.Dvina, 23, of. 314, annaperm@fciactic.ru

Popov Evgeny Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Altai State University, Professor of the Department of Sociology and Conflictology, 656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova str., 66, office 520, popov.eug@yandex.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, sq. 536, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor of the Department "Theory and Practice of Social Work", 440071, Russia, Penza region, Penza, 99 Ladozhskaya str., sq. 9, skorokhod71@mail.ru

Rimondi Georgia - PhD (Slavic studies), Siena University for Foreigners, Senior Researcher, Losev Center for Russian Language and Culture at the Moscow State University, Freelance, 53100, Italy, Siena, p.le Rosselli, 27/28, room 206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Катунин А.В. Риторические средства коммуникативного успеха на примере вопросно-ответных процедур	1
Уфимцев А.Е., Смирнова М.М. Мета-парадигмы: сущностные характеристики	15
Саяпин В.О. Жильбер Симондон и речевая коммуникация	28
Розин В.М. Анализ условий реализации в России экосистемного подхода в экономике	43
Ларионов В.В. От антропоцентризма к сетецентризму: дроны как инструмент трансформации современных войн	55
Чекрыгин О.В., Надеина Д.А., Мезенцев И.В. Концепция бога как созерцателя: космологические, антропологические и этико-сотериологические аспекты	67
Англоязычные метаданные	94

Contents

Katunin A.V. Rhetorical means of communicative success using question-answer procedures as an example.	1
Ufimtsev A.E., Smirnova M.M. Meta-Paradigms: Essential Characteristics	15
Sayapin V.O. Gilbert Simondon and speech communication	28
Rozin V.M. Analysis of the conditions for the implementation of the ecosystem approach in the economy in Russia	43
Larionov V.V. From anthropocentrism to network-centricity: Drones as a tool for transforming modern warfare	55
Chekrygin O., Nadeina D., Mezentsev I.V. The concept of God as a Contemplative: cosmological, anthropological, and ethical-soteriological aspects	67
Metadata in english	94

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Катунин А.В. Риторические средства коммуникативного успеха на примере вопросно-ответных процедур // Философская мысль. 2025. № 1. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.1.72893 EDN: URJVNO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72893

Риторические средства коммуникативного успеха на примере вопросно-ответных процедур

Катунин Александр Викторович

ORCID: 0000-0002-6408-8924

Младший научный сотрудник, Институт философии РАН

109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

✉ alexandrkatunin@gmail.com

[Статья из рубрики "Полемика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.1.72893

EDN:

URJVNO

Дата направления статьи в редакцию:

26-12-2024

Дата публикации:

02-01-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию роли вопросно-ответных процедур в современных условиях коммуникации. Предметом исследования являются вопросно-ответные процедуры. В статье поясняется одно из основных для темы исследования понятий «незнание» и «неведение». Особое внимание сосредоточено на выявлении и прояснении роли вопроса в современной коммуникации: обозначены характеристики/атрибуты вопроса в современной коммуникации; проанализированы логические и риторические аспекты вопросов; прояснено ключевое для формального описания вопросов в логике понятие «интеррогатива»; показана специфика логического основания вопроса; показано различие между логическими и грамматическими подлежащим и сказуемым; сформулированы познавательные и манипулятивные функции вопросов. В статье проясняется значение понятия «коммуникативная цель», а также

предлагается вариант разделения вопросов на корректные и некорректные в зависимости от коммуникативной цели. В статье используются методы сравнительного и контекстного анализа, обобщения, классификации, а также логический метод. Текст сопровождается наглядными, выразительными примерами, что позволяет читателю лучше понять основные идеи исследования. Статья будет полезна как студентам, аспирантам, изучающим риторику, теорию аргументации, коммуникативные техники, так и широкому кругу читателей. В статье предложена классификация некорректных вопросов: вопрос, уводящий дискуссию в другое тематическое пространство, вопрос-побуждение к действию, вопрос с неполным перечнем альтернатив, вопрос-манипулирование предпосылкой, вопрос-уловка, вопрос-гипотеза, Вопрос-дискредитация, вопрос-манипуляция к невежеству, варианты как именно с помощью вопросов могут претворяться в жизнь манипуляции к чувствам: вины, жалости, страха, справедливости, безотказности и пр. Также предложена методика ответов на вопросы разных видов как в личном, так и профессиональном коммуникативном взаимодействии; приведены общие рекомендации ответных процедур, продемонстрированы и проанализированы виды корректных ответов как на корректные вопросы, так и на некорректные вопросы; продемонстрированы и проанализированы виды некорректных ответов на корректные вопросы и некорректные вопросы.

Ключевые слова:

аргументация, риторика, коммуникация, вопросно-ответные процедуры, манипуляции, диалог, мудрое незнание, коммуникативная цель, контекст, спор

Первым ключом мудрости является постоянное и частое
вопрошание... ибо, сомневаясь, мы приходим к исследованию,
исследуя, достигаем истины.

Пьер Абеляр [\[6, с. 104\]](#)

Трудно переоценить власть и магию слова, а точнее – все преимущества человека, мастерски владеющего искусством красноречия. Власть его заключена в возможности достичь любой коммуникативной цели с помощью искусно выстроенной речи и грамотно сформулированных вопросов. О «магической силе» языка нас порой вынуждают задуматься такие диалоги, в результате которых один собеседник как будто «волшебным образом» получает от оппонента желаемое (определенную реакцию, действие, согласие и пр.). В этой статье мы рассмотрим риторическое мастерство в ракурсе вопросных процедур в логическом и риторическом ключе, а также разберём методики эффективных ответов на вопросы.

Аристотель говорил, что философия начинается с удивления и вопрошания: «И теперь и прежде удивление побуждает людей философствовать, причём вначале они удивлялись тому, что непосредственно вызывало недоумение, а затем, мало-помалу таким образом продвигаясь далее, они задавались вопросом о более значительном» [\[4\]](#). Одним из первых и, пожалуй, самым известным мастером вопрошания был Сократ. Его метод «майевтика» – речевое повивальное искусство – стал качественным инструментом ведения диалога и познания. В диалоге «Менон» юноша, несведущий в геометрии, формулирует перед слушателями геометрические законы после череды правильно

заданных ему вопросов. Сила риторического искусства, умение вопросами направлять мышление производит сильнейшее воздействие на собеседников Сократа: «Когда я слушаю Сократа, сердце у меня бьётся гораздо сильнее, чем у беснующихся карибантов, а из глаз моих от его речей льются слёзы; то же самое, как я вижу, происходит и со многими другими». [\[14\]](#)

В формуле Сократа, который говорил, что ничего не знает, но желает поразмыслить и поискать нужный ответ, раскрывается истинная познавательная ценность вопросно-ответных процедур для любого мыслящего человека. Сократ снова и снова артикулирует то, что можно назвать мудрым незнанием – знание о том, чего именно человек не знает. Для пояснения этой мысли можно привести пример из работы Кузнецовой Н.И., Розова М.А., Шрейдер Ю.А. «Объект исследования – наука»: «Граф Пато играл в лото и проиграл пальто. А графиня Пато не знала про то, что граф Пато играл в лото и проиграл пальто. А граф Пато не знал про то, что графиня Пато не знает про то, что граф Пато играл в лото и проиграл пальто. А графиня Пато не знала...» [\[12, с. 49\]](#). Здесь важно отметить то обстоятельство, что граф и графиня «не знают» качественно по-разному, а именно: незнание графини состоит в том, что она *не ведаёт* (то есть у нее не возникает и не может возникнуть вопрос) о том, что происходит с графом; незнание графа обусловлено тем, что он *точно знает, чего именно он не знает* – перед ним очерчено пространство незнания, следовательно, он может через вопрошание пройти по пути ликвидации этого незнания. С античных времён философия, естественные науки, (а также любой человек, жаждущий познания), используют этот метод для развития, совершенствования и движения вперёд. [\[9\]](#)

Обозначим, что именно мы понимаем под вопросом. В логическом смысле «Вопрос – это мысль, содержащая указание на недостаточность информации о каком-то положении дел» [\[8, с. 188\]](#). В общекультурном смысле вопрос также может показать интеллектуальный уровень собеседника, подсвечивая его знания или невежество; направить внимание собеседника на конкретную проблему или задачу. В современной коммуникации вопрос обладает следующими характеристиками (атрибутами):

1. Императивность (здесь и сейчас дайте мне знать)!
2. Цель.
 - Познавательная – увеличение количества знаний путём ликвидации пространства незнания
 - Манипулятивная – воздействие на собеседника не ради познания, а ради достижения своих коммуникативных целей.
 - Иные цели – начало знакомства; поддержание беседы (например, вопрос о погоде).
3. Предпосылка – базис вопроса, исходное знание
4. Искомое знание (в случае корректности вопроса).

В области логики принято разделять вопросы на корректные и некорректные по критерию истинности предпосылок формулируемого вопроса. Поскольку наша задача рассмотреть вопросы не только в логическом ключе, но и в риторическом, корректность и некорректность мы будем рассматривать по критерию коммуникативной цели. Коммуникативная цель – «мысленное предвосхищение участником коммуникации желательного для него результата общения, направленность сознания на такой

результат». [\[3\]](#) Коммуникативные цели разделяются на корректные (поделиться информацией, получить информацию без манипулятивных приёмов, побудить к действию, обнаружить снять ложные убеждения) и некорректные (получить информацию путем манипуляций, побудить собеседника к невыгодному для него действию, обмануть и пр.). К манипуляции при помощи вопросов опытные полемисты прибегали ещё в Античности: «в вопросно-ответном ведении спора у софистов главной целью задающего вопросы было заставить отвечающего противоречить самому себе, а целью отвечающего – любой ценой избежать этой ловушки независимо от того, будут ли его ответы выражать то, что он считает истинным или нет». [\[11, с. 67-68\]](#)

Итак, если цель вопроса состоит в получении недостающей информации, уточнении или дополнении имеющихся знаний, такой вопрос можно считать корректным. Если же цель вопроса сводится к манипулятивному воздействию («коммуникативная цель оправдывает средства» – о коммуникативной цели см. подробнее [\[10\]](#)), то такой вопрос можно считать некорректным.

Рассмотрим далее вопросно-ответные процедуры в логическом и риторическом ключе и разберём методики ответов для успешной коммуникации и достижения коммуникативных целей.

I. Логические аспекты вопросов.

Для формального описания вопросов в логике используется понятие «интеррогатива». В.К. Финн предлагает следующие примеры интеррогативов: «ли-вопросы («верно ли высказывание А?»), какой-вопросы («каковы все те x , которые удовлетворяют условию $P(x)$?»), сколько-вопросы («сколько x таких, что $Q(x)$?») и почему-вопросы («почему химическое соединение x обладает наркотическим действием?»). [\[17\]](#) Интеррогативам нельзя приписать значение истинности или ложности, т.к. это можно сделать только с высказываниями, т.е. повествовательными предложениями. В.Г. Денисова обращает внимание на то, что вопрос может быть воплощён не только в форме интеррогатива, но и как требование или просьба: «например, требование “Назовите имя племянника Наполеона” заключает в себе вопрос об имени конкретного человека. Вопросительное предложение: “Не могли бы Вы передать мне масло?” не требует ответа, оно выражает просьбу совершить некоторое действие». [\[7, с. 189\]](#)

Более полную классификацию типов вопросов даёт Д. Харро [\[2, с. 1-2\]](#):

- Ли-вопрос. Три балла – это хорошая оценка или плохая?
- Да-нет вопрос. Вы сегодня пили кофе?
- Какой-вопрос. Какими должны быть ответы на вопросы?
- Что-вопрос. Что можно приготовить на завтрак?
- Кто-вопрос. Кто изобрёл радио?
- Почему-вопрос. Почему случилась революция в России в 1917 году?
- Совецательный вопрос. Как лучше распределить премии среди сотрудников?
- Альтернативный вопрос. Вы будете чай или кофе?
- Гипотетический. Если бы у вас был автомобиль, вы на нём поехали бы в отпуск?

- Условный. Если тебе придёт премия, ты купишь мне подарок?
- Устанавливающий. Говоря, что на побережье экологическая катастрофа, вы утверждаете, что курортный сезон в этом году будет сорван?

Владение этими типами вопросов позволяет более качественно вести диалог и искоренять пробелы в познании, также предполагается, что активное использование различных типов вопросов в разговоре способствует конструктивному коммуникативному взаимодействию в противовес манипулятивному.

Анализируя логические основания вопросов, важно рассмотреть общие характеристики, свойственные вопросам и включённые в их логическую структуру, а также отличающие их от других форм мысли. Д.В. Зайцев выделяет пять таких характеристик:

1. Оператор вопроса – индикатор, позволяющий понять, что мы имеем дело именно с вопросом. (В вопросах оператором является интонация. Именно с помощью интонации мы можем интерпретировать суждение без вопросительного слова как вопрос и точнее определить логическое ударение).
2. Высказывательная форма, указывающая на положение дел.
3. Наличие предпосылок вопроса – определённые знания, которые уже заключены в формулировку вопроса. (Например, в вопросе: «Понравилась ли тебе третья песня Измайловой» заключено знание о том, что Измайлова певица и исполнила минимум три песни).
4. Наличие вопросительного слова.
5. Наличие неизвестного, которое с помощью вопроса предполагается восполнить. [\[8, с.190\]](#)

И в области логики, и в контексте качественного коммуникативного взаимодействия критически важно понимать предпосылку и сформулированное неизвестное вопроса (что именно хочет узнать человек, задающий вопрос). В логике логическое подлежащее и логическое сказуемое могут не совпадать с грамматическими подлежащим и сказуемым. Если оператор вопроса чётко не выражен, то можно столкнуться с трудностями при интерпретации вопроса. Рассмотрим на примере: «Семёнов заключил договор с крупным иностранным поставщиком?». Если грамматические подлежащее и сказуемое «Семёнов» и «заключил», то логические подлежащее и сказуемое (субъект и предикат) здесь зависят от логического ударения. Логическое ударение на то или иное слово может ставиться с помощью интонации, однако это не всегда ярко выражено. Более того, это почти невыразимо в письменной речи (например, в деловой переписке). Вот несколько вариантов изменения логических подлежащих и сказуемых в зависимости от логического ударения:

1. Подписавший договор с крупными иностранными поставщиками (S) есть Семёнов (P). Вопрос в том, заключил ли договор Семёнов или кто-то другой.
2. Семёнов (S) есть подписавший (P) договор с крупными иностранными поставщиками. Суть вопроса заключается в том, подписал ли он договор или нет.
3. Документ, который подписал Семёнов с крупными иностранными поставщиками (S), есть договор. (P) Суть вопроса в форме документа (договор, контракт, соглашение и др.)
4. Иностранный поставщик, с которым Семёнов заключил договор (S), есть крупный. (P)

Суть вопроса в масштабе партнёра.

5. Иностранный поставщик, с которым Семёнов заключил договор (S), есть иностранный. (P) Суть вопроса в юрисдикции партнёра.

6. Юридическое или физическое лицо, с которым Семёнов заключил договор (S), есть поставщик (P) (суть вопроса в специфике оказываемых услуг) [\[16, с. 65\]](#)

Таким образом, в одной формулировке может скрываться несколько запросов на получение информации разного характера.

Владение логикой вопросов также поможет избежать ряда проблем в коммуникации: без правильно заданного вопроса многие люди не могут достаточно четко сформулировать и сообщить ту информацию, которая необходима собеседнику; в ряде случаев люди вовсе не знают, какие именно вопросы необходимо задавать заказчику, клиенту, партнёру. При формулировании вопроса и оценке адресованного вопроса важно рассматривать его с точки зрения коммуникативной цели и контекста (совокупности обстоятельств, в которых ведётся диалог) вопрошания.

II. Риторические аспекты вопросов.

Как уже было оговорено, в риторическом ключе вопросы могут быть использованы не только для познания. Закалённый в коммуникативных боях полемист с помощью вопросов может управлять диалогом и достигать своих коммуникативных целей независимо от их этичности. Оценивая вопрос в риторическом ключе, безусловно, важно понять явную предпосылку вопроса, но не менее важно выяснить, не присутствуют ли в вопросе скрытые предпосылки, и какова коммуникативная цель собеседника. Например, в вопросе от случайного прохожего «который час?» явной предпосылкой является необходимость узнать время, скрытой – выяснить стоимость часов.

В ряде случаев вопросы задаются не с целью получить определенную информацию, узнать что-либо, но, например, с тем чтобы доминировать в разговоре, одержать победу в споре или же, как отмечал Плутарх: «Мы часто задаём вопрос, не в ответе нуждаясь, а стремясь услышать голос и снискать расположение другого человека, желая втянуть его в беседу». [\[6, с. 106\]](#) Также посредством вопроса можно перехватить инициативу, унижить, получить одобрение, направить диалог в нужное русло, побудить к действию, упрекнуть, пристыдить, оказать давление и пр. – вопросы являются качественным инструментом манипуляторов.

Разберём ряд примеров и контекстов некорректного применения вопросов.

Вопрос, уводящий дискуссию в другое тематическое пространство, в котором собеседник либо разбирается хуже, либо диалог на эту тему категорически невыгоден собеседнику. Например, в дискуссии о новых перспективах компании спросить у руководителя: «Вы давно общались с сотрудниками? Как вы объясните их тяжелые условия труда и неоплачиваемые переработки?». Даже если эти суждения неверны, такого рода вопрос побуждает руководителя отклониться от основной темы и начать оправдываться, тем самым ослабив свою позицию в диалоге.

Вопрос-побуждение к действию. Такая формулировка вопроса, при которой ответ не важен, т.к. в самой форме вопроса заключена настойчивая рекомендация совершить действие: «Коллеги, вы укладываетесь в сроки сдачи отчёта?», «Вы специально не отвечаете на письмо партнёра?» - сформулированная в вопросной форме необходимость

ускориться в подготовке отчёта и ответить партнёру.

Вопрос с неполным перечнем альтернатив. Прямой ответ на такой вопрос либо ставит собеседника в невыгодное положение, либо побуждает оправдываться, что тоже является слабой позицией: «Дорогой, ты меня сам отвезёшь или вызовешь такси?», «Вы настолько некомпетентны, чтобы это понять, или намеренно саботируете работу?», «Вы сможете помочь мне с подготовкой итоговой версии отчёта сегодня или завтра?» В данных примерах пространство вариантов действий значительно шире, чем сформулировал автор вопросов.

Вопрос-манипулирование предпосылкой. Классический хрестоматийный пример данного вопроса: «Вы перестали пить коньяк по утрам?» содержит в себе суждение, которое принимается как истинное независимо от варианта ответа. «Зачем вы симулировали обморок на заседании суда?», «Вы специально саботируете заключение партнёрского соглашения с иностранным партнёром?» – в данном случае говорящий желает безапелляционно убедить слушателей в том, что питье коньяка, обморок на заседании суда или же срыв заключения партнёрского соглашения были бесспорным фактом.

Атака вопросами. Данный приём может использоваться в нескольких случаях. Во-первых, для срыва дискуссии, когда заканчиваются рациональные аргументы; «атака вопросами» хорошо сочетается с приёмом «доведение до абсурда»: «Вы сегодня двоих уволили? А завтра отделы будете закрывать? Может, сразу ликвидировать компанию и пустить всех сотрудников по миру?». Во-вторых, последовательно задаваемые вопросы могут быть полезны для поиска пробелов в знаниях или прочности аргументации собеседника. Шопенгауэр отметил: «Когда противник не даёт никакого прямого ответа на вопрос или приведенный аргумент, а уклоняется посредством косвенного ответа, или задаёт в свою очередь вопрос, или каким-нибудь совершенно другим путем, не относящимся к делу, стремясь в то же время перескочить на какую-нибудь другую тему разговора, – то это именно служит лучшим доказательством, что мы коснулись случайно его слабой стороны, иначе, что он умышленно умалчивает об этом. Поэтому надо все время напирать на этот пункт и не выпускать противника даже тогда, когда мы сами еще не знаем, в чем именно заключается эта слабая сторона, которой мы коснулись. [\[18, с. 77\]](#)». Данный приём также связан с перехватом инициативы ведения диалога, что, в свою очередь сопряжено с доминированием в споре и установкой правил спора.

Вопрос-уловка. Ситуация, в которой собеседник обладает большей информацией, чем показывает изначально, поэтому особенно важно предвосхитить его коммуникативную цель и понять контекст диалога. Заручившись ответами оппонента, такой собеседник может использовать их против него же, но уже в другом тематическом поле, чтобы очернить, подорвать доверие слушателей и дискредитировать его дальнейшую аргументацию. В «Чёрной риторике» Бредемайера мы можем увидеть такой пример диалога:

«-Вы считаетесь внимательным водителем?

-Да, конечно.

-Тот, кто проезжает столько километров без единой аварии, несомненно, ездит очень внимательно, вы согласны?

-Да, и при том развивается способность предвидеть критические ситуации.

-Вероятно, вы проезжаете больше 50 000 км?

-В среднем даже больше: от 80 000 до 90 000 км.

-А то, что вы с каждым новым километром всё больше загрязняете окружающую среду, вас, видимо, совершенно не волнует?» [\[5, с. 190\]](#) Если представить, что данный диалог происходит в контексте международного экологического форума, вероятно этому человеку больше не дадут слово.

Вопрос-гипотеза. Данный вопрос задаётся с целью получить информацию в тех случаях, когда нет возможности спросить прямо, поскольку прямой вопрос будет считаться некорректным, неэтичным или вторгающимся в личное пространство собеседника. Вместо вопроса: «Что вы обсуждали с руководителем компании?» можно спросить: «Ты вернулся таким подавленным с совещания, неужели увольнения обсуждали?». После такой постановки вопроса есть вероятность, что собеседник даст необходимую информацию: «Нет, что вы. Мы всего лишь говорили о финансовом стимулировании сотрудников перед новым годом. Так вот, его, к сожалению, не будет».

Риторические вопросы в манипулятивном ключе могут быть использованы с провокационной целью смутить собеседника, поставить его в неловкую ситуацию. Например: «Доколе можно быть таким наивным?» – это своего рода утверждение и обличение, заключённые в форму вопроса. Или в политическом контексте: «Сколько мы будем ещё терпеть его безразличие к народу? А ведь он поставлен защищать и оберегать интересы граждан!»

Вопрос-дискредитация. Задача такого рода вопросов вывести собеседника из равновесия, подорвав таким образом его авторитет у слушателей: «После того, как вы провалили проект, и вас выставили с работы, вас хоть кто-то пригласил на собеседование?». Данные типы вопросов хорошо сочетаются с манипуляцией «Плохой человек – плохой аргумент» – если собеседник дискредитирован, опозорен, доверие к нему подорвано, то любые его аргументы, даже весьма сильные и хорошо сформулированные, могут уже не восприниматься слушателями как достаточно весомые и значимые. [\[13, с. 47-51\]](#)

Вопрос-манипуляция к невежеству. Такой приём работает в случае, когда собеседник пытается скрыть или замаскировать свое невежество, поскольку боится признаться в своем незнании. В качестве примера можно привести известную провокацию:

- Вы слушали восьмую симфонию П.И. Чайковского?

- Ну разумеется!

- Как же так? Он всего шесть написал.

Такого рода приёмы часто используют ведущие развлекательных, политических шоу.

С помощью вопросов могут претворяться в жизнь **манипуляции к чувствам**: вины, жалости, страха, справедливости, безотказности и пр. Целью таких вопросов, как правило, является побуждение собеседника к невыгодным для него, но желанным для манипулятора, действиям или изменению мнения и убеждений собеседника: «Сынок, когда женишься? Хочешь, чтобы я умерла так и не увидев внуков?»; «Неужели ты не хочешь мне помочь с отчётом? Иначе я сегодня не увижу своих детей»; «Ты не боишься разговаривать со мной в таком тоне?»; «Ты как справедливый человек можешь со мной остаться после работы, чтобы доделать презентацию проекта?».

Использование вопросов с целью манипулирования связано с этической проблемой: возможна ли (и если да, то как) манипуляция вопросами из благих намерений? Всего скорее, на этот вопрос может ответить только человек, его задающий. Безусловно, если оппонент слабый и неискушённый в полемических баталиях, он проиграет в споре с человеком, которому знакомы описанные выше приёмы и который их регулярно использует. Однако знание и практическая отработка таких риторических приёмов могут существенно помочь и в противодействии опытным манипуляторам.

III. Методика ответов

Аналогичную классификацию, используемую в случае с вопросами (различение на корректные и некорректные), можно применить и к ответам. Понятие ответа (прямого ответа) является важным во многих теориях вопросов. Под ответом чаще всего исследователи понимают «часть языка или семантический объект, который, как выразились Белнап и Стил, «полностью, но именно полностью, отвечает на вопрос». Предложение или суждение не обязательно должно быть истинным, чтобы быть прямым ответом» ^[1]. В рамках данного исследования ответ мы понимаем в более широком ключе как ответное речевое взаимодействие, способствующее достижению поставленной коммуникативной цели. Причём как корректные, так и некорректные ответы можно дать и на корректные вопросы, и на манипулятивные.

Перед тем, как мы разберём варианты ответов на приведённые выше виды вопросов, обозначим общие рекомендации к ответным процедурам опирающиеся на современные исследования и обширный личный опыт публичных выступлений автора:

- Критически важно при оценке вопроса проанализировать коммуникативную цель собеседника и контекст вопрошания, т.е. *чего именно* этим вопросом он добивается и *в каких условиях*. Часто бывает, что человек, задающий острый или провокационный вопрос, совершенно не желает знать на него ответ, а скорее сам хочет выступить и получить «эфирное время», чтобы на него тоже обратили внимание и оценили.
- Если в вопросе используются общие или многозначные термины, задать уточняющий вопрос и определиться в понятиях, используемых собеседником. Также уточняющие вопросы помогают конкретизировать направление ответа, если вопрос довольно общий, дополнительно это позволит выгадать время, необходимое для формулирования ответа.
- Не обязательно отвечать на вопрос сразу (здесь вежливость, которой нас учили с малых лет может оказаться излишней). Можно взять паузу и обдумать ответ 10-20 секунд или же если контекст позволяет перенести ответ на финал дискуссии. У молодого Стива Джобса как-то спросили: «Что самое главное из того, чему вы лично научились в Apple вы сейчас используете в Next?». Он при полной аудитории слушателей спокойно думал над ответом более двадцати секунд.
- Если вам задали вопрос, на который вы не знаете ответ, гораздо лучше для вашего имиджа признать недостаток у вас информации, чем создавать иллюзию многознания.
- Можно самому медленно озвучить заданный вопрос, чтобы лучше его осмыслить и одновременно успеть подумать над ответом. Также в ряде случаев имеет смысл переформулировать вопрос своими словами и уточнить у собеседника верно ли этот вопрос был понят.
- Обязательно оцените вопрос вам заданный: «Какой интересный вопрос!», «Неожиданно было получить именно такой вопрос!», «Какой каверзный вопрос вы

задали!» - даже негативная оценка прозвучавшего вопроса лучше, чем полное безразличие к услышанному.

Теперь рассмотрим ответные процедуры в логическом и риторическом ключе. Для логически корректных вопросов, задаваемых с познавательной целью существуют разные варианты ответов. Корректным ответом считается ответ, полностью снимающий сформулированную в вопросе неопределённость: «В каком году состоялся повторный суд над Сократом, на котором его оправдали?» - «Повторный суд над Сократом состоялся в 2012 году». Есть варианты ответов, которые снимают неопределённость лишь отчасти: «Повторный суд над Сократом состоялся в 21-ом веке». Такие ответы считаются верными, однако в зависимости от контекста беседы могут не быть корректными, т.е. в ряде случаев такой ответ может оказаться неудовлетворительным.

Тульчинский Г.Л. выделяет несколько вариантов некорректных ответов: **нерелевантные** ответы (подменяющие предпосылку) «Повторный суд над Сократом состоялся тогда, когда все участники процесса явились в зал»; **тавтологичные** – никак не снимающие неопределённость, сформулированную в вопросе: «Главное, что повторный суд над Сократом состоялся!»; **противоречивые** – ответ противоречит предпосылке вопроса: «Повторный суд над Сократом состоялся лет десять назад, хотя я в это не верю»; **избыточные** – предоставляемая информация выходит далеко за контекст вопроса: «Подумать только! Сократа оправдали с таким же незначительным перевесом голосов, что и осудили почти две с половиной тысячи лет назад!» [\[16, с. 154\]](#)

Использование некорректных ответов на корректные вопросы применяется в тех случаях, когда вы не можете или не хотите полностью отвечать на сформулированный вопрос. Использование таких ответов создаёт иллюзию ответа (тавтологичные), уведит беседу в другое русло (избыточные, нерелевантные), либо добавляет вам как оратору загадочности и непредсказуемости в глазах слушателей (противоречивые).

Теперь разберём как можно корректно или в некоторых случаях достаточно эффективно ответить на обозначенные виды манипулятивных вопросов:

Вопрос, уводящий дискуссию в другое тематическое пространство можно отразить встречным вопросом, возвращающим дискуссию в прежнее русло: «Вы хотите обсудить сплетни или же мы придём к общему мнению относительно перспектив развития компании?». В данном случае важно не вестись на провокацию и не начинать оправдываться. Любые оправдания в коммуникации являются слабой позицией. Также достаточно трудно провести границу между оправданием и объяснением своей позиции.

Вопрос-побуждение к действию в некоторых контекстах можно проигнорировать, если положение дел у вас под контролем, а само действие неизбежно произойдёт и находится в ваших интересах. Если же вас подталкивают совершить что-то, что не в ваших интересах, можно рационализировать данный вопрос встречным: «Какого результата и для чего вы ожидаете, задавая этот вопрос?»

Вопрос с неполным перечнем альтернатив. В данном случае необходимо рационализировать дискуссию, прямо указав на логическую ошибку и манипуляцию. Эффективным является прямой вопрос собеседнику: «Вы сейчас осознанно пытаетесь манипулировать или же вы, как и я переживаете за результат, поэтому спрашиваете в такой форме?»

Вопрос-манипулирование предпосылкой. С такого рода вопросами достаточно трудно работать, т.к. многое зависит от контекста. Если разговор происходит наедине, то можно

напрямую указать собеседнику на ошибочность формулировки его вопроса. Однако если диалог происходит в присутствии зрителей, то практически любой ответ может звучать как оправдание, что ставит вас в слабую позицию. В данном случае можно использовать такой приём, как доведение до абсурда используя серию вопросов: «Я пью коньяк по утрам? Так я, наверное, и бандитизм по ночам практикую? Может я лидер городской ОПГ? Вас послушать, все проблемы округа только по моей вине! Хорошо ещё, что я не вышел на международный уровень!»

Атака вопросами также нейтрализуется рационализацией и возвращением дискуссии в логическое русло: «С какого вопроса вы бы хотели, чтобы я начал отвечать?», «Какой из перечисленных вопросов по-вашему приоритетный? С него бы я и начал свой ответ», «Какую цель вы преследуете так изобильно осыпая меня вопросами?»

Вопрос-уловка достаточно коварен. Самое надёжное – вычислить пространство вариаций развития дискуссии исходя из задаваемых оппонентом вопросов, однако это не всегда представляется возможным. Поэтому, когда собеседник начинает формулировать последовательные вопросы, когда это происходит в контексте с большим количеством слушателей, для подстраховки лучше не давать прямые и конкретные ответы, довольствоваться правильными, но неполными ответами.

Вопрос-гипотеза легко распознаётся при достаточном фокусе внимания. Отвечая на такой вопрос, важно не давать избыточную информацию. Можно ограничиться риторическим восклицанием: «Нет, нет, ну что ты!», «О! Что было в кабинете директора, остаётся в кабинете директора». Формально и диалог продолжился, и дальнейшее развитие его возможно только через формулирование прямых вопросов, на которое собеседник скорее всего не решится.

Риторические вопросы в манипулятивном ключе в ряде контекстов можно игнорировать, т.к. главное ожидание манипулятора заключается в том, что вы согласитесь на его сценарий манипуляции и будете пытаться объясниться, оправдаться, почувствуете неуверенность или неловкость. В тех случаях, когда игнорировать такие вопросы нельзя, можно свести всё к шутке (зал посмеётся и забудет) или же свести к логике: «В чём, по-вашему заключается моя наивность?» «Опираясь на какие факты вы пришли к такому умозаключению?»

Вопрос-дискредитация также, как и многие другие манипулятивные вопросы нивелируется возвращением в логическое поле: «Какое отношение имеет то, что говорите вы к тому, что мы сейчас обсуждаем?». Также важно сохранять спокойствие и эмоциональную сдержанность, т.к. такого рода вопросы в первую очередь направлены на то, чтобы вывести вас из себя и лишить коммуникативного преимущества.

Вопрос-манипуляция к невежеству является очень наглым и смелым со стороны оппонента. В данном случае не стыдно признать, что вы чего-то можете не знать (такова человеческая природа). Можно попросить собеседника поделиться с вами сокровенным знанием и поблагодарить напоследок: «Спасибо, благодаря вам я теперь знаю больше». Так вы не попадёте на манипуляцию и получите расположение публики в случае, если дискуссия является публичной.

Манипуляции к чувствам можно преодолеть прежде всего через умение распознавать данные манипуляции, далее очень эффективной техникой является вежливый уверенный отказ манипулятору. Обратите внимание как спокойно профессор Преображенский противодействует манипуляциям к жалости и стыду со стороны представителей домового комитета, которые подкрепляют просьбу купить журналы в пользу детей Германии: «-

Нет, не возьму. - Но почему вы отказываетесь? - Не хочу. - Вы не сочувствуете детям Германии? - Сочувствую. - А! Полтинника жалко? - Нет. - Так почему же? - Не хочу. - Знаете ли профессор, если бы вы не были европейским светилом и за вас не заступились бы самым возмутительным образом, вас следовало бы арестовать! - За что? - А вы не любите пролетариат! - Да, я не люблю пролетариат». [\[15\]](#)

Таким образом мы видим, что большинство манипулятивных вопросов нивелируются обращением к логике и рационализацией диалога. Ещё раз необходимо подчеркнуть, что важным навыком противодействия манипулятивному влиянию также является умение сдерживать свои эмоции. Если оппонент вас разозлил, скорее всего он вас одолел.

Противодействовать некорректным вопросам можно и с помощью некорректных приёмов. В данном случае важно учитывать, что если вы начали отвечать на вопрос, значит вы согласились с его формулировкой и его предпосылками. Если же классический ответ не входит в ваши планы, необходимо разобраться с некорректными (но не менее эффективными) приёмами противодействия некорректным вопросам. Их разнообразие невероятно велико, перечислим самые популярные из них:

- Практически любой некорректный вопрос можно свести к шутке. Если дискуссия с оппонентом происходит при зрителях, важно понимать чувство юмора слушающих и, сводя к шутке, манипулятивный вопрос, опираться именно на это чувство юмора.
- Подменить тезис вопроса и дать ответ на уже подменённый тезис. Например, вас спрашивают: «Вы перестали пить коньяк по утрам?». В качестве ответа можно использовать: «Друзья, я перестал есть по вечерам! Только посмотрите, как сильно я похудел!»
- Сузить вопрос и ответить на узкую часть (частный случай подмены тезиса).
- Устроить собеседнику атаку осмысленными логичными вопросами до тех пор, пока он не сформулирует корректный вопрос.
- Дать оценку озвученному вопросу и заменить своим. Например, если вам задают Вопрос, уводящий дискуссию в другое тематическое пространство, его можно парировать: «Ваш вопрос очень важен, однако он вторичен в сравнении с...» Далее предлагаете свой вопрос и отвечаете на него.
- В ряде случаев можно использовать такой приём, как рефрейминг. Например, если в дискуссии о новых перспективах компании вас спрашивают: «Вы давно общались с сотрудниками? Как вы объясните их тяжелые условия труда и неоплачиваемые переработки?» можно ответить: «Я полностью доверяю своему коллективу и предоставляю всем коллегам полную свободу действий».
- Отдельно можно использовать технику отзеркаливания вопросом. Для получения более развёрнутого ответа, новой информации нужно выбрать 1-3 ключевых слова из вопроса вашего оппонента и озвучить их с вопросительной интонацией. Затем, обязательно выдерживаем паузу не менее 5 секунд, чтобы собеседник прервал молчание. Намерение должно быть: "помогите мне понять". Такого рода приём является этичной заменой прямого вопроса "что вы хотите этим сказать?"

В данной статье изложены самые популярные техники ведения диалога в ракурсе вопросно-ответных процедур. Обладая знаниями подобных техник можно распознавать манипулятивное воздействие и не поддаваться ему. Отрабатыв данные риторические средства коммуникативного успеха на практике, можно значительно преуспеть в ведении

дискуссий и споров. Таким образом, систематизация подобных знаний, оттачивание навыков их применения в разных контекстах методологически трудно, однако в высокой степени актуально и позволяет решать ряд проблем практического характера в профессиональной среде и личном взаимодействии.

Библиография

1. Cross Ch. Roelofsen F. Questions. / Stanford Encyclopedia of Philosophy. [Электронный ресурс]. <https://plato.stanford.edu/entries/questions/#QueAnsPre> First published Tue Feb 11, 2014; substantive revision Tue Mar 22, 2022. (дата обращения: 01.10.2024).
2. Harrah D. The Logic of Questions // Handbook of Philosophical Logic. 8. The Netherlands. 2002. Р. 1-2.
3. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Коммуникативная цель. / Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. [Электронный ресурс]. URL: https://methodological_terms.academic.ru/666/КОММУНИКАТИВНАЯ_ЦЕЛЬ (дата обращения: 01.10.2024)
4. Аристотель. Метафизика. [Электронный ресурс] https://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/metaphiz.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 01.11.2024)
5. Бредемайер К. Чёрная риторика: Власть и магия слова. М.: Альпина Паблишер, 2021.
6. Герасимова И.А. Введение в теорию и практику аргументации. М.: Университетская книга, Логос, 2007.
7. Денисова В.Г. Формализация вопросов средствами логики предикатов // Логико-философские штудии. 2008. №5. с 189-198.
8. Зайцев Д.В. Теория и практика аргументации. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2019.
9. Катунин А. В. Сократ и граф Пато: об искусстве мудрого незнания // Полилог/Polylogos. – 2019. – Т. 3. – № 1. [Электронный ресурс] URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110005137-2-1/> (дата обращения 3.12.2024)
10. Катунин А.В. О некоторых видах манипулятивной аргументации и способах противодействия им // Полилог/Polylogos. 2020. Т. 4. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110013077-6-1/> (дата обращения: 1.12.2024).
11. Кессиди Ф.Х. Сократ. М.: Мысль, 1988.
12. Кузнецова Н.И., Розов М.А., Шрейдер Ю.А. Объект исследования – наука. М.: Новый Хронограф, 2012.
13. Непряхин Н. Я манипулирую тобой: Методы противодействия скрытому влиянию. М.: Альпина Паблишер, 2019.
14. Платон. Пир. [Электронный ресурс] <https://lib.ru/POEEAST/PLATO/pir.txt> (дата обращения: 1.12.2024)
15. Собачье сердце. Х/ф. [Электронный ресурс] (дата обращения: 30.11.2024) <https://www.youtube.com/watch?v=mb7LIYYQEhg> Таймфрейм: [21:31-21:39]
16. Тульчинский, Г. Л. Логика и теория аргументации / Г. Л. Тульчинский, С. В. Герасимов, С. С. Гусев ; под ред. Г. Л. Тульчинского. — М.: Издательство Юрайт, 2016.
17. Финн В.К. Логика вопросов. / Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс] <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH44341b0b953d03d043a844> (дата обращения 12.12.2024).
18. Шопенгауэр А. Искусство побеждать в спорах / перевод с немецкого Н. д'Андре, Ф. Черниговца. М.: Издательство АСТ, 2021

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена «популярным техникам ведения диалога в ракурсе вопросно-ответных процедур» и преследует цель познакомить читателей с методами достижения «коммуникативного успеха». Статья носит научно-популярный характер, в ней трудно обнаружить какие-либо научные результаты, которые были получены лично автором, оказались итогом специально проведённых научных исследований. Более того, в некоторых случаях содержание статьи дублирует учебные материалы по логике и риторике. Вместе с тем, текст можно оценить как весьма компетентный, в нём нет каких-либо ошибок или заслуживающих сожаления пробелов. Популярный характер изложения в данном случае, с точки зрения рецензента, не может рассматриваться в качестве недостатка статьи. По-видимому, автор не ставил своей целью получение новых в теоретическом отношении результатов. Во-первых, логика и теория аргументации является в некотором смысле весьма «консервативной» дисциплиной, большая часть составляющего её содержания давно и хорошо известна, и уровень публикаций в этой области может быть оценен по характеру и способам изложения. Во-вторых, и это более актуальное соображение, сегодня публикации такого рода принципиально важны в связи с падением общего уровня логической и общегуманитарной подготовки в российских вузах. В большинстве из них логика как предмет изучения (даже у будущих юристов и журналистов) исключена из учебных планов, а риторика и прежде преподавалась весьма избирательно. Можно сказать, что статьи подобной направленности призваны хотя бы отчасти восполнить недостаток логической эрудиции, – об устойчивых навыках логического анализа или самостоятельного построения текстов и речей говорить и вовсе не приходится из-за крайне ограниченного объёма логики даже там, где эта дисциплина ещё преподаётся. Таким образом, логика и риторика – важный элемент гуманитарной подготовки, который сегодня практически вытеснен из наших вузов как в связи с исключением из преподавания самих этих дисциплин, так и в связи с тем что аудиторное время на изучение философии также сокращается, и преподаватель и в рамках этого курса не имеет возможности уделять внимание соответствующим сторонам историко-философского процесса и логике как дисциплине в составе современного философского знания. Одним словом, несмотря на отсутствие в статье какого-либо содержания, которое можно было бы признать оригинальным в теоретическом отношении, её следует, на взгляд рецензента, признать полезной для широкого круга читателей, поскольку сам «школьный» материал изложен в ней весьма компетентно и, в то же время, ясно. В сложившейся сегодня в отечественном образовании ситуации научные журналы социально-гуманитарной направленности вынуждены брать на себя обязанности по сохранению элементарной гуманитарной культуры, которая прежде формировалась в рамках университетских курсов философии, логики, риторики. До публикации статьи в журнале хотелось бы порекомендовать автору просмотреть текст ещё раз и исправить пунктуационные ошибки и стилистические погрешности, которых, впрочем, в статье не так много («обладая знаниями подобных техник можно распознавать...», – «не закрыт» деепричастный оборот; «трудно, однако в высокой степени...», – та же самая ошибка с «однако», и т.п.).

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Уфимцев А.Е., Смирнова М.М. Мета-парадигмы: сущностные характеристики // Философская мысль. 2025. № 1.
DOI: 10.25136/2409-8728.2025.1.72376 EDN: RAEMJJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72376

Мета-парадигмы: сущностные характеристики

Уфимцев Александр Евгеньевич

ORCID: 0009-0004-9788-5550

независимый исследователь

660122, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Транзитная, 48, кв. 32

✉ ufimtzev@inbox.ru

Смирнова Марина Михайловна

ORCID: 0009-0003-4332-4240

независимый исследователь

668312, Россия, республика Тыва, село Межегей, ул. Ленина, 69, кв. 1

✉ knyam2020@mail.ru

[Статья из рубрики "Новая научная парадигма"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.1.72376

EDN:

RAEMJJ

Дата направления статьи в редакцию:

19-11-2024

Аннотация: Работа посвящена концептуальному осмыслению тенденций развития научного знания. Статья продолжает исследования, изложенные в предыдущих номерах журнала "Философская мысль". Предметом исследования являются сущностные характеристики системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм. Данная статья имеет своей целью обобщить результаты предыдущих исследований и провести краткий обзор научных работ по схожей тематике. Для этого с различных ракурсов рассмотрены истоки мета-парадигм. Изложены обобщённые результаты предыдущих исследований. Сквозь призму мета-парадигм рассмотрены труды М. Полани, Т. С. Куна. Описаны выводы, к которым пришли различные учёные в

различных областях научного знания: Ю. В. Латов; С. Р. Бекулова; Э. Баскелл; Г. С. Левит, У. Хоссфельд и А. А. Львов; М. Бун и С. Ван Баален; Т. В. Черниговская. Сопоставлены теория знака и парадигмы в языкознании: системно-структурная и антропоцентрическая. Данное сопоставление позволило выделить системно-структурную и биоэссенциально-детерминистическую мета-парадигмы. Введены новые термины: биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигма, системно-структурная мета-парадигма, биоэссенциализм, биоэссенциальный детерминизм. Сделан вывод: системно-структурная мета-парадигма понимается как концептуально обобщённый свод представлений формально-ориентированного характера. Биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигма понимается как концептуально обобщённый свод представлений сущностно-ориентированного характера. Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы есть бинарные оппозиции форма и содержание, асимптотически направляющие развитие научного знания. Показано проявление биоэссенциального детерминизма в концепции личностного знания М. Полани. Показана представленность мета-парадигм в теории Т. С. Куна. Проанализированы работы других учёных по схожей теме. Сделан вывод: идеи мета-парадигмы высказываются различными учёными в различных научных дисциплинах. Это говорит о достижении критической точки осмысления.

Ключевые слова:

мета-парадигма, метапарадигма, парадигма, смена парадигм, научное знание, антропоцентризм, биоэссенциальный детерминизм, биоэссенциализм, системно-структурная мета-парадигма, биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигма

посвящается нашему дорогому и близкому другу Надежде Николаевне Бебриш

Введение

Наши предыдущие исследования, опубликованные в №№ 9 и 10 журнала «Философская мысль», позволили выделить и описать системно-структурную и биоэссенциально-детерминистическую мета-парадигмы на примере различных наук и трудов отдельных исследователей. Данная статья имеет своей целью обобщить результаты предыдущих исследований и провести краткий обзор научных работ по схожей тематике.

Для этого будем придерживаться следующей структуры. В разделе **История вопроса** с новых ракурсов рассмотрены истоки мета-парадигм, частично описанные ранее. Раздел **Сущностные характеристики мета-парадигм** посвящён обобщению результатов предыдущих исследований. В разделе **Обзор научной литературы** проанализирована представленность мета-парадигм в трудах учёных. В разделе **Заключение** подведены итоги.

Предметом исследования являются сущностные характеристики системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа научного знания. Накопившийся массив противоречивых данных в ряде научных дисциплин требует упорядочения и поиска закономерностей. Данная проблема не раз вставала перед наукой, что приводило к появлению парадигм внутри отдельной науки. В настоящее время данная проблема носит мета-научный характер, и это требует анализа не столько отдельных научных фактов внутри отдельной науки, сколько осмысления целых парадигм

в ряде научных дисциплин.

История вопроса

Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы берут начало в языкознании. В языкознании в рамках теории знака выделяют план выражения знака и план содержания знака. Допустим, что план выражения знака есть жёстко заданный каркас для плана содержания; предположим, что план содержания суть определённая сущностная наполненность, в русле которой реализуется план выражения. Следовательно, план выражения знака обретает содержание, становясь смыслоразличительной характеристикой, и это позволяет выстроить определённую систему знаков по формальным признакам, имеющим сущностное значение; следовательно, план содержания обретает выразительность, и это позволяет создать образ исходя из сущностных характеристик, обретающих значение выразительности.

Распространим полученные результаты на парадигмы в языкознании, и получим следующее: заданность системы формальными признаками есть частный случай реализации системно-структурной парадигмы, а проявленность внутренней сути содержания – результат воплощения антропоцентрической парадигмы.

К этому же выводу можно прийти, если осмыслить позицию В. Н. Волошинова. В. Н. Волошинов возражает против рассмотрения содержания отдельно от формы [\[1, с. 25-26\]](#). Однако если это сделать (т.е. проанализировать сущность *содержания* в предельном отрыве от *формы* и сущность *формы* в предельном отрыве от *содержания*) и распространить полученные данные на парадигмы в языкознании, то можно последовательно прийти к следующим выводам:

- 1) *форма* понимается как каркас, в рамках которого реализуется *содержание*;
- 2) *содержание* понимается как сущностная наполненность, в русле которой реализуется *форма*;
- 3) *форма* знака обретает значение *содержания*, становясь сущностной характеристикой, позволяющей отнести рассматриваемый знак к той или иной категории по формальным основаниям;
- 4) *содержание* обретает значение *формы*, определяя внешнее проявление знака, позволяющее судить о нём с той или иной позиции с точки зрения его содержательной наполненности;
- 5) тем самым, предел *формы* проявляется в виде системно-структурной парадигмы, а предел *содержания* обнаруживается в виде антропоцентрической парадигмы;
- 6) если смотреть шире, то предел *формы* проявляется в виде системно-структурной мета-парадигмы, а предел *содержания* – в виде биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмы.

Рассмотрение теории знака с указанного ракурса и последующее распространение полученных данных на парадигмы в языкознании (системно-структурную и антропоцентрическую) позволяет выделить системно-структурную и биоэссенциально-детерминистическую мета-парадигмы. Системно-структурная мета-парадигма описывает мир как упорядоченную систему знаков, а биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигма описывает деятельность биоэссенциально детерминированного субъекта.

Итак, системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы есть предел формы и предел содержания соответственно. Тогда истоком мета-парадигм следует признать дуализм *форма/содержание*. Дуализм *форма/содержание* берёт начало ещё со времён задокументированной античности в виде осмысления первичности материи или идеи, породившего дальнейшие споры идеалистов и материалистов [\[2\]](#) [\[3\]](#). Тем самым, будучи качественно новой, концепция системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм в то же время является одной из древнейших в науке. Будучи имплицитной, по мере развития научного знания данная концепция эксплицируется, проявляясь в исследованиях ряда учёных из различных научных дисциплин.

Сущностные характеристики мета-парадигм

По сути, системный структурализм, как это явствует из названия, представляет собой пустую матрицу – т.е. систему предписаний, которым должен соответствовать элемент, чтобы попасть в определённый раздел. Тогда противоположным системному структурализму будет подход, предполагающий учёт внутренней сущности содержания для придания ему той или иной формы. Сущностная обусловленность содержания определяет то, какой будет форма. **Биоэссенциальный детерминизм** значит *суть, обусловленная жизнью*, или *обусловленность жизненной сутью*. Биоэссенциальный детерминизм – это глубинная обусловленность жизненной сути формами её проявления. Суть задаёт форму. Биоэссенциальный детерминизм утверждает биосоразмерность научного знания. Как частный случай, биоэссенциализм утверждает человекомерность научного знания. Биоэссенциальный детерминизм – это антропоцентризм в широком смысле.

М. Полани подчёркивает: «будучи человеческими существами, мы неизбежно вынуждены смотреть на Вселенную из того центра, что находится внутри нас, и говорить о ней в терминах человеческого языка, сформированного насущными потребностями человеческого общения. Всякая попытка полностью исключить человеческую перспективу из нашей картины мира неминуемо ведет к бессмыслице» [\[4, с. 20\]](#). Таким образом, антропоцентризм (а если смотреть шире, то биоэссенциальный детерминизм) обусловлен самой природой действующего субъекта.

Биоэссенциализм – это жизнь как феномен, это горящий дух, это живое пламя души, внутренняя сущность, жизненная суть, проходящая сквозь поколения, сквозь воплощения, сквозь расстояния. Само течение жизни является основой бытия; жизнь продолжается, калейдоскопически преобразаясь на каждом новом своём витке. Многогранно преломляясь сквозь социокультурные особенности, биоэссенциализм являет себя в виде жизнеутверждающего ядра различных мировоззренческих концепций и религиозных течений, которое сложно подвергнуть спекулятивной дезинтеграции.

Итак, природа действующего субъекта и вообще, естество всего живого – это обусловленность жизни различными формами её проявления. Сама же суть жизни – то единое, что проявляется в многообразии форм. Учёт приоритетности жизненной сути и форм её проявления делает бытие соразмерным сознанию.

Концептуально анализируя развитие лингвистики, В. М. Алпатов делает вывод: в лингвистике действуют системно-структурный и антропоцентрический подходы – т.е. упорядочение и хаос соответственно; в разные эпохи на первый план может выходить то один, то другой из них; в настоящее время наблюдается усиление хаоса, антропоцентрического подхода [\[5, с. 18\]](#). Можно заключить, что в настоящее время

усиливается влияние биоэссенциального детерминизма в науке.

Разумеется, системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы проявляются не только в языкознании, а в ряде областей научного знания: где-то как парадигмы, а где-то как отдельные течения и концепции. Однако именно в языкознании системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы проявляют себя наиболее ярко и полно. Это можно объяснить спецификой языкознания как научной дисциплины, выражающейся в сочетании знаковой системы и человеческого фактора.

Итак, мы понимаем системно-структурную мета-парадигму как концептуально обобщённый свод представлений формально-ориентированного характера, а биоэссенциально-детерминистическую мета-парадигму – как концептуально обобщённый свод представлений сущностно-ориентированного характера.

В №№ 9 и 10 журнала «Философская мысль» на базе разнообразного фактологического материала описаны системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы. В таблице в виде антонимичных пар представлены сущностные характеристики мета-парадигм.

Системно-структурная мета-парадигма	Биоэссенциально- детерминистическая мета-парадигма
статика	динамика
логика	интуиция
опора на сознательное	опора на бессознательное
рациональное	иррациональное
объективность	субъективность
определённое	аморфное
эволюция	революция
узкая специализация	широкая междисциплинарность
развитие вглубь	развитие вширь
формально-ориентированный подход	сущностно-ориентированный подход
конкретная научная дисциплина как закрытая система	конкретная научная дисциплина как открытая система
традиция сохранять традиции	революционное стремление к революционным изменениям
абстрактный объективизм по В. Н. Волошинову [1] [6, с. 202-204]	индивидуалистический субъективизм по В. Н. Волошинову [1] [6, с. 202-204]
системоцентричный подход по Е. В. Рахилиной [6, с. 204-205]	антропоцентричный подход по Е. В. Рахилиной [6, с. 204-205]
упорядочение и строгость по В. М.	хаос и произвольность по В. М.

Алпатову [5, с. 18]	Алпатову [5, с. 18]
культура 2 по В. З. Паперному [7]	культура 1 по В. З. Паперному [7]
цикл восстановления по П. Б. Богдановой [8]	цикл разрушения по П. Б. Богдановой [8]
замкнутая структура порядка по П. Б. Богдановой [9]	открытая структура хаоса по П. Б. Богдановой [9]

Таким образом, концептуальное осмысление развития научного знания позволило выделить и описать системно-структурную и биоэссенциально-детерминистическую мета-парадигмы. Можно сказать, что системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы проявляются как тенденции развития научного знания, научные тренды. Однако есть и существенные различия: тенденция – это текущий вектор развития науки, а тренд – это модная тенденция. Тенденция и тренд описывают текущее развитие на уровне описываемых закономерностей, тогда как мета-парадигма носит вневременной характер, отображает выход на над-уровень, объясняет причины и даёт прогнозы стратегического характера. Кроме того, тенденции и тренды – это частные случаи реализации мета-парадигмы. Мета-парадигмы описывают стратегическое развитие, а тактически реализуются через тенденции и тренды. Мета-парадигмы носят универсальный характер и проявляются где-то как глобальные парадигмы, направляющие развитие отдельно взятой науки, а где-то – как отдельные концепции, реализующиеся в виде частных теорий.

Краткий обзор научной литературы

Схожие идеи высказываются различными учёными в различных областях научного знания. Так, Ю. В. Латов рассматривает развитие экономической мысли как конкуренцию двух мета-парадигм, которые в маятниковом ритме сменяют друг друга [\[10, с. 272\]](#). Исследователь группирует все научные парадигмы в две мета-парадигмы: **этастические (дирижистские) теории регулирования** и **либеральные теории саморазвития**, а критерием выделения мета-парадигм являются противопоставления *регулирование/саморазвитие, искусственное/естественное, план/рынок* [\[10, с. 272-274\]](#). Мета-парадигмы по Ю. В. Латову семантически близки к описанию системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм соответственно. Обращает на себя внимание и схожесть терминологии.

Так, С. Р. Бекулова описывает кризисные процессы в мировой экономике. Исследователь делает вывод: источниками кризисов являются две парадигмы, одна из которых имеет глубинные причины, а вторая проявляется хаотично [\[11, с. 20\]](#). Это также соотносится с идеями Ю. В. Латова и сопоставимо с описанием системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм соответственно.

Схожие идеи, но в другой научной области высказывает Э. Баскелл. Учёный осмысливает идеи Д. Спербера и Н. Клэйдера, концептуализируя культурные аттракторы. Э. Баскелл описывает консервативный и преобразующий подходы, понимая их как культурные аттракторы. Исследователь определяет существенное различие между подходами, заключающееся в том, как каждый из них понимает передачу и изменение. Э. Баскелл пишет: консервативный подход предполагает, что изменения в содержании происходят тогда, когда ошибка или шум в процессе копирования вносят новые вариации, а преобразующий подход, напротив, утверждает, что изменения в содержании

происходят в результате вмешательства – «по мере того, как люди (ре)конструируют варианты с учетом действия некоторой (ре)конструирующей системы» [12, с. 380]. Исследователь отмечает: один и тот же сигнал или стимулы могут привести к радикально различным последствиям [12, с. 380].

Г. С. Левит, У. Хоссфельд и А. А. Львов анализируют развитие концептуальной мысли в немецкой эволюционной биологии, понимая её фундаментальные принципы как метапарадигму [13]. Исследователи пишут о сходстве понятий *метапарадигма* и *культурный аттрактор* по Э. Баскеллу. Учёные определяют специфику развития немецкой эволюционной биологии, сопоставляя её с англоязычной и русскоязычной. Таким образом, метапарадигма анализируется в прагматическом аспекте.

М. Бун и С. Ван Баален описывают две философских парадигмы науки: физическую и инженерную [14]. Под физической парадигмой науки исследователи понимают традиционную парадигму, под инженерной – инновационную. По мнению учёных, физическая парадигма препятствует междисциплинарным исследованиям, а инженерная – способствует им. Можно сделать вывод, что внутридисциплинарные исследования могут осуществляться в рамках физической парадигмы науки.

Кроме того, М. Бун и С. Ван Баален отмечают: физической парадигме науки свойственны иерархическая структура и упорядоченность, тогда как инженерной парадигме науки свойственна сложная неиерархическая структура [14, с. 16].

Таким образом, выводы, к которым пришли М. Бун и С. Ван Баален, соотносимы с полученными нами: для физической парадигмы науки характерны упорядоченность, узкая специализация, развитие вглубь и рассмотрение конкретной научной дисциплины как закрытой системы (системно-структурная мета-парадигма), а для инженерной парадигмы науки характерны хаос, широкая междисциплинарность, развитие вширь и рассмотрение конкретной научной дисциплины как открытой системы (биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигма).

Анализируя специфические особенности полушарий головного мозга, Т. В. Черниговская подчёркивает: «система культурного и даже биологического развития работает не на стирание различий, а на их увеличение» [15, с. 26]. Т. В. Черниговская излагает список полушарных характеристик: так, левому полушарию свойственны *логика, анализ, формальный интеллект, мышление силлогизмами* (т.е. последовательными суждениями – прим. наше), *теоретические знания о мире и его законах*, а правому – *целостность восприятия, мышление образами, эмпирические сведения о реальном мире* [15, с. 26-28]. Данные характеристики во многом полушарий головного мозга перекликаются с описанием мета-парадигм: можно сказать, что левое полушарие воплощает действие системно-структурной мета-парадигмы, а правое – биоэссенциально-детерминистической.

Т. С. Кун рассматривает развитие научного знания не абстрактно, а в научном сообществе. Выше мы объяснили, почему именно в языкознании системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы описаны наиболее последовательно и непротиворечиво. Языкознание изучает язык как знаковую систему – что определяет парадигму системно-структурную; язык этот – человеческий, и его изучает человек – что обуславливает действие человеческого фактора и определяет парадигму антропоцентрическую. Приложим это объяснение к теории Т. С. Куна [16]. Если понимать предложенные Т. С. Куном *научную парадигму и дисциплинарную матрицу* как знаковую систему, а *научное сообщество* – как человеческий фактор, то «Структура

научных революций» описывает взаимодействие системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм. Введение Т. С. Куном понятия *научное сообщество* наряду с понятием *научная парадигма* (и *дисциплинарная матрица* в дополнении от 1969 г.) делает концепцию Т. С. Куна сочетающей проявления обеих мета-парадигм.

В какой-то мере можно считать, что концепция личностного знания М. Полани описывает проявление биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмы [4]. М. Полани отказался от идеала беспристрастности научного знания [4, с. 18], свойственного системному структурализму. М. Полани утверждает знание личностное и определяя его как сплав личного и объективного [4, с. 19]. М. Полани говорит о невыразимом личностном знании, описывая тем самым проявление биоэссенциального детерминизма. Кроме того, биоэссенциальный детерминизм концепции М. Полани обусловлен и её истоками, лежащими в области гештальтпсихологии [4, с. 18].

М. Полани завершает свою работу «Личностное знание» словами: «Тем, кто способен к самоотдаче, она предоставляет законные основания утверждения личностных убеждений, всеобщих по своему содержанию» [4, с. 338]. Фактически, описывая невыразимое личностное знание, говоря о личностной вовлечённости в научное познание и воспевая самоотдачу, труд М. Полани является одой пассионарности в науке.

Заключение

Наиболее последовательно и непротиворечиво системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы описаны в языкознании в виде системно-структурной и антропоцентрической парадигм. Это объясняется следующими факторами: 1) предметом изучения языкознания является язык как знаковая система, что определяет парадигму системно-структурную; 2) при этом априори понимается: на этом языке говорят люди, что определяет парадигму антропоцентрическую. Антропоцентризм есть частный случай биоэссенциального детерминизма.

Биоэссенциальный детерминизм понимается как глубинная обусловленность жизненной сути формами её проявления. Биоэссенциальный детерминизм утверждает биосоразмерность научного знания и предполагает учёт приоритетности жизненной сути и форм её проявления. Сама суть жизни – то единое, что проявляется в многообразии форм.

Системно-структурная мета-парадигма носит формально-ориентированный характер, биоэссенциально-детерминистическая – сущностно-ориентированный. В предельно общем виде системно-структурная мета-парадигма может пониматься как традиция сохранять традиции, а биоэссенциально-детерминистическая – как революционное стремление к революции.

Модель мета-парадигм носит универсальный характер. Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы явно и неявно присутствуют всюду, асимптотически направляя развитие мира как бинарные оппозиции **форма** и **содержание**.

Схожие идеи высказываются ещё со времён античности – тем самым, концепция системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм является одной из древнейших – и качественно новой одновременно. Данный парадокс

объясняется тем, что системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы выражены имплицитно, что объясняет их сокрытость. Существование данных мета-парадигм становится всё более очевидным по мере роста научного знания. Для выделения и описания сущностных характеристик системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм потребовалось рассмотреть теорию знака с принципиально иной стороны.

Исследование описывает развитие научного знания в междисциплинарном аспекте на мета-научном уровне. Анализ научных работ показал, что тема разрабатывается в научном сообществе, однако скорее на внутридисциплинарном уровне, хотя некоторые учёные описывают парадигмы междисциплинарных исследований.

Отметим, что идеи мета-парадигмы высказываются различными учёными в различных научных дисциплинах, и порой с использованием схожей терминологии. Это явно свидетельствует о достижении некоей критической точки осмысления.

Библиография

1. Волошинов В. Н. (М. М. Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Комментарии В. Махлина. М.: Лабиринт. 1993. 194 с.
2. Колычев П. М. Единство материального и идеального как парадигма при изложении истории философии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. Т. 7, № 21-1. С. 7–20. EDN KUSJEN.
3. Шафоростов А. И. История фундаментальных идей: материя // Известия лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17, № 4(41). С. 92–102. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-4-92-102. EDN XUEHFS.
4. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 345 с.
5. Алпатов В. М. Что и как изучает языкознание // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 7–21. EDN UBEVEJ.
6. Алпатов В. М. Два подхода к изучению языка // История и современность. 2016. № 1 (23). С. 198–220. EDN WAYDFZ.
7. Паперный В.З. Культура Два. 4-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 395 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»). ISBN: 978-5-4448-0597-8.
8. Богданова П. Б. Маятник культуры / П. Б. Богданова. СПб : Издательство Алетейя, 2021. 180 с. ISBN 978-5-00165-285-4. EDN KMMVEF.
9. Богданова П. Б. Классические и неклассические структуры драмы / П. Б. Богданова // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2(29). С. 220–227. DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-220-227. EDN HBQGKL.
10. Латов Ю. В. Маятниковая долгосрочная динамика развития экономической теории // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15, № 2. С. 270–282. EDN TCBVBF.
11. Бекулова С.Р. Две парадигмы кризисных процессов в мировой экономике в XXI веке // Национальная безопасность / nota bene. 2022. № 4. С. 15–24. DOI: 10.7256/2454-0668.2022.4.38565 EDN: OQNNUQ URL: https://e-notabene.ru/nbmag/article_38565.html
12. Buskell A. (2017). What are cultural attractors? *Biology & Philosophy*, 32(3), 377–394. DOI: 10.1007/s10539-017-9570-6.
13. Levit G. S., Hossfeld U., Lvov A. A. (2020). Shaping German Evolutionary Biology: A Case Study of the Metaparadigm Hypothesis // Философия истории философии: сб. науч. статей / отв. ред. С. И. Дудник, А. А. Кротов, В. В. Миронов, И. Д. Осипов. 2020. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, С. 241–257.
14. Бун М., Ван Баален, С. Эпистемология для междисциплинарных исследований –

смена философских парадигм науки. Euro Jnl Phil Sci 2019. 9, 16. С. 1-28.

<https://doi.org/10.1007/s13194-018-0242-4> URL: <https://rdcu.be/d4SjL> (дата обращения: 19.11.2024).

15. Черниговская Т. В. «Шум» как ключ к семиозису: мозг и культура (40 лет спустя) // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, № 2. С. 24-36. DOI: 10.5922/2225-5346-2022-2-1. EDN ODIIDS.

16. Кун Т. С. Структура научных революций / С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М.: Прогресс, 1977. 300 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Название статьи следует признать неудачным: в нем не содержится предметностью. Просто постулируется в духе научных монографий, что “мета-парадигмы”. Нет пояснений, какой конкретно аспект рассматривается. Поэтому название следует изменить или дополнить.

Статья представляет собой продолжение философских публикаций, которые были представлены в предыдущих номерах «Философской мысли».

В статье довольно подробно представлена научная новизна, но нет описания предмета исследования. В статье также отсутствует описание методологии исследования, нет пояснений, какие методы были использованы при проведении научной работы и написании статьи. Статья сразу начинается с того, что в научный оборот вводится сразу несколько новых терминов – “системно-структурная мета-парадигма и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигма”. Однако необходимо пояснение, в чем состоит научная актуальность, и насколько оправданным является введение новых терминов, поскольку, в соответствии с известным принципом бритвы Оккама “не нужно множить сущее без необходимости”.

В статье есть некоторая структура, но она носит больше имплицитный характер. Вместо введения, основной части и заключения есть отдельные смысловые разделы. Например, вместо заключения в статье постулируется: “Резюмируем. Модель мета-парадигм носит универсальный характер. Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы явно и неявно присутствует всюду, асимптотически направляя развитие мира как бинарные оппозиции форма и содержание”. Это можно оформить в виде заключения. Но в заключении необходимо повторить достигнутые в ходе научного исследования научные результаты. В заключении не должно быть новых концептуальных положений, которые до этого не встречались в научной работе.

В библиографическом списке представлено 27 научных публикаций, из них три научные работы были опубликованы за последние 3 года. Но публикации были использованы только на русском языке. Можно порекомендовать добавить англоязычные научные источники, поскольку представляется очевидным, что сама проблематика исследуется, в том числе, и зарубежными философами. В источнике № 20 необходимо добавить издательство. Еще добавить издательство нужно в № 21. В источнике № 21 издательство, по-видимому, поставлено перед городом. Необходимо разобраться и со стандартом написания в научных источниках наименования издательства: в № 10 издательство в кавычках, но без слова “издательство”, в № 9 и № 26 уже присутствует слово “издательство”, в № 11 издательство без кавычек. Нужно все привести к общему знаменателю.

Необходимо добавить в библиографический список труды упоминаемых в научной статье

Платона и Аристотеля, поскольку из текста не вполне понятно, о каких именно трудах идет речь?

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Авторы рецензируемой статьи стремятся обосновать необходимость использования в современной философии и методологии науки понятия метапарадигмы. К сожалению, они не сразу дают более точное определение её задач, и читателю требуется некоторое время, чтобы понять, о чём же на самом деле пойдёт речь. Поначалу они просто заявляют, что «Предметом исследования является рост и развитие научного знания». Но «рост и развитие научного знания» является основным предметом философии науки со времён Поппера, это излишне общее утверждение предпочтительно просто снять. Далее, однако, они уточняют, что «мета-парадигмальный подход предполагает рассмотрение самих систем координат – т.е. выход на над-парадигмальный междисциплинарный уровень, или выявление системных связей между парадигмами в трансдисциплинарном аспекте». Более того, они ссылаются на уже состоявшиеся публикации, в которых были выделены два типа метапарадигм, и только после этого становится понятным предназначение настоящего текста – обобщить полученные прежде результаты, описать «сущностные характеристики системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм». Думается, всё это следовало бы сказать яснее и короче, не заставляя читателя предпринимать самостоятельное исследование, направленное на выявление замысла новой публикации. Вряд ли нуждается в критике сама идея восхождения к «метауровню» в анализе любого понятия, в том числе, и понятия парадигмы. Обоснованность подобной стратегии должна подтверждаться конкретными полученными результатами. Что позволяет нам дополнительно увидеть в том или ином понятии подъём на очередную ступеньку «мета-»? Не обрекает ли мы тем самым самих себя и своих читателей на коллекционирование «избыточных сущностей»? На взгляд рецензента, в настоящей статье авторам не вполне удалось обосновать плодотворность избранной ими стратегии. Слишком обширным и часто бессодержательным представляется та часть материала, которую можно было бы назвать «обзором литературы». Например, авторы замечают: «П. Рассел понимает метапарадигму как парадигму, лежащую в основе всех парадигм». Зачем в этом случае на кого-то ссылаться? Разве можно «понимать» этот термин иначе? Кажется, подобную банальность способен произнести любой второкурсник, собиравший подобных реплик не может составлять содержание научного исследования. Непонятно к тому же, зачем авторы пересказывают те положения, которые уже были представлены в опубликованных ими ранее работах. К сожалению, в тексте осталось и довольно много синтаксических, стилистических, пунктуационных ошибок и погрешностей. Например, зачем так часто и, как правило, неуместно разбросаны в тексте тире: «носит мета-научный характер – что требует...», «полипарадигмальности – что по сути...», и т.п.? Конечно, всякий автор имеет право на использование именно «авторской пунктуации», но в подобных случаях трудно понять, какую же мысль «оттеняет» подобный способ расстановки знаков препинания. Встречаются в тексте и какие-то явно «вымученные» конструкции, лишние слова, и т.п., например: «названных нами как системно-структурная...», – зачем здесь появляется «как»? Думается, было бы правильным порекомендовать авторам поработать ещё над текстом, чтобы исключить подобные бросающиеся в глаза ошибки и погрешности. Несмотря на высказанные замечания,

думается, статья имеет определённые перспективы публикации в качестве обобщения высказанных авторами ранее положений.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью «Мета-парадигмы: сущностные характеристики »

Предметом исследования представленной статьи являются сущностные характеристики системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм.

Методология исследования включает такие общенаучные подходы, как дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, наблюдения, синтеза.

Актуальность работы обусловлена необходимостью анализа научного знания. Накопившийся массив противоречивых данных в ряде научных дисциплин требует упорядочения и поиска закономерностей. Данная проблема не раз вставала перед наукой, что приводило к появлению парадигм внутри отдельной науки. В настоящее время данная проблема носит мета-научный характер, и это требует анализа не столько отдельных научных фактов внутри отдельной науки, сколько осмысления целых парадигм в ряде научных дисциплин.

Научная новизна выражается в концептуальном осмыслении развития научного знания позволило выделить и описать системно-структурную и биоэссенциально-детерминистическую мета-парадигмы. системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы проявляются как тенденции развития научного знания, научные тренды. Тенденции и тренды – это частные случаи реализации мета-парадигмы. Мета-парадигмы описывают стратегическое развитие, а тактически реализуются через тенденции и тренды. Мета-парадигмы носят универсальный характер и проявляются где-то как глобальные парадигмы, направляющие развитие отдельно взятой науки, а где-то – как отдельные концепции, реализующиеся в виде частных теорий.

К научной новизне относится выявление автором сущностных характеристик мета-парадигмы. Для этого он предлагает подход, предполагающий учёт внутренней сущности содержания для придания ему той или иной формы. Сущностная обусловленность содержания определяет то, какой будет форма. Биоэссенциальный детерминизм – это глубинная обусловленность жизненной сути формами её проявления, которая задаёт форму. Биоэссенциальный детерминизм утверждает биосоразмерность научного знания. Как частный случай, биоэссенциализм утверждает человекомерность научного знания. Биоэссенциальный детерминизм – это антропоцентризм в широком смысле. Автор понимает системно-структурную мета-парадигму как концептуально обобщённый свод представлений формально-ориентированного характера, а биоэссенциально-детерминистическую мета-парадигму – как концептуально обобщённый свод представлений сущностно-ориентированного характера.

Автор обосновывает идею о том, что системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы есть предел формы и предел содержания соответственно. Тогда истоком мета-парадигм следует признать дуализм форма/содержание. Автор делает вывод о том, что концепция системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм в то же время является одной из древнейших в науке. Будучи имплицитной, по мере развития научного знания данная

концепция эксплицируется, проявляясь в исследованиях ряда учёных из различных научных дисциплин.

Статья написана научным языком, претензий к стилю изложения нет. Структура соответствует требованиям, предъявляемым к научному тексту.

Библиография работы включает 16 источников, которые соответствуют содержанию. Использованная литература является актуальной. Однако отмечается некорректное оформление списка литературы, например, не указано время доступа к интернет-сайтам, на которых размещены источники.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Саяпин В.О. Жильбер Симондон и речевая коммуникация // Философская мысль. 2025. № 1. DOI:

10.25136/2409-8728.2025.1.72871 EDN: RBYOWX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72871

Жильбер Симондон и речевая коммуникация

Саяпин Владислав Олегович

ORCID: 0000-0002-6588-9192

кандидат философских наук

доцент, кафедра истории и философии; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ vlad2015@yandex.ru

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.1.72871

EDN:

RBYOWX

Дата направления статьи в редакцию:

26-12-2024

Аннотация: Осмысление речевой коммуникации в мышлении выдающегося французского философа и мыслителя в области техники и технологических новшеств Жильбера Симондона (1924–1989) носит апоретичный характер, является загадкой, а не разрешением и более того, не может дать убедительных определений искомых понятий, таких как истина и добродетель. Хотя, кажется, у Симондона были все условия для разработки оригинальной и последовательной теории «речевой коммуникации», которая в пространстве языкового общения, является доминирующей формой взаимодействия. Однако в его работах есть только разрозненные размышления, которые не дают основания для строгой теории, а скорее ведут к несистематизированной критике языка. Более того, тему «речевой коммуникации» Симондон всегда критиковал, поскольку в середине XX века ее теория являлась парадигмой структуралистской моды. Поэтому, мы с акцентом на диалектический метод исследования, постараемся определить те гипотезы, которые могут объяснить такое отсутствие теории «речевой коммуникации» в его работах. Научная новизна исследования заключается в том, что в первой четверти XXI века труды Симондона нашли свое повторное признание и стали считаться

оригинальной философией современности, это позволяет нам проделать некоторую критическую философскую работу. В заключении автор статьи пришел к следующим выводам. Во-первых, Симондону не требовалось использование понятия «речевой коммуникации» для переосмысления условий мышления в его теории «индивидуации». Во-вторых, Симондон иначе ставил вопрос о речевой коммуникации, а именно в форме теории «техносоциальной коммуникации», основанной на соотношении технологий, информации и значений, которые выходят за рамки и охватывают вопрос о языке. В-третьих, исходя из этих двух гипотез, делается важное предположение, что Симондон стремился вывести философию из логоцентризма и поддерживающего его редукционистского антропоцентризма, что подразумевает фундаментальную релятивизацию речевой коммуникации.

Ключевые слова:

апория, техносоциальная коммуникация, речевая коммуникация, индивидуация, язык, логика, смысл, апостериори, априори, сущее

Несмотря на опубликовании, в последнее время множества статей о творчестве Ж. Симондона, любой внимательный исследователь сталкивается с вопросом, который, и сегодня остается без ответа. Это вопрос звучит как апория: а как истолковывает речевую коммуникацию в своей теории «индивидуации» Симондон? И ответом на этот вопрос, может служить то, что Симондон, отказавшись от парадигмы структуралистской «моды» середины XX века в европейской философии, практически, не проводит никакого исследования проблемы, связанной с речевой коммуникацией, для экспликации которой как будто, все условия в его теории «индивидуации» созданы. Чтобы убедиться в этом, достаточно было проследить то, что он больше внимания уделяет теории «смысла», чем теории «речевой коммуникации». И этому способствуют, на наш взгляд, следующие причины.

Первое предположение (или гипотеза) состоит в том, что Симондону не нужно было ставить проблему речевой коммуникации, потому что она несовместима с субстанциалистской традицией, которая определяет логос как источник истины, как причину философии, как структуру всего мышления. И именно поэтому все эти характеристики логоса не только противоречат всем знаниям об индивидуации, но и навязывают примат бытия над становлением. В этом случае, по мнению известного французского философа Ж. Делеза (1925–1995): «Становление – не один и не два, и не отношение между двумя; оно – промежуток, граница, линия ускользания или падения, перпендикулярная к двум»^[1, с.487]. Кроме того, логос всегда рассматривался как сущность, как противопоставление субъекта и объекта, и как гегемония принципа идентичности и логики исключенного третьего. В результате подобная философская рефлексия, всегда противоречит дискурсивности, логике и коммуникации. Из чего следует, что двумя составляющими условиями рефлексивной жизни являются органическая и техническая жизнь. Вот почему философия как рефлексивный способ отношения индивида к миру не является ни первоначальной и ни единственной формой мышления. Поскольку до философии не только существовали религиозные, технические и эстетические смыслы, но которые и сегодня совместно с философскими смыслами образует многофазную систему познания^[2].

Второе предположение заключается в том, что Симондон иначе рассматривал проблему

речевой коммуникации, а именно считал ее как проблему техносоциального становления, то есть, он учитывал соотношение значения, техники и информации в коммуникации. Поэтому эта более фундаментальная проблема всегда требует включения речевой коммуникации не только в систему фаз генезиса индивида, но и в сложность уровней отношения этого сущего к себе и миру. Иначе говоря, такое положение дел заставляет эту коммуникацию казаться относительной, локализованной и поздней реальностью. Кроме того, эта проблема на много шире, чем проблема речевой коммуникации, поскольку она затрагивает как живое нечеловеческое, так и живое человеческое, эстетические и религиозные объекты, а также технические объекты, в соответствии с модальностями, которые любая лингвистическая парадигма имела бы тенденцию обеднять. Однако отвергая речевую коммуникацию как основное условие мышления, такая точка зрения сделала бы философию Симондона фундаментальной критикой логоцентризма. Это сразу же поставило бы его в один ряд не только с ницшеанской и бергсоновской критикой языка, от которой он много, что унаследовал, но и параллельно с критикой, предложенной М. Хайдеггером (1889–1976), с которой он никогда по-настоящему не вступал в диалог. В этом случае пришлось бы объяснять, что может означать мышление, которое не отрываясь от речевой коммуникации в соответствии с его собственной философией, может быть альтернативой хайдеггеровской «речи».

Поэтому центральная цель этого исследования состоит не в том, чтобы дать систематическую и тщательную проверку этих двух предположений, а в том, чтобы найти некую основу в вопросе речевой коммуникации в творчестве Симондона, которая может не только объединить критику логоцентризма и антропоцентризма, но и уточнить их. При этом речь пойдет о том, чтобы поставить здесь не только проблему речевой коммуникации, но и не претендовать на пренебрежение изложенной апорией, а скорее смириться с ней, чтобы точнее разграничить ее, а также более правильное понять ее герменевтические эффекты. Более того, исследование понятия «речевой коммуникации» предлагает рассмотрения ее посредством изучения: 1) симондонианской критики языка, понимаемого как условие познания и мышления; 2) внутренней напряженности в отношениях между техникой и речевой коммуникацией; 3) элементов, которые Симондон выдвигает для техносоциальной коммуникации.

Итак, именно в рамках своего уникального понимания процесса индивидуации Симондон предлагает критику языка и речевой коммуникации, но подобная критика, не будучи до конца им представленной, не является, ни прямой, ни систематической. И именно поэтому все это относится, прежде всего, к первоначальному жесту онтологического ниспровержения субстанциализма и его эпистемологическим и логическим последствиям: объяснять, производить и функционировать. Однако такая предпосылка препятствует любому познанию процесса индивидуации, поскольку не только «онтологическая привилегия» предоставляется индивиду как конституированному сущему, но и поиск первоначала вынуждает генезис функционировать в обратном направлении, чтобы найти этот принцип, ответственный за существование и развитие этого индивида и его характеристик, которые необходимо объяснить. Этот поиск первоначала, аналогичный поиску субстрата предикатива, обязательно включает в себя пренебрежение операцией индивидуации или даже перепрыгивание через нее, чтобы присоединиться к принципу, лежащему в основе реальности. Но такая экспликация включает в себя, прежде всего, объяснение индивидуации индивида простым термином, то есть тем, что уже является индивидом или чем-то индивидуализируемым. Вот почему сама операция индивидуации остается неясной и не может быть предметом реального познания. Отсюда следует, чтобы избежать такого несовершенства, Симондон и

предлагает эпистемологический поворот, заключающийся в том, чтобы: «...познавать индивида через индивидуацию, а не индивидуацию от индивида» [\[3, p.24\]](#).

Итак, благодаря такому перевороту, операция индивидуации становится первостепенной, она не только больше не зависит от более раннего принципа, но и сама является этим принципом. Иначе говоря, индивид больше не является абсолютной реальностью, а обнаруживает себя фазой, происходящей внутри процесса индивидуации. Из чего следует, чтобы мыслить индивидуацию, невозможно прибегнуть к модели субстанции и соответствующей ей логике. В этом случае субстанциалистская логика действительно основана на идее, что субстанция – это то, что состоит из ее единства и существует в своей идентичности, то есть то, что подчиняется без исключения принципу исключенного третьего (или закону классической логики), который формулируется следующим образом: каждое сущее есть либо А, либо не-А, и не может существовать никакого третьего члена между А и не-А, которое одновременно является А и не-А или ни А, ни не-А. Иначе говоря, в познании индивида через индивидуацию, единство и идентичность больше не являются релевантными познавательными категориями.

Если в познании индивидуации через индивида, единство относится к индивиду (индивидуализированному сущему), замкнутому в себе и состоящему из самого себя то, это единство не имеет абсолютно никакого отношения к индивиду, находящемуся в процессе индивидуации, а также это единство исключает себя из доиндивидуального сущего. Поэтому доиндивидуальное сущее, которое больше, чем единство в той мере, в какой оно скрывает в себе потенциальные возможности, и которые индивид, никогда не исчерпывает в процессе своей индивидуации до конца. С другой стороны, идентичность отсылает к идее о том, что становление бытия не может быть ничем иным, как рамкой, не имеющей никакого отношения к тому, что должно быть для этого сущего, оставаясь тем, чем оно является, в соответствии с совершенно стабильным состоянием, в котором невозможна никакая трансформация. Проще говоря, познание о том, что такое бытие, не может быть ничем иным, как несущественной рамкой, для этого сущего. Вот почему процесс индивидуации требует всегда мышления о становлении как об измерении бытия, то есть о том, что преобразует доиндивидуальное бытие, разрешая его первоначальную несовместимость, богатую потенциалами. Отсюда следует, что единство и идентичность применимы только к одной из фаз бытия, то есть к фазе, на которой произошло промежуточное становление индивида, то есть где сущее частично индивидуализировало себя, а не к операции индивидуации, посредством которой все это происходит [\[4\]](#).

В результате любое обращение к концепции, взятой в ее классическом смысле, неадекватно решению проблемы знания. С точки зрения теории «индивидуации», концепция действительно не является ни априорной, ни апостериорной, но наличной (a praesenti), поскольку она является информативной и интерактивной коммуникацией между тем, что больше, чем индивид, и тем, что меньше, чем он. Строго говоря, она возникает в результате психической операции, которая не реализуется абстрактно на основе ощущений, составляющих заданную материю апостериорно для априорных форм чувственности. Поэтому формирование концепции всегда является операцией индивидуации, а именно решением проблемы, которое выполняется налично в соответствии с фазами операции познания, то есть в соответствии с уровнями познающего сущего, а также путем включения всех элементов конкретной ситуации. Вот почему сохранение кантовского различия между априорным и апостериорным, по мнению Симондона, имеет отзвук «гилеморфической схемы» в теории познания, которая препятствует осмыслению индивидуации из-за двойной иллюзии в отношении влияния познающего субъекта на известный объект. Кроме того, существует иллюзия априорных

форм, которые на самом деле не являются априорными, поскольку они возникли в результате первоначального решения проблемы, вызванного ориентацией живого сущего в поляризованном мире, то есть они служат структурами доиндивидуальной системы, которая существует и становится индивидуальной до любого образования объекта.

Можно отметить, что иллюзия априорных форм более точно объясняется из предсуществования в доиндивидуальной системе условий тотальности, чье измерение превосходит измерение индивида, находящегося в процессе онтогенеза. Кроме того, подобные рассуждения наводят на мысль, что для индивида существует предпосылка, как для любого возможного знания, которая принимает во внимание, что иллюзия априорных форм это крайний термин высшего порядка в системе, в которой возникает проблема. В то же время, иллюзия апостериори исходит из той же логики, навязывая идею о том, что ощущение привносит необходимую материю в познание, конституируя себя как апостериорную данность для априорной формы. Отсюда следует, что эта последовательная операция, предшествует созданию пространственно-временных рамок, которые позже появляются совместно с восприятием, или, по-другому, операцией индивидуации. В этом случае восприятие – это не только операция предваряющая ощущение, но и которая обеспечивает совместимость между индивидом и средой. Поэтому иллюзия апостериорного проистекает из взаимного существования реальности, чей порядок величины, что касается пространственно-временных модификаций ниже, порядка индивида. Вот почему существует апостериорная данность, внешняя по отношению к индивиду, в то время как он существует и действует как дополнительный крайний термин и на порядок меньше по величине в той же системе.

В итоге только концепция «*a praesenti*» позволяет реализовать информативную и интерактивную коммуникацию между тем, что больше индивида, и тем, что меньше его. И более того, эта концепция решает проблему познания индивидуации, избегая необходимости прибегать к абстракции, реализуемой на основе индивидуальности, так как ее становление происходит посередине двух полюсов доиндивидуальной диады, а именно между априори и апостериори. То есть мы хотим сказать, что априори и апостериори не находятся в знании: они не являются не знанием, а крайними терминами доиндивидуальной системы и, следовательно, доноэтическими. Проще говоря, речь идет о том, чтобы вернуться к реальной ситуации, а именно к проблеме, которая возникает не только в ходе процесса, но и в центре отношений познания, а не пытаться реконструировать сущие или отнести их к «универсальному» в соответствии с категориями рода и вида. Таким образом, Симондон с опорой на А. Бергсона (1859–1941), считает, что речевая коммуникация вносит некий статический вклад в движение вещей и что концепции, создаваемые интеллектом, реализуют себя как операции обобщения, так и абстракции, которые препятствуют конкретному и полному пониманию реальности. Вот почему идея Симондона о том, что понятия являются «*a praesenti*», не только отвечает бергсоновским ^[5] гибким и подвижным представлениям, но также их общему устремлению осуществить бытие мысли одновременно с бытием объекта ^[3, p.24].

Вместе с тем оригинальность Симондона, заключается и в его трансдуктивном методе, который, по общему признанию, является «интуицией» в смысле Бергсона и предлагает «аналоговую парадигму», позволяющую задуматься об уникальности каждой фазы индивидуации (физической, витальной, технической и психосоциальной). Строго говоря, перед Симондоном стояла задача не превзойти логику концепций, как того хотел Бергсон, а предложить онтогенетическую теорию, предшествующую всякой логике и которая должна придать ей характер разнообразия в соответствии с типами

встречающейся индивидуации, как этого хотел Г. Башляр (1884–1962). Здесь становится очевидным, что идея плюрализации логики, сформулирована Симондоном вслед за Башляром. Например, Башляр утверждал, что после открытий современной науки необходимо каким-то образом изменить игру логических значений. Иначе говоря, необходимо определить столько логик, сколько существует любых типов объектов [\[6, p.111\]](#). Поэтому любое познание реальности – это аналогия между двумя операциями. Другими словами, такая аналогия, которая всегда стремится на решение реальной проблемы путем установления способа связи между этими двумя операциями. В результате индивидуация реального, внешнего по отношению к субъекту, осознается этим субъектом посредством аналоговой индивидуацией знания в нем. Однако именно посредством индивидуации знания, а не только знания, осознается индивидуация сущих, не являющихся субъектами. Сущие могут быть познаны через знание предмета, но индивидуация сущих может быть постигнута только через соотнесенную параллельную и взаимную индивидуацию знания [\[3, p.36\]](#). Стало быть, любое познание индивидуации является индивидуацией знания, что развенчивает все принципы логоцентризма субстанциалистской традиции и призывает «мыслить срединно». Так, современный французский социальный исследователь Бартеlemi Ж.-Ю. справедливо придает этой формуле два значения, которые в то же время являются двумя фундаментальными «правилами» единства творчества Симондона: «думать о среде, а не только об индивиде» и «думать о среде, исходя из центра бытия» [\[7\]](#).

Необходимо подчеркнуть, что на основе такого разворота субстанциалистской традиции и логической модели истолкования Симондон предлагает еще одну долю критики о значимости языка и речевой коммуникации в процессе индивидуации. Эта критика более явна, она проявляется, когда он обращается к психической и коллективной фазам индивидуации, или, по-другому, к их общему – трансиндивидуальному, в отношении которого как раз и сформулирована его теория социального субъекта. Чтобы разрешить свою психическую проблему и по-настоящему осознать свое бытие – субъект, действительно, посредством открытия смыслов, должен поучаствовать в коллективе. Такое участие этого социального субъекта проистекает не из эффективного диалога, а из присутствия других подобных индивидов. Это присутствие не является простым существованием здесь и сейчас другого сущего; оно также не является утверждением особой идентичности или признанием общей принадлежности к роду или виду; оно уже является синонимом новой фазы индивидуации, которая накладывается на индивида и переполняет его. Эта вторая фаза индивидуации может иметь место не только потому, что существует ожидание завершенности, но, прежде всего, потому, что присутствие другого поляризует доступный резерв индивидуализированного сущего, который остается еще неструктурированным, несмотря на первую фазу индивидуации. Послесвечение этого заряда природы – возникающего в доиндивидуальной фазе бытия, во время трансиндивидуальной (психосоциальной) фазы – это именно то, что заставляет проявляться смыслом. Вот почему для процесса индивидуации, вместо отношений между индивидуализированными идентичностями через заданные языковые структуры, требуется некое соответствие индивидов, способствующее не только этому процессу становления, но и появлению смыслов. Другими словами, чтобы возник взаимный отклик на присутствие другого индивида и установление взаимосвязи с ним, необходимо сопоставление отношений индивидов с их собственными нагрузками доиндивидуального характера, которые являются не только доязыковыми, но и довитальными. Из чего следует, что невозможно присвоить значению исключительное положение априорного или апостериорного, поскольку оно является апостериорным в той мере, в какой для его появления необходима вторая фаза индивидуации, и это появление требует для

существования реального априорного, который всегда является отношением субъекта к его собственной нагрузке доиндивидуального характера. В результате мы можем сказать, что значение не только парадоксально, но и оно является соответствием априори в апостериорной индивидуации, то есть оно в такой, же степени открыто, как и произведено. В результате классическая идея о том, что речевая коммуникация предшествует значениям, затем явно опровергается Симондоном: «...совершенно недостаточно сказать, что именно язык позволяет индивиду получить доступ к значениям; если бы не было значений, поддерживающих язык, не было бы языка; это не язык, который создает значение; это только то, что передает от одного субъекта к другому информацию, которая, чтобы стать значимой, должна соответствовать этому аспекту, связанному с индивидуальностью, определенной в субъекте; язык – это инструмент выражения, средство передачи информации, но не создатель значений. Значение – это отношение сущих, а не чистое выражение; значение является реляционным, коллективным, трансиндивидуальным и не может быть обеспечено путем встречи выражения и субъекта. Мы можем сказать, что такое информация, исходя из значения, но не значение, исходя из информации» [\[3, p.307\]](#).

Позиция Симондона здесь однозначна: речевая коммуникация не предшествует, не порождает и не дает доступ к смыслам, а именно смыслы поддерживают ее. Речевая коммуникация просто выполняет функции носителя информации и инструмента выражения, она никоим образом не является тем, с помощью чего субъекты встречаются как субъекты, то есть как условия возможных отношений. Истинное выражение социального субъекта – это трансиндивидуальные отношения, посредством которых информация может стать значимой. Чтобы быть принятой, любая информация требует индивидуации, которая происходит внутри субъекта и в соответствии, с которой в последующем формируется коллектив с субъектом, выдавшим информацию. Проще говоря, чтобы раскрыть смысл послания, исходящего от подобного сущего или нескольких сущих, не означает установить логическую связь между знаком и ссылкой в соответствии с естественными или формальными правилами языка, а это значит сформировать с ними коллектив, или, по-другому, индивидуализировать себя в социальной фазе индивидуации. Далее, появляется речевая коммуникация как вторичная реальность для субъекта, то есть как то, что следует за его индивидуацией и что возникает в дополнение к неязыковым значениям, которые возникают между индивидами. Из этой вторичности языка нельзя сделать вывод, что Симондон отрицал специфичность устной речи; он только говорит, что речевая коммуникация не является принципом смысла и не является тем, что составляет субъект как субъект. Тем самым переворачивая с ног на голову соотношение между предметом и речевой коммуникацией, между речевой коммуникацией и смыслом, Симондон радикально релятивизирует место, обычно отводимое языку, до такой степени, что приводит здесь фундаментальную критику логоцентризма, звучащую в адрес антропоцентризма, который его поддерживает и узаконивает. В этом случае неверно утверждать, что субъект – это сущее речевой коммуникации, тот, кто как субъект говорит – это тот, кто есть «сущее как сущее» в соответствии со значением, которое придает ему речевая коммуникация.

Очевидно, что в своей работе «О способе существования технических объектов» (1958) [\[2\]](#), Симондон предлагает философию методов, которая расширяет теорию «индивидуации», где это расширение берет на себя принципы генетического и реляционного мышления, применяемого к технике. Более того, симондонианская теория «индивидуации», подразумевает и «новую энциклопедию», способную выйти за рамки альтернативы между гуманизмом и техницизмом, с целью достижения осознания смысла технических объектов против доминирующего культурного «негодования», как

первоисточника о современном отчуждении. Вот почему когда дело доходит до изучения условий этого нового энциклопедизма, Симондон предлагает анализ трех его эпох (этической, технической и технологической). Более того, энциклопедизм – это понятие является абсолютно фундаментальным для оценки творческой деятельности Симондона, поскольку его цель заключается в том, чтобы в XX веке инициировать третий тип энциклопедизма после тех, что относятся к эпохе Возрождения и Просвещения. Новый энциклопедизм – это «генетика» в том смысле, что он рассматривает генезис всего сущего. С другой стороны, он борется с отчуждением другого типа, чем те, с которыми боролись его предшественники: «В XVI веке человек был поработен интеллектуальными стереотипами; в XVIII веке был ограничен иерархическими аспектами социальной жесткости; в XX веке он является рабом своей зависимости от неведомых и далеких сил, которые им управляют... <...> Став машиной в механизированном мире, он может обрести себе свободу, только тогда, когда возьмет на себя свою роль и превзойдет ее через понимание технических функций, мыслимых в аспекте универсальности» [\[2, p.101\]](#).

В этой связи симондонианский энциклопедизм рассматривает не только эпоху Возрождения, которая, с помощью оригинальных текстов древности, предприняла первоначальную попытку отказаться от произвольного ограничения мышления и знаний, но и эпоху Просвещения, которая в XVIII веке с помощью науки освободила технику и предложила новый подход. В результате, по мнению Симондона, новая энциклопедия – это место, где в XX веке изобретается новое соотношение между языком и изображением, или, скорее, такое место, где происходит свержение господства языка над изображением. И именно на этапе современного разворота, визуальная символика, стала адекватна техническим объектам. Например, любая технология всегда требует другого средства выражения, отличного от устной речи. В этом случае, несмотря на то, что речевая коммуникация может передавать эмоции, однако с ее помощью довольно сложно выразить схемы движений или точные материальные структуры. Напротив, символика, адекватная технической операции – это визуальная символика с ее богатым и понятным визуальным эффектом, и включающей игру форм и пропорций. Вот почему цивилизация слова уступает место цивилизации изображения, которая по своей природе универсально и не требует предварительного набора [\[3, p.97\]](#).

Поэтому речевая коммуникация неадекватна не только индивидуации, но и технической реальности, поскольку она неспособна выразить схемы движения и материальные структуры технических объектов, то есть предоставить доступ к функционированию, которое определяет как их собственную сущность, так и их принадлежность к эволюционной линии становления. Из чего следует, что такая невозможность связана, с одной стороны, с использованием заданных концепций, которые фиксируют объект и его компоненты в границах, отделяющих его от среды и происхождения. В то время как визуальный символизм, переводимый как игра форм и пропорций, включает в себя не только движение и структуру, но и бытие, форму и эволюцию. С другой стороны, неспособность речевой коммуникации выражать техническую реальность объясняется тенденцией к закрытию, шифрованию или даже секретным формулам сообщества инсайдеров (когда речевая коммуникация является деловым языком). Вместе с тем как визуальный символизм непосредственен в восприятии и действительно универсален в восприятии познания. Так, «...любая речевая коммуникация имеет тенденцию становиться активной; она специализируется и в результате чего получается своего рода зашифрованный язык, ярким примером которого являются старые корпоративные жаргоны. Чтобы понимать устную или письменную речь, нужно принадлежать к замкнутой группе; достаточно воспринимать, чтобы понять схематическое выражение. Именно с

помощью схемы технический энциклопедизм обретает весь свой смысл и силу распространения, становясь поистине универсальным»[\[2, p.97-98\]](#).

Таким образом, вся проблема симондонианской критики речевой коммуникации заключается в ограничении, которое она налагает на знание, причем это ограничение, как чувственное, так и когнитивное, усугубляется ложной универсальностью, препятствующей появлению настоящего энциклопедизма. В отличие от образа, речевая коммуникация действительно предлагает ложную универсальность в той мере, в какой она позволяет поверить в свободный и неограниченный доступ к знаниям, в то время как этот доступ систематически санкционируется установленной культурой и чаще всего зарезервирован для социальной группы, которая ее представляет. В эпоху Возрождения, на первом этическом этапе энциклопедизма, распространение текстов через печатный станок принесло и первое расширение. Это было устное послание, которое передавалось визуальными знаками, а их значение, в целях доступности, потребовало обхода социального института языка. Вместе с тем в этот период методы полиграфии с трудом поддавались формализации из-за ограниченного развития наук, и для того, чтобы энциклопедизм действительно стал реальностью, необходимо было овладеть всеми живыми языками. Этого не мог достигнуть даже научный язык, поскольку такой язык оставался прерогативой только для ученых. Вот почему, несмотря на то, что печатный станок проложил путь к технологической универсальности, сделав визуальный символизм доступным для как можно большего числа людей (в том числе неграмотных). В результате до конца XVII века (до публикации энциклопедии) потребовалось очищение символизма от всяческого желания использовать аллегорическое выражение, которое имело тенденцию возврата к устному выражению[\[2, p.98\]](#).

Между тем такое противопоставление образа и речевой коммуникации может показаться проблематичным, по крайней мере, в трех смыслах. В первом смысле все это кажется несовместимой с философией, которая систематически стремится преодолеть концептуальные оппозиции, унаследованные от истории метафизики, которую, тем не менее, Симондон четко определил как основу любого знания. Во втором смысле это противопоставление образа и речевой коммуникации кажется абстрактным, поскольку образ кажется полностью отделенным от какой-либо детерминации языка в его формировании и в его интерпретации. В третьем смысле это кажется редуктивным, поскольку образ, противоположный речевой коммуникации, в конечном итоге сливается со схемой, которая выражала бы его как сущность или истинную универсальность. Хотя эти три возражения могут показаться законными, они не являются полностью обоснованными: во-первых, ибо противопоставление изображения и речевой коммуникации может быть понято генетически, как сдвиг по фазе, который структурирует эволюцию энциклопедизма, где технологическая фаза – это разрешение в теории «информации» несовместимости речевой коммуникации и эффекта изображения для универсального выражения технической реальности. Во-вторых, поскольку образ действительно связан с устной речью, что требует значительных усилий по формализации, чтобы отделить образ от языка, а именно усилий, предпринятых со времен Возрождения и которые до сих пор (в первой четверти XXI века) остаются незавершенными. Однако мы должны добавить, что образ более примитивен, не только относительно любого языкового значения, но и относительно любой установленной культуры, поскольку, с опорой на Симондона, он соответствует досубъективному и дообъективному уровню отношений индивида к среде, уровню пары ощущений-тропизмов до того, как какой-либо геометрический элемент заинтересует восприятие[\[2, p.192\]](#).

И наконец, множественность образов явно не отрицается и не оспаривается

Симондоном, схема предстает лишь как наиболее прямое изображение, наименее насыщенное сформированными культурными значениями, то есть наиболее подходящее для выражения полной универсальности технологического энциклопедизма. Остается уточнить, что одного изображения не может быть достаточно, даже в форме рациональной схемы, для проведения культурной реформы, необходимой для технологического энциклопедизма. Кроме того, эта схема должна сопровождаться техническим образованием, которое требует не только постановки предмета в оперативную ситуацию, но и смыслов, которые формулируются с помощью речевой коммуникации [\[8\]](#).

Вместе с тем чтобы пройти через социальный механизм, которым является речевая коммуникация, это значит совершить обходной путь, который препятствует технологической универсальности. Хотя вторая техническая фаза энциклопедизма в эпоху Просвещения проложила путь к визуальной схеме, более адекватной технической реальности, достигнутой благодаря освобождению науки от этики, и она все еще не достигла своей полноты. Вот почему формализация методов не полностью реализована, поскольку технологические корпорации поддерживают закрытость деловым языком и производственными секретами. И именно поэтому «гравюры» энциклопедии по-прежнему содержат литературные ссылки и нефункциональные орнаменты. Из чего следует, что необходима настоящая культурная реформа, чтобы эта универсальность была эффективной, всеобъемлющей, а не иллюзорной. Эта культурная реформа требует «новой энциклопедии», основанной на информации, которая даже более универсальна, чем изображение. Однако, несмотря на внедрение в новую техносоциальную реальность, быстроразвивающихся и находящихся в постоянном процессе становления, новейших компьютерных технологий и технологий сети Интернет, которые все шире наделяются различными формами многовидового интеллекта, этот новый энциклопедизм все еще ожидает своих способов универсального выражения. По мнению Симондона, такая задержка в развитии универсального символизма в середине XX века была связана с культурным приматом речевой коммуникации над пространственными эффектами техносоциальной реальности, но которая в наше время все больше имеет черты технологической универсальности. Сегодня робототехнические системы (роботы, чат-боты, генеративно-состязательные нейросети и т.д.) наделенные искусственным интеллектом тотально вторгаются в процесс формирования у социальных субъектов общезначимых смыслов.

Что касается теории «информации», то это действительно, что она в XX веке открыла путь к универсальному символизму, способному обеспечить синергию между человеком и машиной, поскольку она не только служит основой этой синергии, но и делает возможным «общий язык», более универсальный, чем речевая коммуникация. Теория «информации» позволила в этом смысле обнаружить кодирование, которое обеспечило возможность преобразования между человеком и машиной, а именно обнаружило связь, которая придало машине некий смысл и освободило частично человека от его отчуждения, минуя престиж речевой коммуникации. Но теория «информации» была лишь подготовкой к универсальному энциклопедизму, поскольку она и сегодня остается мышлением, основанным на абстрактном техницизме, который придерживается редукционистского взгляда на нее и стремится решать социальные проблемы посредством гомеостаза. Все это противоречит тому, что мы, по словам Симондона, должны думать об условиях метастабильного социума. Именно в этом смысле Симондон и предлагает «универсальную кибернетику» или «аллагматику», которая направлена на корректировку «информационной онтологии» с учетом задач новой энциклопедии, и в которой информация является регулирующей, а культура действительно

универсальной [\[4, с.119-120\]](#).

Второе размышление Симондона о взаимосвязи речевой коммуникации и техники проявляется у него в виде противоречия между теорией «фаз культуры» и аналогическим методом. Эта напряженность возникает из-за отсутствия исследования речевой коммуникации в теории «фаз культуры» и ее повторного введения в аналогический метод, при этом эти два подхода не дополняют друг друга. Вот почему если мы рассмотрим анализ различных фаз отношения человека к миру, предложенных в симондонианской теории «фаз культуры», то ни одна из этих фаз не является предметом языковой рефлексии. Действительно, на магическом этапе ни заклинание силам природы, ни легенда об исключительных событиях и сущих, ни даже топонимы, конкретизирующие уникальность примечательных мест, не анализируются и даже не рассматриваются. После первого фазового сдвига, когда религия и техника противостоят друг другу, техника не рассматривается в ее отношении к речевой коммуникации, тогда как ранее обсуждались технические термины, секретные формулы и образование – не говоря уже о языке как технике: техника тела, техника грамматики, техника письма. Поэтому религия, даже через богословие и догматы, как интерпретация божественного слова и как норма моральных действий, также не связана с речевой коммуникацией. Кроме того, эстетическое мышление, первая нейтральная точка в цепочке фаз, также мало что дает речевой коммуникации. В лучшем случае о речевой коммуникации в эстетике вспоминают как о том, что поддерживает способность мыслить, не будучи мышлением [\[2, p.180\]](#). И в дальнейшем, как о чем-то, что поддерживает способность осмысливать эстетическую реальность, которая остается привязанной к телу в форме «модуляции голоса» или «поворота речи».

В этой связи философская мысль, находящаяся в нейтральной точке на втором этапе перехода между наукой и этикой, не представлена как дискурсивная мысль, и реформа, которую она должна внести в культуру путем разработки «рефлексивной технологии», придающей смысл техническим объектам, требует новой теории познания. То есть она должна быть преобразована в новую философию, не создавая новой теории «языка». В этом и заключается особенность философии у Симондона, что она стала рефлексивной, и поэтому она, может сформироваться только после исчерпания возможностей концептуального познания и познания посредством идеи, то есть после технического осознания и религиозного осознания реального [\[2, p.237\]](#).

Все это свидетельствует не о небрежности со стороны Симондона, а о стремлении объяснить происхождение техничности и значение техники иначе, чем с помощью господствующей литературной культуры и языка как предпочтительного способа отношения человека к миру. В результате, теория «фаз культуры» у Симондона полностью согласуется с теорией «индивидуации». Наряду с этим, Симондон предлагает и новую теорию этапов человеческого прогресса, в которых речевая коммуникация позиционируется по отношению к технике и религии [\[9\]](#). Такое включение речевой коммуникации в анализ частично обусловлено критическим ответом Симондона на статью Р. Рюе под названием «Пределы человеческого прогресса» [\[10\]](#).

В этой статье Рюе сравнивает прогресс научной техники с эволюционным прогрессом языка, который в конечном итоге самоограничивается в течение определенного периода времени. Проще говоря, Симондон считает это отождествление между языковым прогрессом и техническим прогрессом является редуктивным, как и то, что приравнивает технический прогресс к человеческому прогрессу. Однако Симондон не отрицает, что внутреннее торможение может существовать внутри технической конкретизации, и что

оно может вызвать самоограничение, принимающее форму сигмовидной кривой, аналогичной кривой языка. Однако, по его мнению, существует только постепенное насыщение системы, которую образуют человек и мир, то есть система, которая сначала является системой языка, а затем вовлекается в развитие техники, причем последняя система, в свою очередь, может насыщаться, чтобы уступить место другой форме прогресса. В любом случае, если каждая фаза может быть согласована в соответствии с этой эволюцией путем предельного насыщения, то каждая из них также повторяется и перекрывается. Поэтому если прогресс и существует, то только в соответствии с принципом абсолютной насыщенности, а именно из строгой последовательности изолированных конкретизаций (язык, техника, религия), а не в связи с эволюцией, определяемой постоянным использованием речевой коммуникации. Однако, несмотря на это обращение, речевая коммуникация не может быть парадигмой для мышления о технической эволюции. Поэтому Симондон прямо критикует структуралистский метод [\[9, p.169\]](#).

Другими словами, усиление внутреннего резонанса системы, сформированной человеком, происходит исходя из и ее объективных воплощений. То есть по мере перехода этой системы от самоограниченного цикла человек – язык к циклу человек – религия и, в конечном итоге, к циклу человек – техника. Вот почему речевая коммуникация как примитивная фаза и подготовительное средство к другим фазам не является истинным аналогом магического мышления в том виде, в каком она была представлена фазовой теорией, поскольку она не имеет той же природы и статуса. Ни техника, ни религия, строго говоря, не являются фазами, возникающими в результате сдвига в языке, и в пределах человеческого прогресса нет нейтральной точки между техникой и религией, которая могла бы играть роль сближения. В этом отношении обе теории не являются ни взаимозаменяемыми, ни полностью взаимодополняющими, они даже частично несовместимы по своей структуре. В любом случае, эволюция, свойственная речевой коммуникации – это замкнутость, когда она, например, становится делом грамматиков или логиков-формалистов, стремящихся к этимологической правильности наименований в поздней классической античности с помощью корпоративного и эзотерического жаргона без возможности конструктивного расширения. Но эта тенденция к замкнутости не является для Симондона единственной причиной отказа придавать речевой коммуникации реальную универсальность, поскольку грамматика или формальная логика не отражают индивида или, по крайней мере, отражают лишь его минимальную часть, и это то, что, по его мнению, не соответствует действительности и не может быть расширено. Только целостный индивид является движущей силой конкретизации, а не индивид, обладающий языком, который обнаруживает себя сущим узкого и псевдоуниверсального гуманизма [\[9, p.272-273\]](#).

В этой связи парадокс, сформулированный Симондоном, заключается в том, что универсальность возрастает не с формализацией и абстракцией, а за счет постепенной «децентрализации». В результате речевая коммуникация менее универсальна, чем религия, поскольку она касается в человеке более примитивной, менее локализованной, более естественной, более подразумеваемой реальности. Но религия также стремится стать теологией, как речевая коммуникация стремится стать грамматикой. С другой стороны, техника еще более примитивна, чем религия, поскольку она напрямую удовлетворяет биологические потребности, что позволяет ей действовать как связующее звено между человеком и природой, но также и между людьми, что сегодня становится очевидным благодаря глобальной сети Интернет. В таком понимании техника призвана эффективно и полностью, заменить язык и религию, однако при условии, что она

представляет собой союз человеческой метрологии и энергии, то есть то, что она устанавливает реальную взаимность между человеком и его объективными воплощениями. В результате Симондон приходит к выводу, как и в случае с фазовой теорией, которую он предлагает, что только философская мысль является общей для прогресса речевой коммуникации, религии, техники. Таким образом, философская рефлексия – это сознательная форма внутреннего резонанса мышления, а именно совокупность, которая не только сформирована индивидом, но это еще и объективная конкретизация. Вот почему философская мысль обеспечивает преемственность между последовательными фазами прогресса, и только она может поддерживать заботу о тотальности и делать так, чтобы децентрализация индивида, параллельная отчуждению от объективной конкретизации, никогда не прекращала свое становление [\[9, p.278\]](#).

На каких элементах все же могла быть построена симондонская теория речевой коммуникации? Этот вопрос следует задать в качестве предварительного заключения к этому исследованию. Речь идет не о том, чтобы, в конечном счете, отрицать первоначальную апорию или удвоить ее путем попытки обратить вспять критику речевой коммуникации и абстрактно уменьшить внутреннюю напряженность, а, скорее о том, чтобы открыть несколько возможных путей. Эти пути объединяет фундаментальная критика логоцентризма и антропоцентризма, которые являются условием и горизонтом для любого размышления о значении, выражении и коммуникации. Однако в своих работах [\[8, 11\]](#) Симондон предложил прогрессивную разработку этой теории, которая основана главным образом на идее о том, что речевая коммуникация – это некая взаимосвязь между информацией и значением. И более того, такая взаимосвязь существует до любого ввода знаков, и которая, как таковая, должна быть перенесена на фазы и уровни такой коммуникации, которая структурирует отношения организма со средой. Эта биоэтологическая релятивизация языка и эта также децентрализация человеческого языка, которая предполагает учет всей совокупности условий и измерений речевой коммуникации для любого поиска смысла, поскольку такое воспринимаемое сообщение содержит семантические единицы различного порядка, а также различных и перекрывающихся измерений [\[8, p.112\]](#).

Тогда важно подтвердить, что коммуникация не является ни примитивной и даже не является по своей сути речевой; как показывает теория «индивидуации», она существует до языка и даже до жизни, внутри метастабильных систем, способных к структурирующей амплификации. В результате в самом общем смысле коммуникация – это устранение с помощью информации несоответствия, несовместимости внутри системы, находящейся в метастабильном состоянии, на физическом, биологическом, психосоциальном и даже на техносоциальном уровне. Для витального индивида, прежде чем принять форму системы сложных знаков, общение уже является «смыслом» на первичном биологическом уровне и речевой коммуникацией на промежуточном этологическом уровне [\[11\]](#). Вот почему взаимосвязь организма со средой, а также инстинктивные мотивы в восприятии сигналов других сущих сохраняются и направляют сложную человеческую речь: побуждая к действию, синхронизируя поведение, выступая в качестве критерия для распознавания, интеграции и исключения других сущих.

Другими словами, помимо биологического и этологического уровней, психический уровень не только обеспечивает хранение и обработку информации, отличной от предыдущих уровней, но и обеспечивает «разумным» видам, и в частности социальным видам, таким как человеческий вид, тенденцию к универсальному. То есть позволяет формализовать семантические единицы в символических системах, способных превосходить людей и культуры. Именно благодаря такой формализации, и возможна

техносоциальная коммуникация с техническими объектами. Проще говоря, не устанавливая общий код, отсекающий всякую связь с биологическим и этологическим уровнями отношений, социальный субъект способен взаимодействовать с окружающей средой. Следовательно, многомерная, многофазная, реляционная и неприводимая к речевой коммуникации, такая общая теория коммуникации была бы фундаментальным условием универсальной культуры, способной включить в себя все, чем является человек, все, что он производит, а также все живое, в котором он понимается. Отсюда делается важнейший вывод нашего исследования, если бы нам, наконец, пришлось свести это положение дел к одному утверждению, мы могли бы сказать, что Симондон – не мыслитель языка, а мыслитель условий возникновения речевой коммуникации на всех этапах и уровнях отношения индивида к среде в процессе своей эволюции. Тогда смысл речевой коммуникации больше не есть смысл истины как адекватности мысли и мира, не логоцентрическое и антропоцентрическое выражение абстрактного и частичного гуманизма, а разрешение жизненной проблемы социального субъекта посредством универсального и техносоциального общения.

Библиография

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
2. Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958.
3. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Millon, 2005.
4. Свирский Я.И. Концептуальные особенности философской стратегии Жильбера Симондона // Идеи и идеалы. 2017. Т. 1. № 3 (33). С. 111–125.
5. Бергсон А. Мысль и движущееся: Статьи и выступления. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2019.
6. Bachelard G. La Philosophie du non. Paris: PUF, 1973.
7. Barthélémy J.-H. Simondon. – Paris: Les Belles Lettres (Collection «Figures du savoir» 56), 2014.
8. Simondon G. Cours sur la Perception (1964–1965). Paris: PUF, 2013.
9. Simondon G. la technique. Paris: PUF, 2014.
10. Ruyer R. Les limites du progrès humain // Revue de métaphysique et de morale. 1958. №4. Pp. 412–423.
11. Simondon G. Communication et information. Paris: PUF, 2015.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью «Жильбер Симондон и речевая коммуникация»

Предметом исследования является интерпретация французским философом Жильбером Симондоном проблемы речевой коммуникации в рамках разработанной им теории «индивидуации». Автор исследует причины того, что Симондон не обращается прямо к проблеме речевой коммуникации. Первая причина, по мнению автора, заключается в том, что проблема речевой коммуникации несовместима с субстанциалистской традицией, которая определяет логос как источник истины. И именно поэтому все эти характеристики логоса не только противоречат всем знаниям об индивидуации, но и

навязывают примат бытия над становлением. Второй причиной автор считает то, что Симондон иначе рассматривал проблему речевой коммуникации, он считал ее проблемой техносоциального становления. Поэтому эта более фундаментальная проблема требует включения речевой коммуникации не только в систему фаз генезиса индивида, но и в сложность уровней отношения этого сущего к себе и миру. Иначе говоря, это заставляет эту коммуникацию казаться относительной, локализованной и поздней реальностью. Автор в своей работе приходит к выводу о том, что согласно теории «индивидуации» Ж. Симондона, речевая коммуникация существует до языка и даже до жизни, внутри метастабильных систем, способных к структурирующей амплификации. В результате в самом общем смысле коммуникация – это устранение с помощью информации несоответствия, несовместимости внутри системы, находящейся в метастабильном состоянии, на физическом, биологическом, психосоциальном и даже на техносоциальном уровне.

Методология исследования включает такие общенаучные подходы, как дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, наблюдения, синтеза.

Актуальность исследования выражается в исследовании взглядов Жильбера Симондона на проблему речевой коммуникации, которая согласно его подходу не является ни примитивной и даже не является по своей сути речевой. Как показывает теория «индивидуации» Симондона, она существует до языка и даже до жизни, внутри метастабильных систем, способных к структурирующей амплификации.

Научная новизна данной работы выражается в анализе автором проверки собственных предположений о причинах отказа Симондоном от прямого исследования проблем речевой коммуникации. Автор выявляет в творчестве Симондона основу в вопросе речевой коммуникации, которая может не только объединить критику логоцентризма и антропоцентризма, но и уточнить их. Для решения этой проблемы автор предлагает рассмотрения ее посредством изучения: 1) симондонианской критики языка, понимаемого как условие познания и мышления; 2) внутренней напряженности в отношениях между техникой и речевой коммуникацией; 3) элементов, которые Симондон выдвигает для техносоциальной коммуникации. Научной новизной является основной вывод, к которому пришел автор о том, что Симондон – не мыслитель языка, а мыслитель условий возникновения речевой коммуникации на всех этапах и уровнях отношения индивида к среде в процессе своей эволюции.

Статья написана научным языком, претензий к стилю изложения нет. Структура соответствует требованиям, предъявляемым к научному тексту.

Библиография содержит 11 источников, которые соответствуют теме исследования. Однако автор практически не рассматривает степень изученности темы статьи, поэтому нет критического анализа взглядов других исследователей. Поэтому работа производит впечатление достаточно отвлеченного, умозрительного исследования.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Розин В.М. Анализ условий реализации в России экосистемного подхода в экономике // Философская мысль. 2025. № 1. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.1.72230 EDN: QZJHMG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72230

Анализ условий реализации в России экосистемного подхода в экономике

Розин Вадим Маркович

доктор философских наук

главный научный сотрудник, Институт философии, Российская академия наук

109240, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Гончарная, 12 стр.1, каб. 310

✉ rozinvm@gmail.com

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.1.72230

EDN:

QZJHMG

Дата направления статьи в редакцию:

06-11-2024

Аннотация: В статье обсуждается экосистемный подход в экономике. Указывается на интерес к нему со стороны экономистов и социальных ученых. Характеризуются особенности этого подхода: необходимость объединения систем, которые могут органично взаимодействовать друг с другом, эмерджентный эффект, возникающий от подобного объединения, рассмотрение экосистем не только в логике системного, но и средового подходов, процессы самоорганизации и «рационального симбиоза», присущие экосистемам, необходимость устанавливать новые отношения с объемлющими системами управления. Ставится вопрос о возможности реализации экосистемного подхода в условиях российской социальности и экономики. Для ответа на него автор, во-первых, рассматривает главные черты европейской экономики: налогообложение граждан государства, экономические институты производства, экономического права и рынка, вычислительные технологии и экономические модели. Кроме того, он обращает внимание на двухслойность экономики, включающей рыночные и нерыночные отношения. Во-вторых, автор обсуждает гибридную природу российской экономики. По мнению автора, требования к экосистемам входят в противоречие с существующей

организацией российской экономики. Особенность первых – построение органических связей: территориальных, производственных, управленческих, организационных, обеспечения необходимых условий, реализации гуманистических и экологических идеалов и др. А сложившиеся связи и отношения устанавливались по другим основаниям: выгода, корпоративные интересы, властные отношения, традиции. В теоретическом отношении экосистемы могут быть подведены под понятие открытых саморазвивающихся систем, для которых внешнюю среду задает государство. В создание экосистемной экономики делает вклад и экономическая наука, в рамках которой должны быть построены экономические модели экосистем, позволяющие выйти на новые вычислительные технологии, без которых новая экономика тоже никогда не состоится.

Ключевые слова:

системы, экосистемы, подход, экономика, дискурс, наука, практика, проект, реализация, условия

В поисках средств, обещающих дальнейшее развитие и повышение эффективности экономики, исследователи в последнее время обратили внимание на экосистемный подход и дискурс, которые только складываются. Особенности этого подхода, именно в экономике, рассмотрены в интересной статье Е.А. Третьяковой и Е.Н. Фрейман «Экосистемный подход в современных экономических исследованиях» [\[7\]](#). Они довольно подробно охарактеризовали экосистемный подход: необходимость объединения систем, которые могут органично взаимодействовать друг с другом, эмерджентный эффект, возникающий от подобного объединения, рассмотрение экосистем не только в логике системного, но и средового подходов, процессы самоорганизации и «рационального симбиоза», присущие экосистемам, необходимость устанавливать новые отношения с объемлющими системами управления. В то же время экономику авторы рассматривают как бы по умолчанию, это вроде бы всем понятная реальность. Вводя понятие «экономических экосистем», Третьякова и Фрейман приписывают им основные характеристики, вытекающие из экосистемного подхода, по сути, не обсуждая можно ли в современной экономике, например России, реализовать этот подход.

«Таким образом, – пишут Третьякова и Фрейман, – авторы сходятся во мнении о том, что экономические экосистемы являются сложными динамичными системами с большим числом акторов, активно взаимодействующих друг с другом и внешней средой на основе взаимовыгодного сотрудничества и согласования своих интересов в процессе совместного использования ресурсов, производства востребованного обществом продукта и совместного конкурентного поведения... Применительно к экономическим экосистемам это подразумевает разнообразие видов экономической деятельности и организационно-правовых форм бизнеса, свободу предпринимательской и инновационной деятельности, доступность информации и образования для людей, свободу выражения их творческих замыслов и реализации их интеллектуального потенциала, разнообразие форм кредитования, инвестирования, страхования и т. д... Кроме того, способность экосистем к восстановлению после ощутимого внешнего воздействия или внутреннего возмущения определяется их способностью запускать в действие компенсационные эффекты. Применительно к экономическим экосистемам это подразумевает не только создание всевозможных видов резервов, развитие страхования, но и компенсацию нанесенного ранее экологического ущерба, снижение

экологической нагрузки на окружающую среду, максимально возможную переработку и повторное использование произведенных отходов и т. д.» [\[7, с. 9, 10\]](#).

Все сказанное пока выглядит как пожелания, вопрос, сложились ли в настоящее время в экономике условия для реализации «экосистемного проекта», а также готовы ли существующие формы социальности (властные субъекты и структуры, существующие законы) допустить и поддерживать «разнообразие видов экономической деятельности и организационно-правовых форм бизнеса, свободу предпринимательской и инновационной деятельности, доступность информации и образования для людей, свободу выражения их творческих замыслов и реализации их интеллектуального потенциала, разнообразие форм кредитования, инвестирования, страхования»? Ответить на это вопрос, естественно, невозможно, не обсудив, что собой представляет современная экономика. Ответить, не с точки зрения экономиста (такие ответы существуют и не один) а в рамках философско-методологического подхода. Для автора этот подход предполагает реализацию в первую очередь метода культурно-исторической реконструкции.

По времени европейская экономика складывалась примерно тогда же и параллельно национальному государству. «Решающей случайностью, – пишут В. Федотова и В. Колпаков, – повлиявшей на качественную мутацию рынков, было появление на европейской исторической сцене национальных государств. Благодаря государственному вмешательству произошло освобождение торговли от многочисленных городских привилегий. Государство создало единое пространство для внутринационального рынка, который строился уже на принципах выгоды и конкуренции и который все больше игнорировали различие между городом и деревней, между отдельными городами и провинциями» [\[9, с. 148\]](#). Первоначально государство было в основном озабочено сбором с подданных и населения налогов, причем, чем больше, тем лучше. «Для [выполнения] всех своих задач, – пишет Ф. Бродель, – государство нуждалось в деньгах, и все больше и больше по мере того, как оно распространяло и разнообразило свою власть <...> Затраты бежали впереди; о том, чтобы их настигнуть, думали, но в общем, с исключениями, подтверждавшими правило, никому это не удавалось...дефицит углублялся, как пропасть <...> Государство более не могло жить как прежде, за счет домена государя. Оно должно было наложить руку на богатство, находившееся в обращении. И значит, именно в рамках рыночной экономики образовывались в одно и то же время определенный капитализм и определенное современное государство» [\[2, с. 525, 527\]](#).

Здесь Бродель верно указывает на поворот от сбора налогов к формированию экономики. Он состоял из двух новшеств: во-первых, склонение всех граждан, проживающих на подведомственной государству территории, к подчинению государству, во-вторых, к уяснению субъектов власти, что одна из главных задач государства – *создавать условия для наиболее благоприятного ведения гражданами хозяйства и торговли*, тогда и налоги можно повышать. Этот второй шаг был очень важным и принципиальным. По отношению ко всем потенциальным и актуальным источникам денег государство действовало одинаково: устанавливало порядок общий для всех (таково либеральное представление об административной справедливости), вводило соответствующие законы, создавало институты, обеспечивающие социальные процессы, подлежащие упорядочиванию.

К тому времени складывались два вида производств – предпринимательское, обязанное частным инициативам свободных граждан, и, более медленно, государственное. При

этом особенно предпринимательское производство формировалось для того времени как инновационное, оно направлялось расчетами. Предприниматели, хотя и действовали на свой страх и риск, хотели быть уверенными, что не прогорят и не разорятся. «Согласно Зомбарту, капиталистический дух складывается из объединения предпринимательского духа (включающего жажду денег, страсть к приключениям, изобретательности и пр.) и мещанского духа (склонности к счету и осмотристельности, благоразумию и хозяйственности)» [\[9, с. 41\]](#). Именно поэтому быстро развиваются технологии, позволяющие вычислить, какие исходные средства есть у предпринимателя, сколько денег ему придется потратить на материалы и оборудование, что он получит в результате производства, а что, продав свой товар, какую прибыль получит.

Примером подобной популярной технологии того времени является «метод двойной бухгалтерской записи и баланса». «Бухгалтерские записи – это отражение операций (движение материальных, долговых, денежных средств) на счетах в денежном выражении. Остатки по счетам сводятся в конце периода в баланс, представляющий собой таблицу из двух колонок – активы и обязательства (источники). Одним из источников является прибыль. Выявление прибыли (убытка) от деятельности является главной задачей бухгалтерского учета. Технически финансовый результат выявляется как разница между доходами и затратами (за период), которые собираются на счетах расходов и доходов и затем разницы переносятся на счёт прибылей (убытков)». [\[10\]](#). Зомбарт и Макс Вебер указывали на то, что этот метод помог сформулировать понятие капитала, и без него, вообще, вряд ли было возможно капиталистическое хозяйство.

Так вот государство заимствует у предпринимателей вычислительные технологии и, во-первых, применяет их для совершенствования собственного производства, во-вторых, для совершенствования второй своей основной деятельности – обеспечить условия для эффективного производства и торговли на своей территории. Например, оно, предоставляя кредиты, берет на себя обеспечение предпринимателей исходным капиталом. Кредиты, однако, тоже надо рассчитывать (известная «процентная ставка» по кредиту), иначе тоже разоришься.

Таким образом, нарождающаяся европейская экономика основывалась на нескольких «китах». Во-первых, налогообложении граждан государства. Во-вторых, на экономических институтах, в первую очередь, производства, экономического права и рынка. Естественно, рынки были и прежде, но с формированием государства их деятельность нормируется и специально организуется, не исключая установки на свободу рыночной предпринимательности. «Суверенитет позволял государству собирать налоги, поддерживать или, напротив, препятствовать свободному рынку на своей территории, устанавливать таможенные барьеры для товаров из других стран» [\[9, с. 165\]](#).

Примером схем, претендующих на экономические законы и нормирование рынка, выступают положения, сформулированные А. Смитом: «каждый человек живет обменом или становится в известной мере торговцем, а само общество превращается, так сказать, в торговый союз», «разделение труда ограничивается размерами рынка», «при свободной конкуренции спрос и предложение уравнивают рыночную и естественную цену», индивиду необходимо предоставить возможность «совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и конкурировать своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица и целого класса», «любая стоимость складывается из трёх видов доходов: заработной платы, прибыли и ренты». [\[5\]](#)

Вычислительные технологии – это еще один, третий «кит» европейской экономики. В

свою очередь, эти технологии основываются на экономических схемах и моделях. Относительно экономических схем и моделей в настоящее время существуют две противоположные точки зрения. Одна, что они описывают своего рода «экономическую природу», для которой характерны «экономические законы»; другая, что речь идет только о временных и ограниченных закономерностях. Сравни:

В. Колпаков: «Возвращаясь к гипотезе Смита о том, что труд есть основа благосостояния, нельзя не отметить, что Смит, по-видимому, находился под впечатлением от успеха работ Ньютона <...> «экономика становилась наукой, способной соперничать с физикой в открытии объективных законов, и Смит, несмотря на исторические, культурные и прочие интересы, следовал в главном парадигме Ньютона, находя закономерность, гармонию и упорядоченность уже не в физическом мире, а в мире человеческих отношений. В лучших научных традициях своего времени он прежде всего наблюдал экономические отношения, чтобы затем объяснить их природу и закономерности. Природа, в том числе человеческая природа, была для Смита созданной Богом машиной, цель которой — человеческое счастье. » [\[9, с. 161, 165-166\]](#)

Академик В. Полтерович. «По-видимому, многообразие экономических явлений не может быть объяснено на основе небольшого числа фундаментальных закономерностей. Интуитивное понимание этого положения привело к замене принципа единства теории на принцип сосуществования конкурирующих концепций. Нет сомнения, что экономическая теория выполняет полезные функции, создавая необходимый инструмент для понимания реальности. Несомненно, также, что непосредственно воспользоваться этим инструментом удастся лишь в сравнительно немногих случаях.» [\[3\]](#).

На мой взгляд, более прав Полтерович, но с важной поправкой. Экономика, безусловно, социальный феномен, и в связи с этим невозможно говорить о вечных экономических законах. Однако о временных экономических закономерностях говорить можно. Вот один пример. Известно, что Маркс не прояснил четко судьбу рынка после капитализма, но общая линия в этом вопросе состояла в замене рыночных отношений и действия «невидимой руки рынка» на распределение и расчет потребностей. Александр Богданов в романе 1908 года «Красная звезда» в художественной форме обсуждает проблемы, которые могут встать в социалистическом производстве и потреблении при переходе к новой экономической системе. Один из героев романа марсианин инженер Мэнни объясняет землянину большевику Леониду как на Марсе, где уже коммунизм, устроено распределительное производство и общество. «Цифры меняются каждый час, – объяснил Мэнни, – в течение часа несколько тысяч человек успели заявить о своем желании перейти с одних работ на другие. Центральный статистический механизм все время отмечает это, и каждый час электрическая передача разносит его сообщения повсюду...

– Институт подсчетов имеет везде свои агентства, которые следят за движением продуктов в складах, за производительностью всех предприятий и изменением числа работников в них. Этим путем точно выясняется, сколько и чего следует произвести на определенный срок и сколько рабочих часов для этого требуется. Затем институту остается подсчитать по каждой отрасли труда разницу между тем, что есть, и тем, что должно быть, и сообщать об этом повсюду. Поток добровольцев тогда восстанавливает равновесие.

– А потребление продуктов ничем не ограничено?

– Решительно ничем: каждый берет то, что ему нужно, и столько, сколько хочет.

- И при этом не требуется ничего похожего на деньги, никаких свидетельств о количестве выполненного труда или обязательств его выполнить, или вообще чего-нибудь в этом роде?
- Ничего подобного. В свободном труде у нас и без этого никогда не бывает недостатка: труд – естественная потребность развитого социалистического человека, и всякие виды замаскированного или явного принуждения к труду совершенно для нас излишни.
- Но если потребление ничем не ограничено, то не возможны ли в нем резкие колебания, которые могут опрокинуть все статистические расчеты?..
- Трудности тут очень большие. Институт подсчетов должен зорко следить за новыми изобретениями и за изменением природных условий производства, чтобы их точно учитывать. Вводится новая машина – она сразу требует перемещения труда как в той области, где применяется, так и в машинном производстве, а иногда и в производстве материалов для той или другой отрасли. Истощается руда, открываются новые минеральные богатства – опять перемещение труда в целом ряде рельсовых путей и т. д. Все это надо рассчитать с самого начала если не вполне точно, то с достаточной степенью приближения, а это вовсе не легко, пока не будут получены данные прямого наблюдения» [\[1\]](#).

Хотя рынок в СССР не исчез, он был серьезно деформирован институтами расчетов и распределения (Госплан, Госнаб и др.). Тем не менее, социалистическая экономика, основанная на указанных принципах (концепциях социалистической экспансии, потребления и распределения, деформированного рынка) существовала не один десяток лет и в этот период вполне можно говорить о «экономических законах социализма», поскольку они сознательно конституировались, обеспечивались и поддерживались социалистическим обществом. Однако, начиная с перестройкой и реформами 90-х, эти законы перестали действовать, поскольку меняется социальная система, создаются и рынок и другие социальные институты, напоминающие капиталистические. Формируются новые экономические закономерности, которые в настоящее время часто называют «гибридными». И они, действительно, гибридные. С одной стороны, частная собственность и рыночные отношения, с другой – квазирыночные решения власти и правительства. Здесь опять вспоминается Бродель, обращавший внимание на то, что над рынками расположен слой собственно капиталистической инициативы, которая только частично имеет экономический характер, больше – это властные и идейные намерения.

В основании социальности, по мнению Броделя, лежит «материальная жизнь» – многообразная, самодостаточная, рутинная; над нею лучше выраженная экономическая жизнь, которая в наших объяснениях имела тенденцию сливаться с конкурентной рыночной экономикой; наконец, на последнем этаже – капиталистическая деятельность» [\[9, с. 461-462\]](#). Во втором слое, отмечают В. Федотова и Колпаков, «множатся горизонтальные связи между разными рынками. Именно в этой второй подсистеме, как правило, невидимая рука рынка соединяет спрос, предложение и цену. Но это еще не все: рядом или выше второго слоя расположен слой или подсистема “противорынка”, представляющего собой стихию изворотливости, спекуляции, права сильного. Именно в этом слое, по мнению Броделя, царство капитализма и в прошлом и сегодня после промышленной революции». [\[9, с. 45\]](#)

В российской гибридной экономике, возможно, не два слоя, а два экономических организма, один – собственно рыночный, а другой, управляющий первым через «посредников» (термин Бруно Латура), нерыночный, властный и идеологический

(похожие два организма мы наблюдаем и в сфере права). Кстати, в период СВО такая экономическая структура оказалось довольно успешной. Чтобы объяснить этот факт, стоит учесть еще два обстоятельства. Во-первых, что, начиная с XX столетия, благосостояние и программируемое развитие государства (в том числе, с конца столетия и в России) строится на основе экономики: разработка бюджета, поддержка государством частной собственности и рыночных отношений, характер кредитования и пр. В результате экономическая система превращается в настоящий жизненный орган социального организма. Во-вторых, перевод хозяйства и экономики на военные рельсы, с одной стороны, повышение зарплат работающим на предприятиях и военным – с другой, выступили стимулами развития самых разных потребностей и экономической активности. Но вернемся к проблемам реализации экосистемного подхода.

Третьякова и Фрейман специально подчеркивают такую характеристику экономических экосистем как определенную независимость от внешнего управления и контроля. При этом многими авторами отмечается, что это взаимодействие реализуется без внешнего управления и контроля. «В частности, – пишут они, – на это указывают Jacobides, Sennamo и Gawer, говоря, что “экосистема представляет собой совокупность акторов с различной степенью многосторонней, необщей взаимодополняемости, которые не в полной мере контролируются иерархией” и Г. Б. Клейнер, понимающий под экосистемой “пространственно локализованный комплекс организаций, бизнеспроцессов, инновационных проектов и инфраструктурных систем, взаимодействующих между собой в ходе создания и обращения материальных и символических благ и ценностей, способный к длительному самостоятельному функционированию за счет кругооборота указанных благ и систем и свободный от жесткого централизованного контроля”. Отсутствие жесткого централизованного контроля делает такие горизонтальные связи гибкими и подвижными с точки зрения пространственно-временных характеристик, повышая уровень адаптивности систем. На особенность экономических экосистем организовывать “динамическое взаимодействие между участниками из разных отраслей промышленности, организованном вокруг распределения ресурсов, которое способствует более высокому уровню развития и роста” обращают внимание А. В. Овчинникова и С. Д. Зимин. На децентрализацию и согласование интересов акторов в процессе динамического взаимодействия как на важные отличительные черты экономических экосистем указывают К. Н. Сергеева и Н. В. Казанцева» [\[7, с. 8\]](#).

Не входит ли указанная характеристика в противоречие с существующей организацией российской экономики? Если речь идет о системе рыночных отношений, то «свобода от жесткого централизованного контроля» – естественный принцип классического рынка, вспомним Смита, утверждавшего, что индивид имеет право «совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и конкурировать своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица и целого класса». Но ведь российский рынок, направляется и регулируется вторым социальным организмом, выстроившим жесткие вертикальные отношения с первым рыночным организмом. Здесь самые разные связи и отношения: административные, институциональные, собственно экономические, групповые, личные. И большинство из них уже сложились, воспроизводятся и, как правило, не совпадают с идеалами и установками экосистемных проектов и предложений. Последние исходят из требований построения органических связей: территориальных, производственных, управленческих, организационных, обеспечения необходимых условий, реализации гуманистических и экологических идеалов и др. А сложившиеся связи и отношения устанавливались по другим основаниям: выгода, корпоративные интересы, властные отношения, традиции.

Но если это так, и противоречия налицо, то вероятно, реализация экосистемных подхода и проектов предполагает, по меньшей мере, два момента. Во-первых, исследование сложившейся российской экономики под углом зрения реально сложившихся связей и отношений, реальных исторических, социальных и групповых условий и интересов. Во-вторых, обсуждение возможности изменения этих сложившихся связей и отношений в направлении создания условия для формирования экосистемной экономики. По сути, с реализацией экосистемного подхода в экономике на социальную сцену помимо государства и предпринимателей вступает еще один социальный субъект – самоорганизующиеся социальные сообщества и организмы. Его судьба во многом будет зависеть от установок государства и грамотности в части научного мышления и практического действия.

В.С. Степин, вводя представление о саморазвивающихся системах, специально обращает внимание на их открытый характер, на то, что их развитие предполагает внешнюю среду. «Стратегию развития современной (постнеклассической) науки, – пишет он, – определяет освоение сложных, саморазвивающихся систем. Саморазвивающиеся системы представляют собой еще более сложный тип системной целостности, чем саморегулирующиеся системы. Этот тип системных объектов характеризуется развитием, в ходе которого происходит переход от одного вида саморегуляции к другому. Здесь саморегуляция выступает аспектом, устойчивым состоянием развивающейся системы. Смена вида саморегуляции системы представляет собой фазовый переход, который может быть охарактеризован в терминах динамического хаоса. В современной науке он описывается в рамках динамики неравновесных систем и синергетики. Саморазвивающимся системам присуща иерархия уровневой организации элементов и способность порождать в процессе развития новые уровни организации. Причем каждый такой новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность. С появлением новых уровней организации система дифференцируется, в ней формируются новые, относительно самостоятельные подсистемы. Вместе с тем перестраивается блок управления, возникают новые параметры порядка, новые типы прямых и обратных связей. Изменения структуры саморазвивающихся систем по мере появления в них новых уровней организации и перестройки их прежних оснований можно изобразить посредством следующей схемы. Сложные саморазвивающиеся системы характеризуются открытостью, обменом веществом, энергией и информацией с внешней средой. В таких системах формируются особые информационные структуры, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой («опыт» предшествующих взаимодействий)» [\[6, с. 48-49\]](#). ««Из всех условий протекания синергетических процессов, сформулированных авторами синергетики, – пишет Елена Ушаковская, – самым важным является условие открытости системы, в которой протекает процесс. С этим условием нельзя не согласиться. Открытость, возможность обмена с тем, что находится за ее пределами, является условием жизни, развития и эволюции. Без обмена со средой ни одна система развиваться не может» [\[8\]](#).

Экосистемы вполне могут быть подведены под понятия саморазвивающихся систем. Но ведь подобные системы должны еще сложиться, и внешней средой для них выступает государство и его институты. Напрашивается и общество, но, как известно, российское общество слабое и инертное. Тем не менее, от установок и усилий этих трех социальных образований (государства, его институтов и общества) во многом и будет зависеть судьба экосистемной экономики. Еще один важный участник этого процесса – экономическая наука. В ней должны быть построены экономические модели экосистем,

позволяющие выйти на новые вычислительные технологии, без которых новая экономика тоже не состоится. Безусловно, в последнем случае большую роль сыграет цифровизация и компьютеризация.

Библиография

1. Богданов А.А. Красная звезда. Л.: 1929. [Электронный ресурс]. – URL: <https://traumlibrary.ru/book/bogdanov-krasnaya-zvezda/bogdanov-krasnaya-zvezda.html>. (дата обращения: 17.03.2024).
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация и капитализм. Т. 2. Игры обмена / 2-е изд.; пер. с фр. Л.Е. Куббеля. – М.: Издательство «Весь Мир», 2006. – 672 с.
3. Полтерович В.М. Кризис экономической теории: доклад на научном семинаре Отделения экономики и ЦЭМИ РАН «Неизвестная экономика», январь 1997. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.r-reforms.ru/vmp2.htm> (дата обращения: 09.08.2016).
4. Розин В.М. Генезис европейской социальности. Этюды-исследования. Новое время. М.: Новый хронограф, 2022. 400 с.
5. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2016. – 1056 с.
6. Степин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 45-59.
7. Третьякова Е.А., Фрейман Е.Н. Экосистемный подход в современных экономических исследованиях // Вопросы управления. № 1. 2022. С. 6-20.
8. Ушаковская Е.Д. Синергетика и причины эволюции Вселенной, статья, [Электронный ресурс]. – URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/ushakovskaja_sinergetika/ (дата обращения: 18.03.2024).
9. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. – М.: Культурная революция, 2008. – 608 с.
10. Что такое дебет и кредит в бухгалтерии. [Электронный ресурс]. – URL: <https://fileddl.info/debet-kredit-korrespondentsiya-schetov-opredeleniya/> (дата обращения: 18.03.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается весьма актуальная и интересная проблема перспектив реализации в российской экономике «экосистемного подхода». В название статьи вынесено выражение «условия реализации» указанного подхода в российской экономике, однако, текст статьи показывает, что речь в ней в действительности идёт именно о «перспективах» его названия. Понятно, к тому же, что общие «условия реализации» какого-либо подхода всеми экономическими системами должны выполняться в полном объёме, а вот «перспективы» при этом могут оказаться различными. Наиболее отчётливо необходимость внесения коррективы в название проявляется суждениями автора, представленными в последнем абзаце текста. Статья читается легко, она может быть интересна не только тем, кто профессионально интересуется проблемами социально-экономического развития России, но и самому широкому кругу читателей. Тем не менее, представляется целесообразным сделать некоторые замечания, учёт которых (наряду с корректировкой названия) позволит улучшить некоторые аспекты оформления статьи. Так, в тексте имеются весьма обширные цитаты из романа А.А. Богданова, работ В.С. Стёпина, Е.А.Третьяковой и Е.Н.

Фрейман, В.Г. Федотовой, В.А. Колпакова, Н.Н. Федотовой и других авторов. Нельзя сказать, что они мешают восприятию читателем оригинального авторского содержания, однако, думается, в некоторых случаях можно было бы сократить их или кратко представить содержание высказанных в этих фрагментах мнений. Далее, в статье нет ни введения, ни заключения, между тем, наличие подобных «формальных частей» в структуре научного текста часто оказывается принципиально важным для тех читателей, которые не могут с первого взгляда оценить, будет ли им интересна попавшая в сферу их внимания статья. Наконец, следует скорректировать пунктуацию (за исключением тех случаев, где, возможно, имеет место авторская пунктуация, играющая определённую роль в реализации замысла работы), например: «не обсуждая можно ли в современной экономике», и т.п. Хотелось бы порекомендовать также вернуться к высказыванию «как известно, российское общество слабое и инертное» и скорректировать его. Из контекста понятно, что речь идёт о гражданском обществе как альтернативе государственным институтам. Может быть, это уточнение следует внести в текст? И все ли читатели сегодня готовы согласиться с вводной конструкцией «как известно»? Думается, к этому фрагменту всё же следует вернуться хотя бы потому, что он не вполне соответствует нормам академического изложения. Однако предложенные коррективы могут быть внесены в рабочий порядок, содержание статьи не оставляет сомнений в том, что на неё может быть рекомендована к печати.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. Статья должна быть посвящена анализу условий реализации в России экосистемного подхода в экономике. Тема практически не раскрыта.

Методология исследования базируется на изложении мнений других авторов в отдельных случаях с небольшими авторскими рассуждениями. При доработке статьи рекомендуется, во-первых, показать наглядно содержание экосистемного подхода (например, в виде схемы), а, во-вторых, эволюцию взглядов на его состав. Было бы интересно также увидеть ответ на вопрос: а сейчас мнение по данному вопросу единое или есть отличие? Крайне важно при анализе источников использовать системный подход, т.к. он позволит структурно представить полученные результаты.

Актуальность исследования вопросов, связанных с использованием экосистемного подхода в экономике, не вызывает сомнения. Это отвечает и интересам научного сообщества, и лиц, занятых на службе в органах государственной власти и местного самоуправления. Однако потенциальную читательскую аудиторию интересует авторское видение его реализации, чего в представленном на рецензирование материале не удалось обнаружить.

Научная новизна в представленном на рецензирование материале не обнаружена. Качественная доработка статьи по указанным в тексте рецензии замечаниям позволит её сформировать.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения является смешанным из научного и публицистического. Структура статьи автором не выстроена. При доработке статьи рекомендуется использовать следующую структуру: «Введение», «Постановка

проблемы», «Методы и условия исследования», «Результаты исследования», «Обсуждение результатов исследования», «Выводы и дальнейшие направления исследования». Ознакомление с содержанием так и не позволило сделать выводы об авторском видении экосистемного подхода в экономике. Что под ним понимается в трудах разных авторов? В чём ключевые особенности и отличия от других подходов? Что предлагает автор? Как эти подходы соотносятся между собой? Также было бы целесообразно указать в разделе «Выводы и дальнейшие направления исследования» конкретные направления практического применения полученных автором научных результатов.

Библиография. Библиографический список состоит из 10 наименований. Обращает на себя внимание отсутствие публикаций, вышедших в 2023–2024 гг. При доработке статьи автору рекомендуется дополнить список литературы актуальными публикациями в зарубежных и отечественных изданиях.

Апелляция к оппонентам. Несмотря на наличие отсылок по тексту к другим авторам, не сложилось понимания, во-первых, авторского отношения к этим мнениям, а, во-вторых, конкретных авторских результатов. При доработке статьи и получении авторского видения реализации экосистемного подхода в экономике рекомендуется сравнить полученные результаты с теми, что содержатся в трудах других авторов.

Выводы, интерес читательской аудитории. С учётом вышеизложенного статья требует глубокой доработки, после проведения которой необходимо повторное рецензирование. Качественное устранение указанных в тексте рецензии замечаний позволит обеспечить востребованность статьи у потенциальной читательской аудитории.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступают экономические экосистемы, публикация посвящена анализу условий реализации в России экосистемного подхода в экономике.

Методология исследования базируется на обобщении сведений из публикаций, сопряжена с применением философско-методологического подхода, реализацией метода культурно-исторической реконструкции.

Актуальность работы обусловлена необходимостью поиска средств дальнейшего развития и повышения эффективности экономики, включая экосистемный подход, в соответствии с которым предусматриваются объединения органично взаимодействующих друг с другом систем, в результате чего генерируется эмерджентный эффект, запускаются присущие экосистемам процессы самоорганизации и «рационального симбиоза», устанавливаются новые отношения с системами управления.

Научная новизна работы, по мнению рецензента состоит в выводах о том, что экономические экосистемы могут рассматриваться как саморазвивающиеся системы, которые должны еще сложиться под влиянием государства, его институтов и общества, а также экономической науки и экономических моделей экосистем в единстве с новыми вычислительными технологиями, цифровизацией и компьютеризацией.

Авторы задаются вопросом: «...сложились ли в настоящее время в экономике условия для реализации «экосистемного проекта», а также готовы ли существующие формы

социальности (властные субъекты и структуры, существующие законы) допустить и поддерживать «разнообразие видов экономической деятельности и организационно-правовых форм бизнеса, свободу предпринимательской и инновационной деятельности, доступность информации и образования для людей, свободу выражения их творческих замыслов и реализации их интеллектуального потенциала, разнообразие форм кредитования, инвестирования, страхования»? Ответить на этот вопрос они пытаются не с точки зрения экономиста, а в рамках философско-методологического подхода.

Библиографический список включает 10 источников – публикации российских и зарубежных авторов по рассматриваемой теме на русском языке, а также интернет-ресурсы. В тексте публикации имеются адресные отсылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из резервов улучшения статьи следует отметить следующие. Во-первых, в тексте статьи не выделены такие общепринятые в современных научных изданиях разделы как: Введение, Материал и методы исследования, Результаты и их обсуждение, Заключение. Во-вторых, в тексте имеются объемные цитаты, например, цитата из художественного произведения А. А. Богданова, опубликованного более 100 лет назад, содержит более 300 слов. Понятно стремление авторов передать как можно более точно точку зрения известного российского мыслителя, но всё же представляется, что для научной статьи такие фрагменты излишни.

Тема статьи актуальна, материал отражает результаты проведенного авторами исследования, содержит элементы приращения научного знания, соответствует тематике журнала «Философская мысль», может вызвать интерес у читателей, но требует некоторой доработки в соответствии с высказанными пожеланиями.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Ларионов В.В. От антропоцентризма к сетецентризму: дроны как инструмент трансформации современных войн // Философская мысль. 2025. № 1. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.1.72799 EDN: QSHZWC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72799

От антропоцентризма к сетецентризму: дроны как инструмент трансформации современных войн

Ларионов Виктор Владимирович

ORCID: 0000-0002-3082-9763

аспирант; институт социальных и гуманитарных наук; Вологодский государственный университет

162605, Россия, Вологодская область, г. Череповец, ул. Первомайская, 38А, кв. 16

✉ larsvic79@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия техники"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.1.72799

EDN:

QSHZWC

Дата направления статьи в редакцию:

21-12-2024

Аннотация: Современные войны отличаются широкомасштабным применением безэкипажных аппаратов, основные боевые задачи которых, в настоящее время выполняют беспилотные летательные аппараты. Практики применения дронов широко изучены в рамках современной военной науки, в то же время особенности ведения сетецентрической войны с использованием дистанционного оружия в настоящее время до конца не осмыслены, что определяет актуальность проводимого исследования. Объектом проводимого исследования являются гуманитарные последствия внедрения современных видов дистанционного оружия. В качестве предмета исследования выбран процесс трансформации антропоцентрических войн в войны сетецентрического характера в виду активного использования сторонами конфликта неконвенционального оружия, к которому следует отнести дроны гражданского назначения, или иными словами беспилотные летательные аппараты вертикального взлета и посадки. В качестве методологической основы проводимого исследования могут быть использованы концепция сетецентризма и механизм окон Овертона. Новизна исследования состоит в выявлении и описании процесса трансформации классической (антропоцентрической)

концепции войны в сетцентрическую вследствие внедрения дистанционного оружия. Масштабным войнам, шедшим на истощение, на смену пришли вооруженные конфликты, в которых определяющим фактором борьбы стало время. Основу успеха военных операций определяет наличие высокоскоростной адаптивной информационно-коммуникационной сети управления подразделениями и оружием. Прямое вторжение заменилось точечными ударами, направленными не на проведение ответных действий, а на заблаговременное устранение потенциальных носителей угроз способных эти действия организовать и провести. Объединение на платформе дронов добывающих, информационно-управляющих и исполнительных элементов сделало их универсальным поражающим инструментом способным превратить любой неуправляемый снаряд в высокоточное оружие. Дроны смогли трансформировать своим вмешательством жизненный уклад мирного населения, осуществляя его социальную изоляцию, порождая тотальную вражду и еще большее насилие. Асимметризация современных войн делает синонимами «победу» и «гуманитарную катастрофу», «гуманизм» и «убийство», а генезис развития технологий дронов противопоставил огнестрельному, ядерному и высокоточному оружию обычное радиоуправляемое устройство, которое стало особенно популярным среди военных и представителей современного гуманизма.

Ключевые слова:

антропоцентризм, гуманизм, дрон, оружие, окна Дж. Овертона, сетцентризм, паноптизм, симбиоз, сопутствующий ущерб, цикл OODA

Введение

За последние несколько лет слово «дрон» стало звучать в средствах массовой информации и в разговорной речи россиян практически ежедневно. Оснащение беспилотных летательных аппаратов современными системами навигации, связи, управления, радиолокации, средствами оптической и радиоэлектронной разведки, а также комплексами автоматического управления оружием позволило не только обнаруживать и отбирать вражеские цели, но и уничтожать их [\[1\]](#), сделав дрон универсальным и «совершенным оружием» в руках человека. В настоящий момент развитие безэкипажных аппаратов переживает очередной внутренний симбиоз (термин заимствован из эволюционной теории Л. Маргулис [\[2\]](#)), направленный на внедрение искусственного интеллекта в качестве источника управления и принятия решений. Проведенные испытания показали, что выполнение поставленной задачи любыми способами является первоочередной целью, выполняя которую, беспилотник, управляемый искусственным интеллектом, способен устранить своего оператора, даже если последний ввел отмену ранее поставленной задачи [\[3\]](#). Успешное применение дронов в воздушном пространстве позволило переосмыслить традиционную концепцию ведения вооруженного противоборства в пользу дистанционной войны, запустив процесс разработки наземных, надводных и подводных безэкипажных аппаратов, изменив тем самым не только отношение общества к военной технике в целом, но и инициировав новый этап машинно-человеческих взаимодействий.

В качестве степени изученности вопросов применения тяжелых разведывательно-ударных дронов военного назначения с неподвижным крылом следует выделить исследования П. У. Сингера [\[4\]](#) и Г. Шамаю [\[5\]](#). Военно-технический потенциал дронов рассмотрен П. Счарре [\[6\]](#), доводы в пользу применения беспилотников представлены

сборником под редакцией Б. Строузера [7], а антагонистическое мнение работой М. Бенжамен [8]. В отечественной литературе философские подходы к использованию дронов, приводящих к трансформации военных действий постгероических обществ, представлены работами Н. А. Балаклеец [9, 10]. Основы устройства, применения и борьбы с беспилотными летательными аппаратами рассмотрены в работах П. П. Афанасьева [11] и В. И. Литвиненко [12]. Концепт невидимого врага, определяющего реалии технизированной войны и идентичность ее участников, эксплицируется в работах В. С. Соловьева [13, с. 198-423], Л. П. Карсавина [14, с. 621-766.], Э. Юнгера [15], А. Ф. Степуна [16], К. Шмитта [17], Г. Шамаю [5] и других авторов. Вопросы беспрецедентной асимметризации парадигмы современной войны, достигаемой комбинированным применением беспилотников военного и гражданского назначения, активно обсуждаются российскими учеными, журналистами и общественными деятелями не только в средствах массовой информации, но и в популярных мессенджерах, среди которых можно выделить Telegram-каналы А. В. Чадаева (<https://chadayev.ru>) и А. Ю. Коробова-Латынцева (https://t.me/s/korobov_latyncev).

Новизна исследования состоит в выявлении и описании процесса трансформации классической (антропоцентрической) концепции войны в сетецентрическую вследствие внедрения дистанционного оружия. Объектом проводимого исследования являются гуманитарные последствия внедрения современных видов дистанционного оружия. В качестве предмета исследования выбран процесс трансформации современных войн вследствие превращения дронов гражданского назначения в неконвенциональное оружие. Практики применения дронов широко изучены в рамках современной военной науки, о чем говорит приведенный список используемой литературы, в то же время особенности ведения сетецентрической войны с использованием дистанционного оружия в настоящее время до конца не осмыслены, что определяет актуальность проводимого исследования. В качестве методологической основы для проведения системного исследования могут быть использованы концепции сетецентризма и механизм окон Дж. Овертона.

Антропоцентрические войны

Доктрина вооруженного противоборства до XXI века сводилась к изучению фронтов, боевых порядков и прямых столкновений, успех проведения которых зависел от индивидуальных возможностей боевых единиц. По этой причине разработка вооружения велась с целью повышения его бронезащиты, мобильности, огневой мощи и точности поражения. Возможность объединения в сеть предусматривалась, но не позволила добиться того эффекта, который в настоящее время дают современные информационные технологии. В информационно-коммуникационном пространстве антропоцентрические войны характеризуются строгим иерархическим типом архитектуры, уязвимым к внешним воздействиям и технической несовместимостью форматов данных, поступающих в центры принятия решений. Интервал времени, затрачиваемый на сбор данных от разных источников, их корреляцию, обработку и трансформацию в информацию о цели позволяет в ряде случаев самой цели успеть покинуть зону поражения до принятия решения об ее уничтожении.

Антропоцентричный характер использования военной техники рассматривал саму технику и оружие как продолжение тела человека, проецируя и усиливая вовне его физические возможности. Каким бы защищенным ни был танк или точным артиллерийское орудие, ими управляет человек, определяя своей профессиональной квалификацией

эффективность используемого оружия. Так, в случае низкого уровня подготовки, физической усталости, контузии или ранения стрелка точность производимой стрельбы снижается, а потеря сознания последнего и вовсе делает оружие бесполезным. Радикальное расширение сферы технического в области оружия завершило эпоху антропоморфных машин и механизмов, определив сетецентрический характер современного вооружения.

Сетецентризм современных войн

Сетецентризм современных войн включает в себя не только развертывание цифровых сетей связи для обеспечения горизонтальной интеграции участников операции, отвечающей за взаимодействие между подразделениями своего уровня, но и вертикальной интеграции, определяющей передачу информации между средствами разведки, воздушными платформами и оперативными центрами. Организация когнитивного взаимодействия между органами управления и вооруженными формированиями предполагает адаптивное изменение тактики действий подразделений с рассредоточенными боевыми порядками, оптимизацию разведки, а также упрощение механизмов согласования и огневого поражения. Формирование единого информационно-коммуникационного пространства с распределенной сетевой архитектурой менее подвержено воздействию преднамеренных помех и позволяет добиться от объединенных в сеть средств вооруженной борьбы высоких боевых возможностей значительно превышающих эффективность от применения тех же средств по отдельности, что было недоступно в эпоху антропоцентрических войн.

Оценка степени влияния сетецентризма на эффективность применения вооруженных формирований, в которые входят добывающие, информационно-управляющие и исполнительные элементы, может быть произведена посредством использования теории декомпозиции стратегических целей Дж. Вардена [\[18\]](#) и теории циклов управления Дж. Бойда OODA (Observe – наблюдай, Orient – ориентируйся, Decide – решай, Act – действуй) [\[19, с. 124-137; 20\]](#). Одним из путей повышения эффективности наносимых ударов согласно теории Дж. Бойда является достижение меньшего временного интервала, требуемого на выполнение полного цикла OODA, чем у противника, что может быть реализовано путем минимизации времени выполнения каждого из его подциклов по отдельности. Техническая эволюция дронов, начавшаяся с оптимизации подцикла «наблюдай», в конечном итоге позволила реализовать на одной платформе весь цикл OODA, объединив в себе добывающие, информационно-управляющие и исполнительные элементы сетецентрической войны.

Дроны как инструмент перехода от антропоцентричных к сетецентричным войнам

История дронов берет свое начало от радиоуправляемых моделей самолетов, которые в начале Второй мировой войны использовались в качестве мишеней для обучения курсантов американских артиллерийских училищ технике прицеливания и уничтожения летящих объектов [\[5, с. 33\]](#), чему способствовало активное использование авиации сторонами конфликта. Телеархический механизм, попадая во враждебную среду, подвергается агрессивному воздействию ее факторов. В случае с радиоуправляемыми моделями самолетов таким фактором выступал прицельный огонь, производимый из различных видов стрелкового оружия. Вопросы сохранения жизни пилотов и создание дистанционного оружия получили широкое распространение в научных кругах в начале XX века. Так, в 1934 году В. Зворыкин, предложив соединить радиоуправляемую торпеду с электрическим глазом, заложил основной принцип построения современных умных

бомб и боевых дронов [\[5, с. 99\]](#), а автором идеи оснащения роботов-самолетов телевизионными камерами для ведения разведки позиций противника в 1944 году стал Б. Херши [\[21, р. 15-16\]](#). Практической реализации в рассматриваемом историческом периоде эти предложения не получили в виду того, что технологическое развитие обладает собственной движущей силой и не всегда способно удовлетворить потребности человека.

Взросшая роль ударной авиации потребовала от инженеров поиска решений по защите воздушного пространства. Развитие автоматизированных военных технологий в области противовоздушной обороны не исключало возможности нанесения авиационного удара, но потери для атакующей стороны в этом случае были бы велики и неоправданны. Основу следующего симбиоза дронов составила необходимость вскрытия мест дислокации комплексов противовоздушной обороны противника с целью их последующего уничтожения перед нанесением основного удара. Функция отслеживания ракет класса «земля-воздух» [\[22, с. 14\]](#) посредством беспилотных летательных аппаратов «Lightning Bugs» (Жуки светлячки) компании Ryan была реализована во время войны во Вьетнаме. Использование дронов в виде ложных целей в 1973 году против Египта и в качестве средств наблюдения в 1982 году против Сирии позволило Израилу вскрыть расположение противовоздушных батарей и захватить господство в воздухе.

С появлением технологий беспилотных летательных аппаратов модель традиционной наземно-центричной войны в виду своей архаичности была пересмотрена в пользу войны аэроцентричной. Выполнение боевых задач по скрытому наблюдению, выявлению скопления личного состава и средств огневого поражения на территории противника является неотъемлемой частью партизанского рейда [\[23, с. 274\]](#), что, несомненно, наделяет дрон статусом «партизана». В тоже время ввиду отсутствия возможности уничтожения обнаруженных объектов партизан из дрона получается в некотором роде неполноценным. Перерождение дистанционно управляемого пассивного механизма разведки, наблюдения и идентификации в настоящего хищника, способного уничтожать обнаруженные военные объекты и «живые мишени» произошло в результате внутреннего симбиоза, соединившего в единое целое беспилотные летательные аппараты и средства огневого поражения, успешная апробация которых была проведена армией США в конце 2001 года в Афганистане [\[24, с. 85\]](#).

Высокая стоимость ударно-разведывательных дронов военного назначения, возможность их обнаружения и уничтожения средствами противовоздушной обороны и истребителями-перехватчиками, а также риск получения доступа к технологиям производства беспилотных летательных аппаратов противником, в результате изучения захваченных образцов, существенно ограничивают применение беспилотников с неподвижным крылом без предварительного достижения господства в воздушном пространстве атакуемого государства. То, чем можно было жертвовать в большом количестве, не опасаясь потери технологий производства, было имплантировано на арену боевых действий из гражданского сектора. Высокое качество изготовления современных дронов вертикального взлета и посадки в совокупности с большими объемами их производства позволили реализовать ранее выдвинутую идею В. Зворыкина, но в обратном порядке. Оснащать устройством видеотрансляции потребовалось не радиоуправляемую торпеду, а наоборот радиоуправляемое устройство видеотрансляции боеприпасами различного вида.

Стоящие на вооружении средства и комплексы противовоздушной обороны оказались малоэффективными для уничтожения дронов вертикального взлета и посадки, что

определило феномен их массового применения на линии прямого боевого соприкосновения. Широкий модельный ряд, низкая стоимость, наличие высококачественной оптики и навигационных систем, возможность дооснащения механизмами сброса ручных гранат или гранатометных выстрелов, простота в использовании, обслуживании и текущем ремонте позволило решать целый комплекс задач в режиме реального времени. Посредством гражданских дронов ведется разведка, ретрансляция радиосигналов, корректировка огня артиллерийских систем и уничтожение обнаруженных целей, осуществляется дистанционное минирование. Применение дронов-камикадзе в режиме «роя» способно не только осуществить полную перегрузку средств противовоздушной обороны, но и произвести их уничтожение, не задействуя при этом средства доставки противорадиолокационных ракет.

Беспилотные летательные аппараты, используемые в сельском хозяйстве для обработки посевов в целях их защиты от вредителей, могут быть переоборудованы для распыления боевых отравляющих веществ. Такой разворот от использования беспилотных летательных аппаратов в мирных целях в сторону ведения военного противоборства превращает их в настоящее неконвенциональное оружие, дооснащение и быстрый ремонт которого может оперативно производиться непосредственно в районах дислокации воинских подразделений посредством технологий 3D-печати. Мирный дрон, даже из разряда игрушечных радиоуправляемых моделей самолетов, вертолетов, автомобилей и катеров, оснащенный боеприпасом, может легко добраться до общественных мест с большим скоплением людей, став доступным дистанционным оружием для «бедных». Учитывая возможность кустарного изготовления дронов из имеющихся в свободной продаже узлов и механизмов, удары по инфраструктуре и критическим объектам противника могут наноситься с территории непосредственно ему подконтрольной, как силами диверсионно-разведывательных групп, так и силами прокси-отрядов.

Взаимодействие субъекта с дроном опосредованно доступными средствами визуального отображения информации. Оператор ориентируется не столько на свое зрительное впечатление происходящего, сколько на экран средства отображения (монитор, смартфон, очки виртуальной реальности и др.), на который выводятся транслируемые посредством видеокамер беспилотных летательных аппаратов стационарные и движущиеся объекты в режиме реального времени. Трансляция вертикальной и горизонтальной проекции с беспилотника воспринимается субъектом на устройстве отображения как графический контент современных компьютерных игр. Вертикальная проекция в большей степени сопоставима с играми с элементами стратегии, в которых на основе визуальных образов и получаемых данных необходимо просчитывать возможные ходы противника, использовать его слабые места и оперативно управлять своими подразделениями. Горизонтальную проекцию, широко используемую в экшен играх от первого лица, дает применение дронов на малых высотах в черте городской застройки во время преодоления препятствий. Наведение артиллерийских систем, решение на применение силового воздействия и объективный контроль ведутся оператором исключительно на основании визуального контакта с устройством отображения, а не на реальном наблюдении и это различие часто не находится в сознательном фокусе субъекта. Виртуализация происходящего обезличивает восприятие врага, переводя его в разряд персонажей компьютерных игр, уничтожение которых нередко сопровождается проявлением агрессии и излишней жестокости, вызывая широкий общественный резонанс в области гуманного ведения вооруженного противоборства.

Сетецентрические войны и современные представления о гуманизме

Гуманизм в широком смысле определяется как исторически изменяющаяся система

воззрений, признающая ценность человека как личности [\[25, с. 130\]](#), что позволяет трактовать военный гуманизм как деятельность, направленную на соблюдение принципов и норм международного гуманитарного права, на запрет на использование определенных видов оружия и на снижение жестокости вооруженного конфликта. Основанием для критики современного гуманизма выступает действующий принцип неприкосновенности комбатантов, а не гражданского населения, характерного для вооруженных конфликтов последних десятилетий. Контроль территорий в аэроцентричной войне строится на основе концепта «kill-box» («куб смерти») [\[5, с. 67\]](#), определяющего на географической карте местности границы зоны полного истребления. Работа пилотов самолетов в пределах границ «kill-box» на высоте недоступной для средств противовоздушной обороны противника минимизирует потери военно-воздушных сил, но значительно снижает точность наносимых ударов, погрешность которых выражается в жертвах среди мирного населения и в разрушениях объектов инфраструктуры не военного назначения. Современные дроны обладают более высокой точностью нанесения ударов, и транслируемый ими видеопоток выполняет не только объективный контроль обнаружения цели, ее атаки и результатов огневого воздействия, но и выступает в роли доказательной базы совершенного убийства. Распространение такого видеоконтента в средствах массовой информации и в ГИС Интернет производится государственными силовыми структурами в качестве отчета о проведенных мероприятиях по противодействию угрозам национальной безопасности, а повстанцами или террористическими организациями с целью устрашения своих противников и мирного населения. Оба приведенных примера больше напоминают проведение публичных казней, которые не только пересматриваются и оцениваются, но также активно обсуждаются в обществе на предмет эффективности используемых способов убийства и предсмертных мучений жертвы.

Парадигма рыцарского гуманизма эпохи западноевропейского средневековья, вызывавшая в обществе уважение, поклонение и подражание [\[26, с. 83\]](#), по мере создания и модификации дистанционного оружия теряла свою моральную актуальность. Увеличение дальности стрельбы и пробивной способности оружия территориально удаляло противоборствующие армии друг от друга, а враг, который становится невидимым для своего соперника, не может стать источником нравственного чувства. Общее, что может объединить действия прапорщика-артиллериста Первой мировой войны и пилота самолета, участвующего в бомбардировках Косово в 1999 году – это полное отсутствие зрительного контакта с врагом. Но если для Ф. А. Степуна «австрийцы в окопах ... не люди ..., а некий безликий "он". Мы их не видим, потому не знаем; не знаем – не любим. А когда видим и знаем (раненых, пленных) – то любим» [\[16, с. 59\]](#), то местное население Югославии не входило в концепт «нового гуманизма» и подверглось уничтожению во благо мира и защиты собственных ценностей и интересов стран НАТО [\[27\]](#). Операторы беспилотников военного назначения так же не имеют прямой «сцепки» с мишенью, что в акторно-сетевой теории называется entanglement [\[28\]](#), поэтому они недоступны для средств поражения противника. Так, например, «сидя на безопасном расстоянии в Неваде ... Один и тот же пилот может утром подорвать машину в Афганистане, днем расстрелять группу подозрительных партизан в Ираке, а вечером вернуться к семье в Рино» [\[29, с. 3\]](#). Забирая чужие жизни, сам оператор не умирает, а возвращает дрон за новым боекомплектом, чтобы вновь выйти на охоту и, обнаружив цель получить право на переход из роли смотрящего в роль судьи и палача.

Для достижения победы достаточно лишить противника способности сопротивляться и не

обязательно при этом прибегать к изощренным способам насилия. Сторонники «нового гуманизма» игнорируют этот основополагающий принцип, поэтому герб дрона MQ9 Reaper состоит из изображения Смерти с окровавленной косой и девиза «Пусть умрут другие» [\[5, с. 109\]](#), а на футболках, выпущенных в поддержку применения дрона Predator, была нанесена надпись «Можешь бежать, ты всего лишь умрешь запыхавшись» [\[5, с. 105\]](#). Сторонники применения дронов, следуя принципу «Не умрет никто, кроме врага» сходятся во мнении о том, что такое оружие не только допустимо, но и «морально необходимо», выделяя его в особый класс утонченного, надежного и «гуманного оружия» [\[8, с. 146\]](#). Новый гуманизм не оставляет врагам никаких шансов на жизнь. Современные дроны трансформировали сражение в насилие более высокого уровня. По этим причинам источником моральной обеспокоенности в обществе относительно применения дронов вертикального взлета и посадки стали массовые случаи преднамеренного и осознанного убийства безоружных и раненых военнослужащих. Под ракетным или артиллерийским огнем солдат полностью лишен возможности сдаться, в то время как оператор беспилотника способен визуально зафиксировать намерения противника, сложившего свое оружие или подающего сигналы о необходимости получения медицинской помощи.

В приведенных примерах основная идея гуманизма приобретает совершенно противоположную направленность, оправдывая как сам акт убийства, так и его исполнителей, аргументируя свой разворот наличием меньшего сопутствующего ущерба по сравнению с результатами применения других видов оружия для решения аналогичных задач. Термин «сопутствующий ущерб» был введен для определения масштабов последствий вооруженного воздействия, к которым относят «жертвы среди мирного населения (детей, женщин и престарелых) и разрушение транспортных систем или городской застройки, не являющихся военными целями» [\[30, с. 21\]](#). В марте 2011 года в результате удара американского беспилотника были уничтожены 38 мирных граждан в районе Шига (Пакистан), только на основании того, что «их поведение напоминало образ действия повстанцев, связанных с Аль-Каидой (террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации)» [\[31, с. 34\]](#). Произошедшая трагедия свидетельствует об отсутствии алгоритма, позволяющего оператору дрона достоверно отделить комбатантов от нонкомбатантов. Попытки ввести избирательность целей по форме одежды, наличию оружия и особенностям поведения не смогли дать ожидаемого результата. Не все повстанцы спешат переодеться в военную форму одежды, оружие в ряде стран разрешено иметь всем желающим, а особенности поведения человека воспринимаются правильно только после достаточно длительного времени общения с ним, чего однозначно полностью лишен оператор дрона. Подобные методы отбора целей в большей степени напоминают войну с тенью, имея доступ к которой невозможно точно определить, что за объект она в итоге отражает. Проявление такого гуманизма направлено не столько на разрешение конфликта, сколько на его дальнейшую эскалацию путем милитаризации общества «освобождаемых» стран против самих же освободителей. Один из лидеров радикального движения Талибан (террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации) в Пакистане вспоминал, что в течение трех месяцев работы смог завербовать только от десяти до пятнадцати человек, а после американского авиаудара их количество увеличилось до ста пятидесяти добровольцев [\[5, с. 83-84\]](#).

Умелое манипулирование общественным мнением относительно хирургической точности наносимых ударов, исключая случайные смерти среди мирного населения, привело к изменению понимания гуманизма, отведя дронам роль «морально допустимого» оружия,

сохраняющего жизни тем, кто его применяет, а все отобранные мишени *a priori* считаются военными целями до тех пор, пока не будет доказано обратное. Смена полюсов гуманизма в отношении моральной допустимости применения дронов произошла не случайно. Окна Дж. Овертона [32] стали инструментом убеждения и пошагового воздействия на человеческое восприятие по внедрению концепции дистанционного уничтожения. Алгоритм работы окон заключается в их пошаговом перемещении как в одну сторону от стадии немыслимого, через промежуточные уровни радикального, приемлемого, разумного, популярного до стадии государственной нормы, так и в обратную. Решение Японией использовать камикадзе в Тихоокеанской войне стало абсолютно неприемлемым для цивилизованного общества, но положило начало активному обсуждению и то, что ранее казалось античеловечным, в исламе получило статус радикального. Возможность ведения разведки без экипажа на борту, оставаясь при этом невидимым и недостижимым, позволила перевести ситуацию в стадию приемлемой. Оснащение дронов высокоточными средствами поражения и выполнение боевых задач без риска для их операторов позволило подготовить общество к переходу на стадию разумного. Снижение сопутствующего ущерба и уничтожение исключительно врагов инициировало уровень популярного. На заключительном этапе использование дронов в качестве оружия было закреплено на законодательном уровне, определив тем самым новую концепцию ведения гуманного противоборства или, иными словами, запустив компанию по уничтожению.

Заключение

За последние несколько лет война перестала пониматься как прямое и открытое противостояние. Масштабным войнам, шедшим на истощение, на смену пришли вооруженные конфликты, в которых определяющим фактором борьбы стало время, измеряемое не днями и часами, а минутами и секундами. Основу успеха военных операций стало определять наличие высокоскоростной адаптивной информационно-коммуникационной сети управления подразделениями и оружием. Тот, кто сегодня следует антропоцентрической парадигме, или использует время на оценку обстановки и принятие решения не рационально обречен на неминуемое поражение. Прямое вторжение стало заменяться точечными ударами, направленными не на проведение ответных действий, а на заблаговременное устранение потенциальных носителей угроз способных эти действия организовать и провести.

Объединение на платформе беспилотных летательных аппаратов добывающих, информационно-управляющих и исполнительных элементов сделало дроны универсальным поражающим инструментом способным не только заменить основные виды традиционного дистанционного оружия, к которым можно отнести ствольную артиллерию, управляемые ракеты и средства их доставки, но и в процессе ведения корректировки огня превратить любой неуправляемый снаряд в высокоточное оружие. Сокращение потерь военнослужащих посредством их замены на безэкипажные аппараты нарушает ось симметрии вооруженного конфликта в отношении врага, который аналогичной замены произвести не может, а отсутствие точного алгоритма дистанционно-визуального отделения комбатантов от некомбатантов и вовсе приводит к многочисленным жертвам среди мирного населения. Реализуя в полном объеме классический паноптизм Фуко [33], дроны дополнили его оказанием сильного психологического воздействия на противника и смогли трансформировать своим вмешательством жизненный уклад мирного населения, осуществляя его социальную изоляцию, порождая тотальную вражду и еще большее насилие. Асимметризация современных войн делает синонимами «победу» и «гуманитарную катастрофу»,

«гуманизм» и «убийство», а генезис развития технологий дронов противопоставил огнестрельному, ядерному и высокоточному оружию обычное радиоуправляемое устройство, которое стало особенно популярным среди военных и представителей современного гуманизма.

Библиография

1. Деланда М. Война в эпоху разумных машин: перевод с английского Д. Кралечкина. – Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый; Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2014. – 338 с.
2. Margulis L. Symbiotic Planet: A New Look at Evolution. – New York: Basic Books, 1999, 176 p.
3. Дрон Пентагона решил убить своего оператора во время испытаний. Rbc.ru: сайт. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64798bec9a79473d10277294>. (дата обращения: 15.11.2024).
4. Singer P. Wired For War: The Robotics Revolution and Conflict in the 21st Century. – New York: Penguin, 2009, 512 p.
5. Шамаю Г. Теория дрона: перевод с французского Е. Блинова. – М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2020. – 280 с.
6. Scharre P. Army of None: Autonomous Weapons and the Future of War. – New York: W.W. Norton & Company, 2018, 384 p.
7. Strawser B.J. Killing by Remote Control: The Ethics of an Unmanned Military. – New York: Oxford University Press, 2013, 296 p.
8. Benjamin M., Ehrenreich B. Drone Warfare: Killing by Remote Control. – New York: OR Books, 2012, 241 p.
9. Балаклеец Н.А. Война и ее трансформации в современном обществе. Опыт политико-философского анализа. – СПб.: Алетейя, 2024. – 330 с.
10. Балаклеец Н.А. Специфика и акторы войны с использованием дронов // Общественные науки и современность. – 2021. – № 5. – С. 116–128.
11. Беспилотные летательные аппараты: основы устройства и функционирования: учеб. пособие / Афанасьев П.П., Голубев И.С., Туркин И.К. [и др.]. – М.: МАИ, 2008. – 654 с.
12. Литвиненко В.И. Беспилотники – применение и борьба с ними: учеб. пособие. – М.: ООО «Торговый дом «Советский спорт», 2022. – 280 с.
13. Соловьев, В. С. Оправдание добра. Нравственная философия, в: Соловьев, В. С., Избранное, М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 792 с.
14. Карсавин, Л. П. Человек в христианстве, в: Карсавин Л. П., Философия истории, Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. – 768 с.
15. Юнгер. Э. В стальных грозах. СПб.: Владимир Даль, 2000. – 336 с.
16. Степун Ф. Из писем прапорщика-артиллериста. Прага: Пламя, 1926. – 267 с.
17. Шмитт, К. Теория партизана: перевод с немецкого Ю.Ю. Коринца под редакцией Б.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2007. – 301 с.
18. Warden, J. A. The Air Campaign: Planning for Combat / J. A. Warden. – San Jose, New York, Lincoln, Shanghai: toExcel Press, 2000, 184 p.
19. Макаренко С. И. Сетецентрическая война – принципы, технологии, примеры и перспективы: монография / С. И. Макаренко, М. С. Иванов. – СПб. : Наукоемкие технологии, 2018. – 898 с.
20. Ивлев, А. А. Основы теории Бойда. Направления развития, применения и реализации: монография / А. А. Ивлев. – Москва, 2008. – 64 с.
21. Hershey B. Skyways of Tomorrow. – New York: Foreign Policy Association, 1944, 96 p.
22. Zaloga S. Unmanned Aerial Vehicles: Robotic Air Warfare 1917–2007. – Westminster, MD: Osprey Publishing, 2008, 48 p.

23. Военный энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова: в 2 томах. – М.: «Рипол классик», 2001. – Т. 2. – 814 с.
24. Yenne B. Attack of the Drones: A History of Unmanned Aerial Combat. – St. Paul: Zenith Press, 2004, 127 p.
25. Философский энциклопедический словарь / главная редакция Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: «Советская энциклопедия», 1983. – 840 с.
26. Клешан Пюи дю, Ф. Рыцарство. – СПб.: Евразия, 2004. – 192 с.
27. Хомский Н. Новый военный гуманизм. Уроки Косова. – М.: Праксис, 2002. – 320 с.
28. Социология вещей: сборник статей / под ред. В. Вахштайна. – М.: Территория будущего, 2006. – 391 с.
29. Вахштайн В. Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 / В. Вахштайн // Логос _ Философско-литературный журнал. – 2017. – Т. 27. № 2. – С. 1–49.
30. Линди С. Разум в тумане войны. Наука и технологии на полях сражений: перевод с английского Н. Колпаковой. – М.: «Альпина нон-фикшн», 2022. – 390 с.
31. The Civilian Impact of Drones: Unexamined Costs, Unanswered Questions. Center for Civilians in Conflict and Human Rights Clinic at Columbia Law School, 2012, 83 p. [Электронный ресурс] – URL: <https://hri.law.columbia.edu/sites/default/files/publications/The%2520Civilian%2520Impact%2520of%2520Drones.pdf>. (дата обращения: 15.12.2024).
32. Сивков К. Бациллы плюрализма // Военно-промышленный курьер. – 2016. – № 5(620). – С. 10.
33. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ад Маргинем, 1999. – 480 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью «От антропоцентризма к сетецентризму: дроны как инструмент трансформации современных войн»

Объектом представленной работы являются гуманитарные последствия внедрения современных видов дистанционного оружия. В качестве предмета исследования выбран процесс трансформации современных войн вследствие превращения дронов гражданского назначения в неконвенциональное оружие. Как отмечает автор, в условиях нового типа войны основная идея гуманизма приобретает совершенно противоположную направленность, оправдывая как сам акт убийства, так и его исполнителей, аргументируя свой разворот наличием меньшего сопутствующего ущерба по сравнению с результатами применения других видов оружия для решения аналогичных задач.

Методология исследования включает такие общенаучные подходы, как дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, наблюдения, синтеза. Также в качестве методологической основы для проведения системного исследования использованы концепции сетецентризма и механизм окон Дж. Овертона.

Актуальность работы определяется тем, что в наши дни успешное применение дронов в воздушном пространстве позволило переосмыслить традиционную концепцию ведения вооруженного противоборства в пользу дистанционной войны. Антропоцентрические

войны сменились сецентрическими. Проблемы, которые возникают при таком машинно-человеческом взаимодействии требуют всестороннего анализа и осмысления в рамках философского подхода.

Научная новизна работы состоит в выявлении и описании процесса трансформации классической (антропоцентрической) концепции войны в сетецентрическую вследствие внедрения дистанционного оружия. Автор рассматривает фундаментальное отличие антропоцентрических войн от сецентрических. Автором выявляется преимущество сецентрической войны, которая выражается в том, что формирование единого информационно-коммуникационного пространства с распределенной сетевой архитектурой менее подвержено воздействию преднамеренных помех и позволяет добиться от объединенных в сеть средств вооруженной борьбы высоких боевых возможностей значительно превышающих эффективность от применения тех же средств по отдельности, что было недоступно в эпоху антропоцентрических войн. Техническая эволюция дронов, начавшаяся с оптимизации подцикла «наблюдай», в конечном итоге позволила реализовать на одной платформе весь цикл OODA, объединив в себе добывающие, информационно-управляющие и исполнительные элементы сетецентрической войны. Использование дронов порождает и гуманитарные вопросы, связанные с психологическим насилием и социальной и изоляцией жертв среди мирного населения. Автор делает закономерный вывод о том, что асимметризация современных войн делает синонимами «победу» и «гуманитарную катастрофу», «гуманизм» и «убийство», а генезис развития технологий дронов противопоставил огнестрельному, ядерному и высокоточному оружию обычное радиоуправляемое устройство, которое стало особенно популярным среди военных и представителей современного гуманизма. Статья написана научным языком, претензий к стилю изложения нет. Структура соответствует требованиям, предъявляемым к научному тексту. Библиография содержит 33 источника, посвященных теме современной войны. Работа представляет значительный научный интерес с точки зрения попытки осмысления новых типов войны, применяемых цифровых технологий, которые ставят фундаментальные мировоззренческие и моральные вопросы.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Чекрыгин О.В., Надеина Д.А., Мезенцев И.В. Концепция бога как созерцателя: космологические, антропологические и этико-сотериологические аспекты // Философская мысль. 2025. № 1. С.67-93. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.1.73209 EDN: UGSTHO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73209

Концепция бога как созерцателя: космологические, антропологические и этико-сотериологические аспекты

Чекрыгин Олег Всеволодович

ORCID: 0009-0007-4393-1445

кандидат философских наук

независимый исследователь

115419, Россия, г. Москва, ул. Серпуховский вал, 24

✉ ochek@bk.ru**Надеина Дарья Александровна**

ORCID: 0009-0006-6063-8171

соискатель; институт философии СПбГУ; СПбГУ

115682, Россия, г. Москва, ул. Ореховый, 59

✉ Bogoslovblog@gmail.com**Мезенцев Иван Валерьевич**

ORCID: 0009-0008-8723-5641

кандидат философских наук

независимый исследователь

690025, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Джамбула, 7, кв. 1

✉ mezivan@yandex.ru[Статья из рубрики "Философия религии"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2025.1.73209

EDN:

UGSTHO

Дата направления статьи в редакцию:

27-01-2025

Дата публикации:

03-02-2025

Аннотация: В настоящей публикации авторы предлагают опыт теоретического построения космологической концепции, опирающейся на представления о Боге как Созерцателе. Выявляется специфика указанной модели в сравнении с аналогичными схемами из истории философии. Авторский подход согласуется с основоположениями новозаветного откровения, а также современными естественнонаучными данными. В статье показан путь преодоления типовых проблем классических для европейской философии космогонических концепций, начиная с Античности. В статье излагается проблематика типовых решений космологического вопроса в европейской философии и предлагается опыт непротиворечивой модели сосуществования Бога как Абсолюта и порождаемых им миров, в том числе материальных, подобных наблюдаемой вселенной, с опорой на категорию «созерцание». Данная категория кратко рассматривается авторами в историко-богословском контексте, затем дается общая характеристика новой теологическо-космологической модели. Авторы раскрывают парадигмальные ограничения философского осмысления Бога, акцентируя внимание на необходимости учитывать влияние натурфилософских убеждений отдельно взятой эпохи, которые отражаются в религиозных доктринах (наряду с личным опытом конкретного мыслителя). Во второй половине статьи указываются конкретные выводы из предлагаемой богословско-философской концепции: 1) космологические выводы (божественные идеи и способ их реализации в мире; вопрос теодицеи; осмысление божественного Промысла); 2) антропологические (феномен человека; изменение подхода к человеческой рациональности; характеристика воли Бога в соотношении со свободой личности); 3) этико-сотеариологические (богообщение, божественное откровение и спасение; осмысление отдельных этических категорий в рамках новой концепции; онтологический смысл рая и ада). Представленная философско-религиозная концепция «Бога-созерцателя» представляет собой принципиально новое направление в рамках религиозно-философской мысли. Данная модель отличается уникальностью и внутренней логической согласованностью, будучи свободной от ограничений и недостатков, присущих предшествующим философским системам. Ее теоретическая значимость и оригинальность могут вызвать широкий интерес в научно-философском сообществе, открывая новые перспективы для исследований в данной области.

Ключевые слова:

Созерцание, Абсолют, Творец, творение, Ничто, космогония, космология, Промысл, разум, теодицея

*1. Введение.**Парадигмальные ограничения философского осмысления Бога*

Прежде чем предлагать новую теологическо-космологическую концепцию наряду с уже имеющимися, нужно заметить, что в основе любых самых прорывных, оригинально новых и даже фантастических идей, в том числе и абстрактно-научных, разум все равно опирается на воображение, основанное на чувственном опыте.

Разум человека действует на опорной основе чувственных восприятий, которые

интерпретируются воображением воспринятого чувствами в образ. Даже самые сложные абстрактные конструкции и логические построения требуют неких наглядных зрительных образов, с ними связанных и им предшествующих: сперва идет воображаемый зрительный образ объекта, воспринятого чувствами, и лишь затем появляется словесное описание «увиденного» в воображении, основанном на сложной системе образной памяти. Обратное движение от слова к зрительному образу является также основой познания: прочитанное, чтобы понять его смысл, нужно представить себе, то есть связать слова с имеющимися образными впечатлениями их значений в их совокупности, в результате чего возникает представление, возможно, хотя и уникальное, но основанное на уже имеющихся в памяти зрительных образах. Знание, не имеющее опорной основы в чувственной опытной памяти, не осваивается разумом, и так и останется непонятым и не принятым в образно-словесную систему памяти. «Нельзя в собственном смысле разделять ощущение и мышление, как если бы они были актами двух сущностно разных способностей, двумя разными модусами сознания. Человеческое мышление, погруженное в телесную чувственность, получает доступ к реальности только в чувствах и через них» [\[1, с. 211\]](#). И. Кант в «Критике чистого разума» говорил: «Без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один нельзя было бы мыслить» [\[2, с. 69\]](#).

Таким образом, для понимания истоков научных и религиозно-философских идей нужно проследить их обратное развитие вплоть до изначального чувственного опыта и связанных с ним эмоциональных переживаний, которые легли в основу мысленных образов этих идей и их словесного описания.

Примером в данном случае может служить идея Бога. Согласно классической версии онтологического аргумента в пользу существования Бога, наличие в разуме человека идеи Бога свидетельствует о реальности его существования. Однако, это «доказательство», являясь принципиально верным в отношении конечных вещей (невозможно изобрести не-сущее внеопытное), в отношении Бога являет пример порочной ошибочной логики. В данном случае нет смысла пересказывать известную в истории философии критику онтологического аргумента: достаточно в рамках интересующей нас темы напомнить, поскольку изначальная идея Бога была вполне миросущной и *антропоморфной* (несмотря на то, что выделение двух «уровней» божественности – наивысшей, удаленной от человеческого, и низшей, в которой присутствуют всем известные антропоморфные божества, близкие к нуждам людей, восходит к глубокой древности и присутствует в дофилософский период развития религиозных представлений). Дело в том, что мышление человека в древний период было мифологичным.

Вопрос о происхождении богов в человеческой культуре является довольно сложным с точки зрения современного религиоведения, но в любом случае очевидно, что первые теологические представления возникали и развивались под влиянием способности выстраивать человекоподобные аналогии и усваивать человеческие качества божествам. В данном случае мы имеем дело с классической концепцией, согласно которой богов человек создает по образу и подобию своему (что в данном контексте не связано с вопросом о наличии у них объективных коррелятов за пределами человеческого сознания).

Поэтому для понимания истоков гениальных прозрений древней философии наряду с признанием значения откровений и вдохновений необходимо отыскивать опорный чувственный опыт, на котором были основаны воображательные ассоциации,

позволившие эти прозрения освоить и сделать их достоянием разума. Не последнюю роль в этом плане играет натурфилософский контекст, в котором работал философ определенной эпохи и который заполнял космологическими образами сознание мыслителя. Очевидно, что гораздо более обоснованной и крепкой будет та концепция, которая учитывает историко-культурные парадигмальные ограничения.

Мы можем выявить три ограничителя, которые присутствуют при формировании некоторой доктрины:

- 1) натурфилософский контекст эпохи, который многие философы прошлого по умолчанию воспринимали как вершину истинного понимания реальности на все времена (как и свою культуру, язык и проч.), не учитывая динамику и культурное многообразие научного познания в будущем;
- 2) личный опыт, который активизирует в сознании философа определенный интерес и который может создавать тенденциозность в решении некоторых философских вопросов на основе неких неудовлетворенных потребностей;
- 3) когнитивные и, в целом, психические механизмы, которые срабатывают по умолчанию при размышлении о религиозно-философских проблемах.

Мы не можем работать вне этих детерминант, но у нас есть возможность их видеть и учитывать в своих теоретических разработках, а также выявлять те ситуации, когда мыслитель не понимал объективных ограничений своего дискурса, которые накладывал окружающий его идейный и личностный контекст.

Примечательно, что упомянутый выше антропоморфизм и «прогибание» высшей реальности под привычки и удобство человеческого восприятия сохраняется не только на уровне примитивных архаических представлений о божествах, но даже и на более высоком уровне – философски обработанной абстрактной идеи Первоначала. Эта проблема присутствует в религиозной философии, несмотря на ее формальное отрицание мифологического мышления и заявления о том, что в ней антропоморфизм окончательно осмыслен и преодолен в разговоре о Боге. Антропоморфизм и «заземление» Бога сохраняется и в метафизике, только на более тонком и прозрачном уровне, не видимом поверхностному наблюдателю.

Уподобление высших принципов земным бытовым реалиям явствует, например, из учения о идеях в платонизме, которое легло в основу церковной догматики и определило судьбы многовековой европейской мысли. Начиная с Платона, его мир идей, противостоящий миру бескачественной материи, держится на аналогии, обычной для сознания человека. Аналогия эту можно представить в виде пары идея-изделие: любому созидательному труду человека предшествует появление идеи в его разуме, и даже видимое образное представление о конечном результате созидательного процесса в виде изображения, возникающего перед внутренним взором в воображении. Далее следует выбор материала, из которого вырабатывается материальное воплощение воображаемого объекта в вещь. При этом проникнуть в мир идей другого человека извне невозможно, как невозможно для человека непосредственно показать другому воображаемое им. Здесь уместно вспомнить проблематику «квалиа». Особенностью классических квалиа является то, что они нередуцируемы ни к физическим, ни к функциональным свойствам ментальных состояний. Допущение существования квалиа как внутренне присущих ментальным состояниям свойств, которые не могут быть сведены ни к каким естественным свойствам, действительно сталкивает нас с трудной проблемой сознания. Эта проблема заключается в том, что мы либо должны признать, что не

существует натуралистического объяснения сознания, либо же должны трансформировать естественно-научную картину мира, вписывая в неё ментальные свойства как фундаментальные характеристики реальности.

Отсюда путем экстраполяции этих человеческих качеств в масштаб вселенной возникает концепция божественного мира идей, которые или погружаются в мир материи, «облекаются» материальностью и становятся зримыми и ощущаемыми, или отражаются из мира идей на мир материи в виде непосредственного воплощения идей в материальные объекты и явления мира вещей. Таким образом утверждается первичность духа и вторичность материи, а также их трансцендентность, невозможность непосредственного взаимодействия идей и вещей по причине абсолютного взаимного «несуществования» друг для друга природ духа и материи. Платоном так и не были объяснены причины, по которым идеи воплощают себя в материи, а также способ или механизм подобного воплощения идеи в материю при условии трансцендентности идей и их материальных воплощений. «По описанию Платона, когда подлинное бытие отражается в материи, возникает множество треугольников, равнобедренных и прямоугольных равнобедренных, которые затем упорядочиваются в пять видов правильных многогранников; каждый из пяти видов соответствует одному из первоэлементов: тетраэдр – огонь, октаэдр – воздух, икосаэдр – вода, куб – земля, а додекаэдр – элемент неба (впоследствии пятый элемент, *quinta essentia*, был назван "эфиром" и считался особо тонким живым огнем, из которого состоит небесная сфера и все небесные тела). Материя, в которой существуют эти геометрические фигуры и тела, называется у Платона "пространством" (*χώρα τόπος*), но мыслится не как реальное пустое пространство, а скорее как математический континуум. Его главная характеристика – "беспредельность" (*τὸ ἄπειρον*), не в смысле бесконечной протяженности, а в смысле абсолютной неопределенности и бесконечной делимости. Такая материя выступает, прежде всего, как принцип множественности, противостоящий единому бытию. Платона не занимает очевидное затруднение: как объяснить переход от чисто математических конструкций к телам, обладающим массой и упругостью» [3, с. 510]. Платоновское упоминание о Демиурге как о творце, осуществляющем своей волей воплощение идей в материю, не признается его реальной верой в творящее божество, но, скорее, имеет вид примера. «Обратим внимание на то, что основные категории "Тимея" (первообраз, демиург, идея, бог и боги, космос, материя) трактуются в диалоге исключительно понятийно или математически, но никак не персоналистски. Можно сказать, что Платон дошел до монотеизма чисто формально, не имея ни опыта, ни устойчивой терминологии позднейшего монотеизма, опиравшегося на учение об абсолютной личности. Иначе в конце VI книги "Государства" нужно было бы признать еще более яркий монотеизм на основании употребления Платоном термина "беспредпосылочное начало", который недаром расшифровывается им либо как благо (термин чисто понятийный), либо как единое (математический термин). Однако здесь тоже невозможно усматривать учение об абсолютной личности, потому что здесь нет ни живого имени какого-либо абсолютного живого существа, ни связанной с ним какой-либо священной истории с концепциями грехопадения, боговоплощения, искупления, спасения и т. д. Здесь перед нами чистейший языческий пантеизм» [4, с. 600]. Также надо учитывать, что Платон не всегда дает положительное учение: как и подобает настоящему философу, он зачастую ставит вопрос и приглашает к рассуждению, отталкиваясь от конкретных примеров. А отсутствие Творца возвращает вопрос о причинах, заставляющих идеи воплощаться в мир материи, и способах осуществления этого воплощения, ответа на который не дал ни сам Платон, ни его последователи.

Таким образом, в примере с Демиургом и миром идей мы сталкиваемся с проявлением

антропоморфного мышления, которое формирует концепцию, в основе которой лежит нерешенная и веками не решаемая проблема, однако это не мешает ей быть авторитетной и лидирующей в историко-философском процессе.

2. Проблематика типовых решений космологического вопроса в европейской философии

Основные решения космологического вопроса в связи с определенным пониманием сущности Абсолюта можно свести к следующим вариантам:

1) Абсолют в значении единственности Бога: только сам Бог «за гранью» трансцендентности, без которой он сразу же при взаимодействии с материей сам станет материей;

2) граница, за которую Бог или эмануирует (переливается) в мир, или творит мир вне себя, ограничивает его абсолютность, и превращает в частность, дополняемую миром;

3) попытка присвоить сущность Ничто и объяснить мир пребыванием Бога в Ничто напоминает логическую подмену, присваивающую существование тому, чего нет, то есть превращение Ничто в нечто.

Абсолют в значении самодостаточности приводит к полному стасису Божества, которое если чего-то хочет, значит, этого чего-то ему не хватает, и он уже не Абсолют, а в онтологическом смысле частность, которой не достает того, что ему желается. Это вполне относится и к утвержденной в церковной догматике идее о сотворении мира Богом по причине его преизбыточной благодати: значит или ему не хватило места в себе самом для того, чтобы вместить свою благодать или наличествует неудовлетворенность от того, что некуда эту благодать деть, и не с кем ею поделиться. В данном случае налицо утверждение неабсолютности божественности, а преизбыток благодати оказывается недостатком чего-то другого, чего богу не хватает (например, славящих его преизбыточную благодать) и тем лишает его абсолютности. «Центральной проблемой неоплатонизма, как и любой монистической системы... является затруднение... в том, что трансцендентная и самодостаточная природа не имеет необходимости порождать что-либо иное по отношению к себе... Когда Плотин впервые в платоновской традиции отождествил Первопричину всего сущего с единым 1-й гипотезы "Парменида", положив тем самым начало неоплатонизма, он унаследовал и апорию трансцендентного начала... Начало всего должно быть иным всему, свободным и отдельным от всего, т. е. представлять собой Абсолют. По словам Плотина, "даже когда мы называем его причиной, мы высказываем нечто присущее не ему, а нам, поскольку это мы обладаем чем-то происходящим от него, он же существует в себе самом". Но если причиной и началом Единое оказывается не само по себе, а только с точки зрения своих следствий, то возникает вопрос, почему эти следствия существуют и как объяснить происхождение мира из Абсолюта... Несмотря на различные подходы к решению апории трансцендентного начала, все без исключения неоплатоники объясняют происхождение множества из Единого преизбытком силы и совершенства Первоначала: "...будучи совершенным, оно как бы переливается через край, так что его преизбыток создает иное" ... Наконец, Дамаский показывает принципиальную неразрешимость апории трансцендентного начала. Он считает неизбежным описание Абсолюта в противоречивых терминах как одновременно и "единого", и "не-единого", и "начала", и "не-начала", видя в подобного рода антиномиях естественное следствие попыток помыслить то, что превосходит всякую мысль и слово...» [\[5, с. 660–662\]](#). Что такое «край» Абсолюта и куда Единое «переливается», если ничего кроме Абсолюта, не существует, включая края и «место», куда бы совершалось излияние, Плотин не объясняет, как и его последователи.

Сходную проблематику имеют и современные богословские тенденции, в которых Бог осмысливается в контексте онтологии любви, когда классические «громоздкие» представления о Боге как Абсолюте и полноте благодати соединяются с персоналистскими новоевропейскими установками, а также с экзистенциализмом. Бог мыслится в этом контексте процессуально-кенотически и как вечно нуждающееся в феномене «другого» существо для реализации полноты своей вечной божественной любви и в то же время воспринимается статически как всесовершенный ни в чем не нуждающийся вседозволенный Абсолют по лекалам средневековой философии. В данном случае мы наблюдаем не только отсутствие должного согласования двух разных парадигм, но и следование богословско-философской мысли за идейной модой различных эпох без должной рефлексии по поводу указанных выше ограничителей.

Попытки построения модели Бога без присвоения ему абсолютности (которая очень часто представляет собой механистическое умножение положительных свойств земного опыта на бесконечность с последующим априорным усвоением их Богу) приводят к проблеме предсуществования первичной праматерии (изначального хаоса, из которого мир был построен Богом-Логосом в греческой философии, а в различных добиблейских языческих традициях и в Еврейской Библии – предвечной водной стихии), порождающей материального бога, или хотя бы безначального сосуществования бога и праматерии (хаоса, стихии), из которой бог создает мир, что способно привести к утверждению первичности материи, то есть к материализму, которому бог оказывается не нужен, что ярко демонстрирует история позднейшей европейской философии.

Гностические построения некоей иерархии «оскудения» божественности, благодати, духа, света и проч. сверху вниз от трансцендентного «не-бога» (сверх-Бога) вплоть до сотворения материи низшим Демиургом склоняют опять-таки к материализму в его различных формах.

Попытки как-то рассоединить Бога и материю с помощью трансцендентности упираются в обусловленную ею невозможность Бога влиять на материальный мир. В частности, этот вопрос так и не был решен в христианской богословско-философской парадигме, где Святой Дух «везде сый и вся исполняяй», но не сам по себе, поскольку дух с материей взаимно не существуют друг для друга, а с помощью «божественных энергий» из учения Григория Паламы, которые опять неизбежно упираются в ту же проблему трансцендентности божественного материальному. Допущение дополнительного опосредующего звена между Богом и миром в виде «энергий» с целью перекинуть «мостик» между нетварным и тварным не решает проблему, а лишь создает видимость решения через усложнение конструкции. «Если Бог в Его энергиях равен Богу в Его сущности, тогда причастие энергиям ничем не отличается от причастия существу, природе Бога, потому что в таком случае невозможно отделить природу от энергий — где грань, отделяющая одно от другого? — и такое различие приобретает чисто риторическое значение» [6, с. 48]. То же относится и к парадигмальным усложнениям «конструкции» поздними неоплатониками, сперва удвоившими, а затем и утроившими первоначальные платоновские сущности Ума, Души и Космоса в своих построениях неоплатонической космологии (подробнее см. «Онтологическая и космологическая система неоплатонизма» [5, с. 664-666.]). Также при внимательном анализе паламизма становится очевидно, что его проблематика онтологического перехода от Бога к миру является частным проявлением общего для платонизма затруднения: почему и как идея становится не-идеей, а также как мыслить их актуальную связь между собой? Также проблемами паламизма в этом контексте являются вопрос о возможности созерцания *нетварного* света *творением* и тенденция раздвоения Бога на сущностного-

непознаваемого и данного в энергиях.

К паламизму применима та известная критика, которую давал Аристотель платоническому учению об идеях: если у вещи есть идея, то почему бы не допустить идею у идеи и т. д.; если есть нетварная энергия как необходимая онтологическая «перемычка» между Богом и миром, то почему бы не примыслить энергию энергии и т. д. Почему опосредующее звено всего лишь одно, учитывая иерархичность космоса, задуманную Богом, и градацию уровней освящения, которая утверждается в христианской ортодоксии? Либо божественная энергия, посредствующая между Богом и миром должна представлять собой некоторое смешение божественного и мирового, чтобы быть онтологически сродной и божественной, и тварной природе. Положение усугубляется тем, что в паламитском учении понятие энергии одновременно удерживает в себе и динамический, и статический аспекты, не решая проблему их согласования (энергии осмысляются как «мысле-воления» Божества). Паламизм не решает, а по-новому обыгрывает платоническую дилемму перехода идеального в не-идеальное, и во всей полноте сохраняет соответствующую проблематику платоновского учения, то есть все ту же неразрешимость апории трансцендентности.

В конечном итоге декларируемая божественная трансцендентность-имманентность, объясняемая непостижимостью чуда божественного всемогущества в сердцевине своей имеет фундаментальную проблему, и способна убедить в своей безупречности, возможно, конфессионально-ориентированных и воцерковленных людей, но не удовлетворяет научный философский подход к проблеме. Представление об имманентности Бога миру наравне с трансцендентностью на том основании, что он всемогущ и абсолютно свободен, представляется неверным и, более того, незрелым и крайне беспомощным именно с философской точки зрения.

Модели Мейстера Экхарта и Николая Кузанского, а также Шеллинга и последующих им – условно обозначим эту философскую ветвь, как «мистический пантеизм» – в конечном итоге опять-таки упираются в проблему трансцендентности-имманентности Бога и творения. Означенное Шеллингом единство-тождественность Бога и человека является с нашей точки зрения логически ошибочным: единство не равно тождеству, но лишь означает общность природ. А трансцендентность предстает как взаимное «несуществование» Бога и творения, в то время, как имманентность, в свою очередь – как единоприродная способность к взаимодействию. Как только рассуждение встает на этот путь, то, исключая логические уловки и смысловые подмены, оно необходимо упирается в стену все того же тупика: имманентность бога и творения неизбежно приводит или к материальности бога, или к существованию мира как отдельной от Бога части его божественности, тем самым обнуляющей божественную абсолютность и единственность.

Здесь стоит упомянуть Л. Карсавина, искавшего выход из тупика классической концепции Абсолюта в «динамическом отражении» Бога в ничто и обратно. В этом случае Ничто предстает как некое зеркало, находящееся в Ничто (то есть нигде не существующее), отражающее и возвращающее Бога в себя мгновенно и бесчисленно, а материальный мир – как «опоздавшее» вернуться в Бога отражение. Однако, и эта модель, при всей ее революционности, не способна ни объяснить превращение Ничто в нечто, то есть то, чего нет в нечто существующее, ни предложить «механизм» взаимодействия «не-сущего» бога с «не-сущим» для него материальным миром, являющимся абсолютным Ничто. К достоинствам карсавинской модели следует отнести его интуитивное озарение в отношении «отражения» Бога в зеркале «ничто», которое, впрочем, до логической определенности доведено автором не было.

3. Опыт построения непротиворечивой модели сосуществования бога как Абсолюта и порождаемых им миров, в том числе материальных, подобных наблюдаемой вселенной

После краткого обзора типовых проблем классических космологических концепций, авторы готовы предложить опыт построения новой модели соотношения Бога и мира, которая с нашей точки зрения свободна от нерешаемых веками затруднений.

Существенными положениями предлагаемой концепции являются следующие пункты:

1. Главным свойством «не-сущего» Сверхсущего Абсолюта-Первопринципа всего является порождение Себя Собою в свое Сверхбытие
2. Абсолют в Сверхбытии является божественным Разумом.
3. Главным свойством Сверхбытийствующего Бога-Разума, Его бытием и «занятием», не нарушающим Его Абсолютности, является осознание себя, созерцание себя, самопознание и самоименование.
4. Разуму присуща образность, словесность и памятность.
5. Бог, созерцая Себя, перебирает Свои Имена, смотрится в зеркала порожденных ими миров и видит в них Себя.
6. Идеи или монады порождаются в недрах Божественного Разума его Именами и призываются к осуществлению, которое проявляется в виде их образов.
7. Образ являет собой отражение Бога в зеркале идеи и возвращает Богу видение Себя в ее развитии.

Первые два пункта, по сути, повторяют модель Платона-Плотина: Абсолютное Единое Сверхсущее порождает себя в Сверхбытии, то есть Ум, из которого далее выстраивается Космос путем перехода от единого ко множеству: «Согласно учению неоплатоников, каждый новый уровень реальности является круговым движением, включающим в себя 3 момента: 1. Пребывание следствия в причине (μὴν). 2. Исхождение из нее (πρὸ οὐδός). 3. Возвращение к ней (ἐπιστροφή). В частности, в Уме пребыванию соответствует умопостигаемое бытие, исхождению — жизнь, а возвращению — ум (мыслящее)» [\[5, с. 662\]](#). Однако, как уже было замечено выше, по причине апории трансцендентности в отношении Единого Сверхсущего неоплатоническая схема не срабатывает: у Сверхсущего Абсолюта нет никаких причин проявлять себя в Бытии, выйдя из своего Сверх-небытия: «В предельно абстрактном виде апория трансцендентного начала раскрывается в 1-й гипотезе диалога Платона "Парменид". Здесь показано, что если рассматривать единое само по себе, независимо от всего, что с ним не совпадает, то относительно такого единого нужно будет отрицать любое бытийное определение. В таком случае придется сказать, что оно не существует, в т. ч. и как единое. Оно не является "ни тождественным себе или иному, ни отличным от себя или от иного". Это означает, что о нем нельзя сказать "единое есть единое", поскольку оно лишено всякой определенности и смысла, которые бы отличали его от других вещей и делали чем-то существующим наряду с ними. Оно также не отличается ни от чего, т. е. не допускает вне себя ничего иного. Будучи таковым и отрицая свое иное, единое не может быть началом. С другой стороны, последняя гипотеза "Парменида" показывает, что отрицание единого уничтожает саму возможность познания и существования вещей, ибо "если нет единого, то нет ничего"» [\[5, с. 660\]](#). Как именно происходит переход от первой гипотезы «Только Единое» ко второй «Единое есть», Платон и следующие за ним неоплатоники так

никогда и не раскрыли, а точнее – не сумели объяснить.

Между тем, по мнению авторов, божественное (Сверх)бытие (не путать с бытием мира) уже содержится в самом Едином Абсолюте, как возможность быть, и может быть выведено из него без привлечения дополнительных предикатов и умножения сущностей. Единое, будучи Абсолютным, обладает абсолютной свободой, которую, однако, даже использовать не может, так как не может мочь. Если бы было что-то еще, кроме самого Абсолюта, то Абсолют был бы и этим тоже наравне с собой, тем самым утратив свою абсолютность. Свобода эта, однако, состоит в том, что единственное иное Абсолюту – это лишь само ничто, ничего нет, полное отрицание Абсолюта, как такового, его исчезновение до настоящего небытия. Это первая гипотеза диалога «Парменид» в интерпретации Лосева «Выводы для одного (138c—157b) при абсолютном полагании одного (137c—142b)»: «1. Кратко: если (существует) только одно и больше ничего нет, то не существует и этого одного» [\[7, с. 500\]](#), то есть, единственная альтернатива Абсолюта, предоставленного самому себе, есть его чистое отрицание, гибель, исчезновение. Выбрать из двух возможных положений Себя Сверхсущему можно только через двойное отрицание (по сути, это применение гегелевского закона «отрицания отрицания» в отношении Единого Сверхсущего): иное иному будет само Единое, познавшее себя, отличное от собственного небытия, и ставшее быть. Только таким образом модель неоплатоников срабатывает для Сверхсущего: Пребывание сверхсущего Иного (абсолютного небытия Сверхсущего) в Абсолюте → Исхождение Сверхсущего в Иное (небытие), как проявление сверхсвободы параллельно находиться в Себе и в том единственном состоянии Иного Себе → Возвращение через отрицание собственного небытия к Себе, как Сущему, к своей «естности» из небытия – в Бытие.

Как было ранее показано авторами [\[8, с. 79-95\]](#), космология, основанная на паре (бытие-небытие) в отличие от платоно-плотиновской модели, кратко описанной выше, приводит к логичному образованию более низких онтологических уровней из более высоких без необходимости привлечения необъяснимого распространения Блага путем эмнации, переливания «преизбыточествующего» Блага через «край» высшего онтологического уровня в низший: небытие уже содержится в бытии всего подобно китайской монаде (Китайская монада. Символ, относящийся к Дао. Выглядит он достаточно просто. Это круг, который состоит из двух половинок в виде капель черного и белого цвета. В каждой из этих капель есть небольшие круги противоположного цвета: белый в черном, черный в белом. Этот символ — олицетворение постоянной борьбы, с одной стороны и гармонии, с другой стороны. Основной закон диалектики сформулирован в Древнем Китае еще в IV веке до н. э. Речь идет о законе единства и борьбы противоположностей), и сравнение себя с собственным небытием через «отрицание отрицания» низводит сущности в более «бытийный» уровень бытия, превращая Ум в Душу, Душу в Идеи, а Идеи в вещи без привлечения таких дополнительных сущностей, как «бескачественная материя» Платона, который как ее только ни называет: и пространство, и кормилица, и материя, темный и трудный вид, хώρα (в букв. пер. с греч. означает: 1) страна, земля, место, площадь, участок, область, край; 2) воображаемое место; 3) положение).

Не-сущий (или сверхсущий) Абсолют, Бог-Единство-Первопринцип, не сознающее себя (поскольку нет никакого «себя») Единое *всегда* порождает себя как бытийствующего для себя Бога: «И вообще все то, что уже достигло совершенства, — рождает; а то, что всегда совершенно, рождает *всегда*, причем рождает вечное, но худшее, нежели само оно» [\[9, с. 327\]](#) – который является наблюдателем себя-сущего: без наблюдателя Бог-Единое, не осознающее себя, *не существует* = Сверхсуществует (это напоминает

принцип Джорджа Беркли «существовать – значит быть воспринимаемым» из «Трактата о началах человеческого знания» [10]. Бог как Ничто и есть ничто. Если его существование не засвидетельствовано хотя бы им самим, то существование=несуществованию, бытие=небытию. Для бытия нужен самосвидетель по аналогии с декартовским «я мыслю, значит я существую». И этот сам собой порожденный бог, обнаружив и опознав себя как собственную сущность и свое существование, как отрицание собственного не-существования, исчезновения, осознав себя, являет себя себе в каждом из последовательных актов самопознания бесконечной чередой своих Имен. И Сверхсущий, и порожденный им в собственное бытие Сверхбытийствующий – все тот же Абсолют, Единство в состоянии постоянного непрерывного порождения само-осознания, бесконечного мгновенного циклического процесса порождения Себя из Сверхсущего и возвращения Себя к себе-Сверхсущему. «Согласно учению неоплатоников каждый новый уровень реальности является круговым движением, включающим в себя 3 момента: 1. Пребывание следствия в причине (μονή). 2. Исхождение из нее (πρῶτος). 3. Возвращение к ней (ἐπιστροφή)» [5, с. 660.] Далее этот процесс самопознания в самоограничении имен Божиих самопроизвольно развивается бесконечно: осознав себя в Имени, Сверхбытийствующий Бог-личность продолжает расширяться на безымянность бесконечного Сверхсущего Абсолюта, присваивая себе имена по мере расширения самосозерцания себя в зеркалах имен, как идей частного самопознания сперва Абсолюта, самоограничивающего себя в пределах своего Сверхбытия, а затем выходящего за собственные границы в себя неограниченного – и вновь познающего себя в новых границах-именах. Бог – это процесс, а не стасис, а миры – порождение системы зеркал, в которые смотрится Бог, осознавший себя в своих отражениях.

То есть, в недрах Бога наряду с породившей присущей ему словесностью идеей, порожденным Словом Бога, возникает ее изображение в виде образа идеи как Данности, которая, согласно определению авторов, является тем, что в богословии называется Промыслом, то есть Идеей, содержащей предельно детализированный план развития Вселенной на все времена ее существования [8, с. 79-95], развивающейся в рамках ее частной формы существования от начала до конца ее осуществления. После чего конечный образ развившейся идеи весь целиком от начала до конца обретает самостоятельное бытие в недрах *памяти* Бога, как сбывшееся Слово, развившееся до полного Образа Божия, как Его отражения в осуществленной идее. И таким образом осуществленные идеи обретают собственное самостоятельное бытие в Боге, в Его Сознании, как часть и отражение его самого в бесчисленных зеркалах осуществленных Словес Божиих – и по сути, сами становятся богами своих миров, навечно запечатленных и автономно существующих в памяти Бога.

Идея, заключенная в Слове, содержит внутри себя полноту своего космоса, разворачивающегося в пределах присущих ему форм существования – к примеру, в пространственно-временном континууме наблюдаемой вселенной.

Если применить аналогию с человеческим сознанием – что, как мы указывали выше, является не только неизбежным, но и единственно возможным для человеческого разума путем интуитивно-ассоциативного порождения новых идей – то сперва слово вызывает зрительный образ, с ним связанный, который возникает в сознании, как на некоем экране перед мысленным взором – но этот экран не существует в реальности нигде. Однако, видимый в воображении «внутренним зрением» образ может быть зафиксирован в памяти и существовать в виде записи, которая может быть в любой момент возвращена в сознание в виде образа-воспоминания. Данная аналогия с

работой человеческого мышления и памяти встречается и в классическом христианском богословии. Это и августиновская корреляция между Ипостасями Троицы и человеческой психикой с ее триадой «ум – воля – память», и догматическое учение церкви о предвечных замыслах Бога о мире в целом и каждой вещи в частности, через созерцание которых Творец от века знает суть всего происходящего в мире еще до реализации событий «для нас», т.е. знает все творение с его «изнаночной» стороны, которая во всей полноте не доступна для человеческого познания. Однако стандартная модель понимания вечных идей «возле Бога» имеет проблемные аспекты, которые в целом соответствуют уже указанной выше фундаментальной проблематике платонизма.

Таким образом, любое мимолетное бытийное видение развития божественной идеи, не существуя само по себе как реальное бытие, но лишь как отражение Бога в развившейся из Слова идеи, записывается в недрах памяти божественного сознания и обретает в нем свое подлинное бытие в Вечности, которое и есть пребывание в Царстве Отца, и обещанная Иисусом Вечная Жизнь в Боге, Который, породив Образ, запомнил и уже не забудет его. Здесь нужно вспомнить характерный для библейского повествования образ книги, в которой зафиксированы смыслы и судьбы всего сущего [\[11\]](#). Проблемой стандартной модели «божественной памяти» является отсутствие должного согласования статичного и динамичного моментов в ее «функционировании». Источником затруднения является приоритет статичного описания Абсолюта в традиционной догматике и философии при игнорировании возможностей процессуальной интерпретации божественной жизни. Это затруднение в нашей концепции снимается описанной выше процессностью божества: будучи изначально бесконечен, Бог бесконечно познает себя в процессе самопознания Абсолюта.

То есть, и безжизненный Абсолют-Первопринцип, и сам процессный Бог-личность, порожденный самопознанием Абсолюта, и его Слово, и порожденная им Данность, и ее осуществление, и ее образ, отраженный в Вечность, и материальный Космос, как отражение вечной Данности в бытие уже нашего привременного мира существуют в недрах Божества, не вступая в бытийные противоречия друг с другом, но сосуществуя в Боге, как различные стороны одной и той же божественной сущности, различные стороны и проявления единого бытия Божия – и таким естественным образом снимается проблема трансцендентности-имманентности Бога и материи. Подчеркнем, что материя существует лишь как образ, развивающийся внутри идеи, порожденной Словом, и не существует в каком-то «месте», отдельном и отделенном от Бога, материальный образ лишь показывается Богу в Его собственном «воображении», как отражение Его в зеркале порожденной Его Словом идеи. Никакой материи и миров вне Бога не существует, все они есть Сам Бог, и находятся в Боге. Стоит заметить, что в современной физике не сохранилось ни одного из классических философских определений материи. В то же время стоит обратить внимание на высказывание одного из исследователей о том, что «в современной науке из всех версий античного атомизма именно математический атомизм Платона вызывает наибольший интерес как повод для плодотворных сопоставлений» [\[12, с. 200\]](#). Платонизм сближается с современным научным знанием в несубстанциальной (несубстратной) интерпретации материи. Известно, что к началу XX столетия понятие материи как носителя массы, отличного от силы и энергии, с одной стороны, от пространства и времени, с другой, начало расшатываться. Теория относительности Эйнштейна поставила массу в окончательную зависимость от скорости, что открывает перспективы соотнесения современной научной космологии с историей космологического осмысления понятия «движения» («вечность – бесконечно быстрое движение» и т. д.) в рамках несубстанциальной интерпретации материи. А открытие поля

Хиггса упразднило представление о массе как фундаментальном свойстве материи.

Подчеркнем также, что Бог, пребывающий в благодати и созерцании, его Слово, им порожденное из созерцания себя и Дух, развивающий своим действием Слово-идею в образ-отражение Бога, созерцающего в этом отражении опять же одного себя, являются одним и тем же богом и существуют вместе, воедино, как единое целое.

4. Категория созерцания в истории богословия

В этом контексте необходимо затронуть вопрос об аналогах концепции созерцающего Бога в истории богословия и философии, учитывая, что феномен созерцания является ключевым понятием в предлагаемой нами богословско-философской концепции. Понятие «созерцание» в философии и в обычной жизни может обозначать либо чувственное наблюдение, либо непосредственное интуитивное схватывание сверхчувственных объектов. Созерцание как стремление к мудрости издревле считалось отличительной чертой философа. Впоследствии под влиянием платонической традиции возникло понимание созерцания как такого постижения сущности вещей, которое осуществляется напрямую без опоры на чувственное восприятие и дискурсивность мышления. В контексте критики метафизики философия XX в. вывела феномен созерцания на периферию своих разработок и теперь по большей части он представляет для современных ученых лишь историко-философский интерес.

В диалоге «Федр» мы читаем следующие строки: *«Мысль бога питается умом и чистым знанием, как и мысль всякой души, которая стремится воспринять надлежащее, узрев подлинное бытие, хотя бы и ненадолго, ценит его, питается созерцанием истины и блаженствует, пока небесный свод не перенесет ее по кругу опять на то же место. При этом кругообороте она созерцает самую справедливость, созерцает рассудительность, созерцает знание...»* [247d].

Важную роль феномен созерцания имеет в теологии Аристотеля: «Бог Аристотеля — как бы идеальный, величайший и совершеннейший философ, созерцающий свое познание и свое мышление чистый теоретик. Его стихия — умозрение» [13, с. 26]. Стагирит говорил, что Бог есть «ум», который «мыслит сам себя, если только он превосходнейшее и мышление его есть мышление о мышлении» [14, с. 316]. Созерцая себя, Бог осуществляет высшую (дианоэтическую) добродетель. Соответственно, созерцание Бога для человека также является высшей добродетелью. Однако отличительной чертой аристотелевского нематериального Бога-Перводвигателя является его личностная безучастность к судьбам конечных вещей и людей, отделенность от подлунного мира. Он «занят» всецело собой, осуществляя в самосозерцании начало кругового движения, которое, в свою очередь, движет мир по кругу, который естественным образом в этом акте уподобляется ему. Бог у Аристотеля предстает логиком, обожествленным философом. Такой Бог не мыслит природу «участливо». Бог здесь принципиально *замкнут на себе*, «автоматически» своей божественной жизнью запуская процесс реализации вечного космоса.

У Плотина в трактате, который называется «О природе, созерцании и едином», мы встречаем утверждение о том, что *«все вещи произошли из созерцания и что созерцание - главная и конечная цель их бытия, причем речь здесь идет не только о тех, кто видимо наделен разумом, но и о тех, в ком он не проявлен, ибо оформляющие логосы действуют и в последних, низайших вещах этого мира, каждая из которых в меру своих возможностей - возможностей ли истинной сущности, или возможностей подражательного образа - стремится к этой цели»* [9, с. 95].

Понятие созерцания в неоплатонизме обретает не только гносеологический, но также и онтологический смысл. М. В. Лахонин так комментирует этот момент: «Природа в пределах своей субстанции у Плотина обладает душой и жизнью, которые, в свою очередь, являются *продуктом* ее *самосозерцания*. Ей также присуще и то, что в позднейшей европейской философии называется *самосознанием*, которое распространяется и на принадлежащие ей вещи в той мере, в какой они способны к восприятию... Созерцание, присущее природе, обладает способностью природного интуитивного сосредоточения и производит объекты собственного созерцания – в парадигмальном платоновском смысле – отношения идей и вещей» [\[15, с. 44\]](#).

Примечательно, что древнегреческое слово «θεωρῶν» – «смотрение, наблюдение», «θεῖον» – «театр» и «θεός» – «Бог» – однокоренные, что весьма согласуется с представленной нами концепцией, как и тот факт, что греческое слово «идея» и русское слово «видеть» с точки зрения этимологии тоже однокоренные (в древнегреческом начальная «в» со временем редуцировалась). Однако была еще одна версия: в частности, Платон считал, что греческое слово «Бог» («феос») происходит от глагола «theein», означающего «бежать»: ««Первые из людей, населявших Элладу, почитали только тех богов, которых и теперь еще почитают многие варвары: солнце, луну, землю, звезды, небо. А поскольку они видели, что все это всегда бежит, совершая круговорот, то от этой-то природы бега им и дали имя богов» [Кратил 397b]. Эта этимология в случае своей истинности совпадает с процессуальным пониманием Бога в нашей концепции. Иоанн Дамаскин предлагал возводить слово theos к глаголу theomai – «созерцать»: «Ибо от Него нельзя что-либо утаить, Он всевидец. Он *созерцал* все прежде, чем оно получило бытие...» [\[16, с. 45\]](#).

Здесь также будет уместным напомнить, что в поиске аналогов понятиям «сознание» или «самосознание» в классической философии до Нового времени необходимо учитывать исторические ограничения в интерпретации этих концептов философами разных эпох. Так, для Плотина в Едином нет ни сознания, ни самопознания, ни мысли. Единое – просто самость, равная себе [\[17, с. 160\]](#). Более того, человеческое «я» и самосознание для Плотина «есть продукт деятельности воображения – далеко не самой высшей, да и не исключительно человеческой способности» [\[17, с. 159\]](#).

Сопоставляя представленные выше концепции созерцания в контексте раскрытия божественной жизни, можно увидеть отличия представленной нами схемы от историко-философских аналогов.

5. Общая характеристика предлагаемой теологическо-космологической модели

Итак, обобщим основные моменты предложенной нами концепции:

1. Бог есть Абсолют, пребывающий в созерцании Себя в процессе самопознания; перебирая свои Имена-Слова, Бог пробуждает к жизни заключенные в них идеи или монады, развитие которых порождает миры, отражающие в себе Бога.
2. Миробытие пребывает «внутри» Бога (а не вне его, как это принято во многих философских системах) в виде картины развития миров в «воображении» Бога. Сами миры являются своего рода зеркалами, в которых Бог видит Себя. Эти его отражения обретают самостоятельную вечную жизнь в вечной «памяти» бога, которая и является единственно существующим Царством Небесным опять-таки «внутри» Бога, а не «вне» Его: никакого «вне», и ничего кроме Бога не существует, и Бог не нуждается в чем-либо вне себя, включая и предложенное в философских системах нечто, обозначенное как

абсолютное Ничто. Космологическое Ничто, превращенное в онтологическое нечто «вне» Бога напоминает логическую подмену, свидетельствующую о фундаментальных проблемах тех систем, которые используют этот логический подход.

3. Созерцание само по себе не ставит никаких целей, оно не является осуществлением неосуществленных желаний или выражением восполнения божественной неполноты – всех аспектов нарушения божественного Абсолюта в развитых в прошлом моделях. Таким образом снимается проблема *цели* творения.

4. Утверждается абсолютная метафизическая первичность Духа.

5. Развивается непротиворечивая концепция бытия мира как отражения Бога в нем самом, и Спасения, как вечного пребывания зрелой личности в памяти бога, который ничего не забывает – эта память бога, собственно, и есть Царствие Небесное.

6. Решается проблема трансцендентности-имманентности: все происходит в самом Боге и никакое «вне его» вообще не существует; при этом развитие миров в «воображении» Бога и пребывание в божьей памяти-вечности, будучи одноприродны по принадлежности к Богу, являются двумя сторонами единого пребывания в Боге.

7. Дается непротиворечивое объяснение как смысла, так и «механизма» воплощения идей в материальные объекты, миры и вселенные.

8. Открывается возможность согласования религиозно-философских воззрений в рамках предлагаемой модели с современными научными воззрениями и данными науки, а также с современными философскими системами постмодернизма, начиная с коцепции Бергсона и заканчивая процесс-теизмом Хартсхорна.

9. Развивается система оригинальных религиозно-философских взглядов на эволюционный процесс порождения Разума, существование души, волю Бога, Божий Промысел, свободу воли человека, проблему добра и зла, теодицею как оправдание Бога за несовершенство мироустройства и проч.

10. Вскрывается проблематика устаревших богословских и религиозно-философских концепций в рамках библейской и гностическо-пантеистической парадигм.

6. Выводы

6.1 Космологические выводы

6.1.1. Божественные идеи и способ их реализации в мире

Идеи Бога являются сверхживыми и сверхразумными сущностями, по сути – богами для своих внутренних миров. Надо понимать, что миры развиваются в сверхразумах идей аналогично тому, что сами Идеи являются результатом развития процесса самопознания Абсолюта в Сверхбытийствующем Боге-личности. Идеи могут составлять естественные симбиозы соподчинения, то есть своего рода иерархию: действуя внутри более «старшей» идеи, более младшая создает свой мир внутри мира старшей. Такая иерархия, в отличие от всех предложенных иерархий богословия и гностических системах, во-первых, не является системой безоговорочного подчинения младших старшим, а, во-вторых, не приводит к «оскудению» божественности вплоть до несовершенного Демиурга, создателя «падшего» мира – или дьявола, служебной силы, предавшего и отвергнувшего Творца. Сосуществование идей в иерархии более похоже на симбиоз, в котором боги сотрудничают, творя каждый в своей области общего Промысла.

В то же время, монады, будучи самостоятельными божествами в пределах творимых ими миров, могут порождать свои идеи внутри своих миров. К примеру, в наблюдаемой вселенной может действовать идея возникновения жизни, внутри которой также действует идея возникновения Разума у живых существ путем эволюции. Дело может доходить до опеки младших богов над конкретными разумными существами, каковыми, к примеру, в богословии являются ангелы-хранители. И так, по ступеням иерархии миров, вплоть до порождения Разума, который будет способен в обратных отражениях возвыситься до рождения свыше и сам стать богом и сыном Божиим. При этом, в наблюдаемом нами земном мире рождение свыше через крещение Духом облегчено тем, кто следует за первым из сынов Божиих Иисусом, в то время как остальные человеческие разумы должны самостоятельно пройти путь рождения свыше от Духа не по вере в богосыновство Иисуса, но по делам своим, представленным на Суд Бога, по которым Бог или запомнит их в вечную жизнь или забудет, стерев из бытия в небытие. Перспективным является сопоставление предлагаемой концепции с метафизикой Т. де Шардена: «В основе его богословской концепции лежит представление об имманентности Бога, стоящего в начале всего творения и управляющего миром через эволюцию. По своим воззрениям де Шарден был близок к монистическому панентеизму. Он верил, что духовное начало пронизывает все творение, является источником его целостности и присутствует уже в молекулах и атомах. Он также считал, что эволюционный процесс регулируется «законом усложнения», согласно которому неорганическая материя, руководимая Духом, достигает все более сложных форм, в результате чего становится органической материей. Вслед за её появлением приходят и обладающие сознанием формы жизни. Вершиной сознательной формы жизни в природе, согласно де Шардену, является человек. Он отличается от всех прочих существ способностью осознавать себя, свой мыслительный процесс: не просто знать, но знать, что он знает. Де Шарден называл это "знанием в квадрате"» [\[18\]](#).

Реализацию идей можно мыслить следующим образом, исходя из аналогии с привычными для современного человека представлениями о работе компьютера. Исходный код программы выводит на монитор картинку виртуальной реальности, задуманной программистом, и воплощенной в виде последовательности написанных команд, состоящих из чередования одних только нулей и единиц. Или, для большей наглядности, пример показа через кинопроектор: «кинолента» Промысла Божия Духом проецирует реальность на «экран» материального мира, а Бог – единственный зритель в этом кинотеатре. При этом «экраном» или «монитором» в данном случае является «воображение» Бога, по аналогии с образностью воображения человека, образы которого не существуют в реальности нигде, но живут и видятся человеком «внутренним зрением».

Заметим, что для актеров, действующих «на экране», все происходящее имеет все признаки и свойства материальной реальности – аналогично тому, что в развивающемся кинофильме его экранные герои едят настоящую на вид пищу, натыкаются при движениях на твердые предметы обстановки и умирают от попадания несуществующих пуль. Так что участники развивающегося образа идеи чувствуют себя реально пребывающими в полноценном материальном мире, в то время как для созерцающего бога они всего лишь игра цветного света и тени в его собственном воображении по крайней мере до тех пор, пока они не добьются собственного места своей личности в Вечности, в обещанном Иисусом Царстве Отца, через Рождение Свыше сойдя с экрана в реальность божественного бытия и личного пребывания в Боге.

Итак, Промысел Божий о мире, содержащемся и развивающемся в порожденной Словом

идее, «записывается» Словом в Духе, являющемся исполнителем отражения бога в зеркале образа, которым является мир, порожденный Словом. Из видимого мира духовная «подложка» «исходного кода» не видна, как не видна программа на экране монитора, но без него мир не существует, и исчезает бесследно, как изображение на экране при выключении электричества. «Отнимешь Дух их и исчезнут, и в персть свою возвратятся (Пс. 103: 29)».

Однако, если допустить, что у Бога «все ходы записаны» в Промысле, то каждый камушек, отполированный за века течением воды, каждый мотылек-однодневка или червячок, копавшийся в земле, пока не растворится в ней – не исчезают бесследно, но вносят свой живой неповторимый крошечный оттенок во всесовершенную божественную благодать, отражаясь из привременного мира в Вечность всей цельностью своего прошедшего скоротечного бытия, и продолжают в Ней свое полноценное существование. И тогда становится понятен сам Замысел сотворения мира, который является ничем иным, как самопознанием Бога через отражение в «зеркалах» бытования всего от песчинки до Великого Атрактора, глядясь в которые, Бог видит в них Себя – ничто из временно существовавшего в мире не исчезает бесследно, но переходит в Вечность, находя свое место в бессмертном Бытии Божием. И тогда для всего Творения сбывается обещание Иисуса: «Царствие Божие внутри вас и вне вас» (Фома, 2) - везде и навсегда, потому что у Бога нет смерти и небытия, но одно лишь всецелое Бытие.

6.1.2 Вопрос теодицеи

Заметим также, что в этой модели отпадает необходимость теодицеи, то есть оправдания Бога за сотворенное или допущенное (попущенное) им Зло в виде тления и смерти, присущих природе мира сего. Мир задуман именно таким, каков он есть не по причине личного несовершенства, вменяемого Демиургу в гностических системах, но по необходимости наличия динамики развития, отсутствие внешних факторов которой привело бы систему к стасису, когда развитие и эволюция оказались бы невозможны в условиях постоянного и предсказуемого бытийного блага. Иначе говоря, катастрофичность мира является необходимым условием его развития и эволюции Разума в нем: счастье и благоденствие порождают сон Разума, а он, в свою очередь, порождает чудовищ небытия. Говоря образно, миру, чтобы добраться до вершин Разума, нужно к этим вершинам стремиться – иначе не получится. В мире всеобщего благоденствия и счастья, каким рисуют пасторальный рай, человек Богоподобный, пожалуй, быстро заскучает да и сбежит из него хотя бы в ад, где хоть что-то происходит.

Катастрофичность, конфликтность и энтропийность мира являются необходимым условием развития, а смерть, как это ни печально – залогом эволюции видов. Конфликт между объективной необходимостью конечности всего живого, как средства эволюции, и субъективным восприятием ее со стороны всего живого, как вселенского Зла и несовершенства мира является неразрешимым, и влечет за собой обвинения Бога, сотворившего боль, страдание и смерть в немилосердии и жестокости с одной стороны, и неуклюжие попытки теодицеи – с другой. Но и предложить внятную модель идеального мира ни одна из сторон не может, кроме уже упомянутого «рая сладости», где праведные божи и избранные с лирами в руках поют Богу осанну вечно.

И вот еще что необходимо подчеркнуть: именно неодолимые бедствия, самостоятельно преодолеть которые человек не в состоянии, заставляют человека искать Бога и обращаться к Нему за помощью, то есть являются причиной возникновения таких важных свойств Разума, как Богоискательство и Богообщение – в мире всеобщего счастья Бог человеку не нужен. А Разум в тепличных условиях не растет.

6.1.3 Осмысление божественного Промысла

С точки зрения предлагаемой модели Промысел или Данность является достоянием Слова-идеи в смысле всеведения о всех возможных путях и способах ее развития – все это целиком и полностью уже заключено в Слове бога о созерцаемой им идее в свернутом виде, и разворачивается в образ по мере ее развития. Как писал Николай Кузанский, «в едином Боге свернуто все, поскольку все в Нем; и Он разворачивает все, поскольку Он во всем» [\[19, с. 104\]](#). Если представлять себе Данность как бога своего мира, то Слово-идея, ее порождающая, является аналогом Сверхсущего Абсолюта, порождающего Бога-личность через акт самоосознания, а сама Данность – аналогом порожденного Абсолютом Свехбытийствующего Бога-личности на своем онтологическом уровне. И процесс самопознания Слова-идеи в Данности через ее снисхождение в бытие должен быть аналогичен самопознанию Сверхсущего в Свехбытии Бога-личности.

В отношении частного случая наблюдаемой вселенной Промысел Божий (Данность) представляется проявлением себя в мире материи в главном законе бытия, законе причинно-следственных связей. Любое произошедшее событие влечет за собой последующие во времени события, как его следствия. У каждой причины имеется лишь одно следствие – и таким образом выстраивается непрерывная цепь событий, вытекающих одно из другого и составляющих древо истории, невероятно сложную ветвящуюся во времени сеть переплетений отдельных событийных историй, у каждой из которых есть начальное событие, повлекшее его развитие в происходящее здесь и сейчас. Промысел Божий есть Божественное Всеведение на все времена обо всем, что произошло и произойдет. А так называемая свобода выбора есть лишь иллюзия, обусловленная теми упрощениями действительности в виде неучета многих факторов, воздействующих на выбор за пределами сознания. Как написал известный физик Хокинг «да, все предопределено, но можно считать, что и нет, так как мы не знаем, что же именно предопределено» [\[20, с 55\]](#).

Главным в осуществлении Промысла, записанного в Духе Словом, является автономность развития миров без прямого вмешательства Бога: Бог в события миров не вмешивается, предоставив им развиваться в соответствии с их Промыслами – это относится к любым мирам, среди которых наблюдаемая вселенная является частным случаем миров, управляемых законом причинно-следственных связей, действующем в пространственно-временной протяженности наблюдаемой вселенной.

Возвращаясь к применимости рассматриваемой модели по отношению к нашей наблюдаемой вселенной, укажем на развитие такого понятия как свобода воли, постулируемого в церковной догматике. Кажущаяся возможность осуществления выборов при полной детерминированности Промысла обуславливает иллюзию свободы в принятии «свободных» решений живыми существами, и в конечном итоге – свободы воли человека, которая в этом случае естественным образом вытекает из недостаточной осведомленности сознания о настоящей причинности совершаемых сознанием «выборов», а не постулируется церковно-догматически, как особая милость, предоставляемая богом человеку и человечеству по божьему хотению, по воле божией.

Вообще, воля божия, как уже отмечалось выше, в смысле божьего хотения чего бы то ни было существовать не может, у бога-абсолюта не может быть желаний и, следовательно, воли к их исполнению – этим, в частности, также объясняется невмешательство бога в дела миров, существующих автономно в рамках жесткого детерминизма заданных в отношении них Промыслов. Таким образом, наличие свободы воли в осуществлении свободного выбора между имеющимися возможностями, предоставляемыми

обстоятельствами, как варианты действований, является, как уже указано выше, иллюзией недостатка информированности субъекта о причинах, обуславливающих «свободный выбор», а также существенным признаком несовершенства субъектов, этот выбор осуществляющих: у совершенного бога воля как проявление желания отсутствует, а у несовершенных существ проявляется в совершаемых выборах, обусловленных тем недостатком совершенства, который вызывает желание его восполнения: желание приобретения недостающего определяет конечный выбор из возможных вариантов действия.

Можно, однако, предположить, что существуют и имеются случаи непосредственного вмешательства бога в дела мира, опознаваемого, как Чудо Божие и проявление той самой Воли Божией, в существовании которой нами богу уже было отказано в рассуждениях, приведенных выше. Рассмотрение такого предположения представляется возможным для нас, во-первых лишь в пределах наблюдаемой вселенной, единственного известного нам мира; а во-вторых необходимо предварительно определить категории разума и души, и их отношения друг с другом.

Если трактовать Промысел, как запись в Духе обо всем на все времена от начала и до конца мира, как развития Слова-идеи, то в этом смысле «душа» есть не только у людей и животных, но вообще у всего сущего от вселенной до песчинки: «исходный код» Промысла вызывает Духом любой объект на «экран» бытия и держит его там «на виду» созерцающего бога до исчерпания «программы» его существования. То есть все в видимом мире является отражением духа в материи. Этот духовный прообраз материального воплощения можно условно назвать сущностью, или сутью вещей, присутствующих в мире материи. Возможно, именно это имел ввиду Иисус, выразившись образно в Евангелии от Фомы: «81. Иисус сказал: Я - свет, который на всех. Я - всё: всё вышло из меня и всё вернулось ко мне. Разруби дерево, я - там; подними камень, и ты найдешь меня там». Именно «записанность» образа или сущности в материи создает возможность взаимодействия Духа Божия с материальным миром, материя которого как бы привязана к Духу, не сливаясь и не соединяясь с ним воедино, и никак непосредственно не взаимодействуя.

6.2 Антропологические выводы

6.2.1 Феномен человека

Следующий вопрос – о человеке: где же его бессмертная душа, которой Иисусом уготовано Царствие Небесное, недостижимость которого нами только что постулирована?

Как мы установили выше, мир самодостаточен в своем развитии и автономном существовании, и вмешательство Бога в него в виде ручного управления является излишним. А это значит, что вопреки библейским мифам, сами люди не были сотворены Богом лично и персонально, но явились, как и говорит нам наука, плодом и результатом эволюции. Если исходить из теории естественной эволюции от образования вселенной вплоть до возникновения жизни и в итоге – разума, то, возможно, что он и является целью Промысла: мир должен породить богоподобный разум, который впоследствии, будучи отражен во вселенский Разум Бога, сам превращается в Его Идею, и становится самостоятельным актором, способным творить свои миры, то есть – богом своих миров. Напомним, что внутренний мир человека является порождением его разума – и в этом строительстве собственного внутреннего мира, отражающего внешний, и в этом смысле вмещающий его целиком вместе с Богом, проявляется богоподобие человеческого разума.

6.2.2 Изменение подхода к человеческой рациональности

Если отказаться от примитивной библейской парадигмы «сотворения мира», и принять сторону эволюционной теории, то придется признать, что никакой души в человеке нет – а есть самообучающийся разум, начинающий овладение познанием мира с себя самого, с нуля, что мы и видим в поведении родившегося младенца, отличающегося от родившихся животных разве что большей, чем у них, беспомощностью.

Итак, допустим, что души нет. Но зато есть Разум, ищущий Бога. И вот с этого момента начинается вмешательство Бога в самодостаточный автономный мир в ответ на запрос, поступивший от человека, Бога взыскавшего в вере и молитве – пришло время пожать плод с древа вселенной, ради этого плода насажденной в незапамятные времена, ибо плод этот созрел: Разум готов принять Бога в себя, и сам стать Богом. Бог наконец-то являет себя человеку по его просьбе, выраженной в Богоискательстве: ищите – и обрящете.

Для уточнения: душа, как исходный код объекта материального мира, которым является в том числе и ребенок, как запись Промысла о его существовании, в Духе имеется, как и у всего сущего. А вот души в смысле личности у рожденного ребенка нет и нескоро еще будет.

И вот тут дело доходит до сокровища небесного, которое предлагает собирать и хранить Иисус в противоположность земному богатству и благополучию. Только Разум человека является настоящимместищем его богатств, как и вообще всей окружающей его вселенной – отражение внешнего мира в разуме человека создает его внутренний мир, вмещающий внешний, включая в себя и Бога как объект Богопознания. Именно Разум, являясь конечной целью Промысла Божия, достоин Божественного достоинства, и находит путь обратного отражения в Духе Божиим, обретая тем самым самостоятельное бытие в качестве бестелесного Духа, Богообразного и Богоподобного. Но сокровище земное, страстным и порочным желанием накопленное в разуме человека, не отпустит его и накрепко привязав собой к миру материи, со смертью сгинет вместе с его личностью и разумом, не запечатленными в мире материи ничем кроме нейронных связей распавшегося мозга.

То есть отраженный в материю дух новорожденного человека, объекта промысленной о нем души как записи исходного кода Духа должен развиваться до Разума, взыскавшего Бога. Что вызывает Божественный Ответ в виде «рождения Свыше», или Крещения Духом, то есть обратного отражения и запечатления в Духе взыскующей Бога личности человека, как самостоятельной бессмертной духовной сущности. Той самой бессмертной души, которая отнюдь не дается при рождении, и никак не привязана к смертному телу, вообще не присутствуя в мире материи, но является результатом духовного развития разумной личности до состояния Богопознания в Вере и Любви – именно через обратное отражение в Духе разума человека, пока что существующего лишь в виде материальных нейронных связей его мозга, совершается переход личности человека из материального зазеркалья в мир Божественной Реальности. Из экранного существования в исходный код Духа Божия: герои экрана сходят с него в реальный мир бытия Бога. Из этого в тот мир, переход в который для материи закрыт и невозможен по определению. И потому лишь взыскавший Царствия Небесного Разум попадет в Него, став его обитателем, бестелесным духом, сохранившим свою саморазвившуюся личность человека богоподобного во всей ее богообразной полноте.

Разум, в его определениях, данных в разные времена великими мыслителями, сочетает в

себе среди прочего, важные для нашего рассмотрения свойства: самосознание, личностность как отделение «себя» от прочего мира, эгоцентричность, как свойство поставлять себя центром мира и бытия, словесность или вербальность, словотворение как способ познания, то есть способность называть и определять через словесность предметы и явления, и наконец – важнейшее – Богоискательство и Богопознание.

Однако, следует признать, что уж коль скоро держаться в рамках эволюционной теории, то предполагать Богоискательство и Богообщение, как извне «встроенные» присущие свойства Разума было бы некорректно, и надлежит и их выводить из эволюции как ее следствие, не предполагая какого-то прямого или косвенного вмешательства Бога в ее процессы.

На самом деле, именно в сакрализации предметов и явлений проявляются первые проблески Разума, и свойственный ему новый тип мышления, условно называемый «научным»: человек разумный пытается нащупать причинно-следственные связи явлений и способы воздействия на причины таким образом, чтобы отвести от себя негативные последствия действий этих причин. И как же это делает неокрепший разум древних дикарей?

По аналогии, с помощью расширения области применения привычных ассоциаций.

Что видит примитивный человек? То же, что и современный: побеждает тот, кто сильнее. И что нужно, чтобы избежать плачевной участи расстаться с жизнью и пойти на прокорм соплеменникам или другим племенам? Сражаться. А если слаб? Принести дары и молить о помиловании.

Именно второе переносится на грозные явления природы, которым человек противостоять не в силах: свои страхи разум персонифицирует ради возможности избежать плачевных последствий, превратив непознанные объективные причины грозных последствий в сущности по образу и подобию своему. И тогда единственной надеждой становится воображаемый всемогущий бог, с которым необходимо вступить в общение для получения этой помощи.

А дальше вступает другой тип мышления, магический и религиозный – когда под свои религиозные фантазии, под разработанную систему понимания причинно-следственных связей (ошибочную) человек начинает теперь уже подгонять факты, принимая лишь те, которые соответствуют созданной им теории, и отбрасывая, игнорируя все то, что в схему не укладывается.

Таким образом, идея бога поселяется в сознании человека совершенно естественно, именно эволюционным путем, развиваясь от примитивных форм магического сознания к более сложным и совершенным через единство и борьбу противоположностей научного и религиозного типов мышления – пока не достигнет стадии обращения к осознанному единому всемирному божеству, находящемуся за пределами мира, им созданного и подчиняющегося ему через законы бытия посредством причинно-следственной связности.

6.2.3 Характеристика воли Бога в соотношении со свободой личности

Если бог абсолютен, то он ничего не хочет, находясь и так в абсолютной благодати, и самоудовлетворенности от самого себя, и его воля, если даже допустить ее существование, никак себя не проявляет и проявить не может, доколе «благ Господь», из абсолютности которого вывести его ничто не может, и это «ничто» есть то, чего нет и

быть не может. Тем не менее, ввиду той же абсолютности, воля бога как идея проявления им его возможности действовать для осуществления желаний, должна быть нами допущена и учтена в рамках предлагаемой нами модели – иначе сама полнота бога оказалась бы неполной.

Воля бога, заявленная в христианской догматике, не может быть принята в рассматриваемой модели: божественная воля постулируется как действие Бога во исполнение *своих* желаний и выглядит крайне антропоморфно. Ввиду постулируемого нами отсутствия у Бога-Абсолюта желаний-потребностей, его воля в этом смысле в рамках предложенной модели не должна и не может существовать. То, что относится к действию Духа, определяется не желаниями и волевыми усилиями Бога, но является естественным развитием божественного *созерцания*, не требующим ни желания, ни его «усильного» осуществления. В данном контексте вспоминается буддийская концепция, согласно которой акт понимания – не кармичен, то есть не является действием в стандартном значении этого слова, связанным с нуждой или «усильностью».

Отметим особо, и подчеркнем еще раз, что в рамках эволюции мира, как было нами показано выше, обосновывается идея иллюзии «свободы воли» человека не как предоставленной человеку особым актом божественного волеизъявления, но органично вытекающей из самого эволюционного процесса, что делает ее частью самой природы человека, а не чем-то насажденным в человека извне. То есть свобода воли присуща человеку по его, как было уже показано выше, несовершенной и не самодостаточной природе, и возникает опять-таки в результате эволюционного развития Разума, как присущее самой природе человека свойство личности. Что опять-таки подтверждает отсутствие необходимости непосредственного вмешательства Бога в процесс эволюционного возникновения и развития Разума, как явления вселенского масштаба.

6.3 Сотериологические и этические выводы

6.3.1 Богообщение, божественное откровение и спасение

Итак, в процессе своего эволюционного развития Разум неизбежно приходит к идее Богоискательства, а затем и Богообщения. Поскольку обнаружить Бога объективными научными методами оказывается совершенно невозможно, на первый план Богоискательства выходит личный опыт, который по своей природе является субъективным и принципиально недоказуемым. Найдя Бога в своем собственном разуме, человек в нем же к найденному им Богу и обращается за искомой помощью с просьбой, мольбой, молитвой. Однако, важно, чтобы тебе отвечали. Такого ответа человек ищет и ждет от Бога, к которому обратился – и, если и получает его, то в первую очередь в виде получения просимого: например, молился о выздоровлении от болезни – и вдруг внезапно выздоровел как ни в чем не бывало, чудо. При этом отличить обыкновенную религиозную предвзятость, упомянутую выше в бессознательном отборе одних только подходящих под ожидания событий от реального вмешательства Бога в систему жизненных причинно-следственных связей с целью ее изменения по просьбе человека оказывается чрезвычайно сложно, если вообще возможно даже на субъективном уровне опыта личности.

Однако, если Бог есть и именно Он создал этот мир с целью эволюционного возникновения в нем Разума, то, несомненно, Он рано или поздно вступит с этим Разумом в личное общение. То есть, станет отвечать человеку на его молитвенные обращения к Нему. Когда и на каком именно этапе развития религиозного мышления

начинается этот контакт, сказать столь же трудно, как и вообще, как уже сказано выше, установить, насколько реальным этот контакт является в отличие от фантомов разыгравшегося болезненного воображения. Тем не менее, можно предположить, что Богом ответные попытки контакта с разумом человека начинаются даже на ранних стадиях магического мышления дикарей. Заметим, что затруднения в субъективном характере Богообщения обусловлены предоставленной Богом иллюзией свободы воли человека, которая в свою очередь вытекает из принципиального преднамеренного невмешательства Бога в эволюционный процесс развития мира и Разума в нем. То есть, Бог не станет открывать Себя ни человечеству, ни отдельному человеку, поскольку не имеет никаких желаний – до тех пор, пока сам человек не взыскует Его в акте Богоискательства, и, уверовав в Бытие Божие, не обратится к Богу с просьбой о Богообщении. Ответом Бога таковому может явиться в том числе и личное Откровение, носители какового впоследствии зачастую становятся основателями собственных новых религий, в том числе и тех, которые на сегодня признаются «мировыми»: в первую очередь – христианство, а также ислам, иудаизм, буддизм и проч. Как общая идейная схожесть религий, так и их несхожесть в догматическом и ритуальном антураже объясняется в первую очередь культурной средой, в которой был взращен получатель Откровения, которое он способен воспринять и интерпретировать в пределах присущего ему образного и идейного ряда, культурного кода, в котором он был воспитан. Иначе говоря, Бог говорит с человеком на языке привычного ему образного и идейного ряда, вне которого человек просто не способен освоить полученное от Бога новое знание. Так, Павел говорит про себя, что «слышал глаголы неизреченные» – то есть новое знание просто не вместились в его сознание и осталось неосвоенным, как речь на незнакомом языке.

Заметим также, что создателей религий Иисус характеризовал как «воров и разбойников»: «Все, кто приходил предо Мною, – воры и разбойники; но овцы не послушали их» (Ин. 10: 8) – почему? Видимо, потому, что, получив личное Откровение в виде обращения к ним Бога, поддались искушению создать свою собственную религиозную организацию и возглавить ее с целями, зачастую, вполне личными. В этом смысле хорошим примером является личность Иоанна Крестителя, который, если верить ев. Иоанна, увидев Иисуса, свидетельствовал о самом себе и исчерпании своей миссии: «33 Я не знал Его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым. 34 И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий» (Ин. 1:33-34) – однако, продолжил свои уже обесмысленные сбытием обещанной Богом встречи с Иисусом водные крещения, не пожелав пожертвовать своим положением великого пророка ради ученичества у Иисуса и став тем самым «вором и разбойником», упомянутым Иисусом в приведенной выше цитате.

Тогда, во-первых – где Бог и Его Царство? Если исходить из сказанного, то получается, что Он везде, и вне нас, и внутри, как сказано в Евангелии от Фомы: «2. Иисус сказал: Если те, которые ведут вас, говорят вам: Смотрите, царствие в небе! – тогда птицы небесные опередят вас. Если они говорят вам, что оно – в море, тогда рыбы опередят вас. Но царствие *внутри вас и вне вас*».

А как до Него добраться? Получается, что из мира материи никак, Он недостижим для материальных объектов, как код программы – для персонажей, действующих на экране компьютера, и материи нет доступа в Царствие Небесное, поскольку этот и тот мир друг для друга не существуют, но существуют одновременно в боге лишь в виде отражения друг друга – так проявляется Божественная трансцендентность.

Мы уже отмечали, что личное несовершенство, недостаточность в чем-либо порождают желание и волю к достижению желаемого, что определяет *иллюзию* выбора из предоставленных возможностей в данных конкретных обстоятельствах. В частности – богоискательство, как желание собственной неполноты восполнить себя божественной полнотой. К примеру, получить недостающее просимое: исцеление от болезней, избавление от бед, воскрешение от смерти наконец. И даже – более всего – обрести бога как личного друга и заступника, и вечную жизнь с ним и в нем.

И Бог отзывается.

Как же он это делает, если пребывает в бесстрастном созерцании себя, из которого ему вроде бы ни до чего нет дела? Он отвечает на просьбу, на прямое обращение к нему попросившего себе желаемое: «Господи, если хочешь, можешь меня очистить, - Хочу, очистись - и сошла с него проказа в тот же час» (Мф. 8: 2) – вот это «хочу» и есть то Слово бога, которое, вмешавшись в Промысел, изменяет его и вместе с ним мир, о котором он промыслен.

Это божье «хочу», тем не менее, не нарушает его Абсолют, потому что это не его желание – он всеблаг и вседостаточен, не имея желаний – но желание другого, на которое бог всегда отзывается, потому что он всеблаг, то есть является безотказным альтруистом, изливающим преизбыточную Любовь на все свое порождение – согласимся в этом с догматическим мнением христианства. И в этом «хочу» проявляется Воля Божия, как действие в ответ на желание взыскавшего его: бог ничего не хочет сам для себя и в этом он безволен, но отвечая на просьбу, обращенную к нему, отрывается от созерцания и совершает действие принятия решения и внушения принятого решения Своему Духу для воплощения в Промысел. Однако, просто воткнуть Чудо в ткань бытия невозможно без того, чтобы не порвать ее, разрушив создаваемый Словом мир, в котором все переплетено сетью причинно-следственных связей. И потому весь Промысел мира пересчитывается и переписывается Духом с тем, чтобы прошлое осталось в прошлом, а будущее изменилось с учетом вмешательства Чуда в ткань бытия. В чем-то это можно сравнить со стрижкой кустарника садовником: на месте обрезанного под ровную линию отрастут новые побеги, не затронув того, что оказалось ниже ровной линии подрезки.

Всегда ли бог отвечает на просьбу? Всегда, разумеется – но это не значит, что автоматически исполняет любые желания: принятое Волей Бога решение может и игнорировать запрос, и исполнить желание просящего, но совсем не так, как он это себе представляет. Так Воля Божья претворяется в жизнь, в бытие мира.

6.3.2 Осмысление этических категорий в рамках новой концепции

Отдельно следует указать на частное следствие общей непроявленности в Боге его Воли: приписанная богословием неисправимая врожденная греховность человека является порождением библейского Закона, объявившего себя вместилищем и выражением Воли самого Бога. Преступающий веления закона является богопротивником, поскольку тем самым противится Воле бога; в более общем смысле грех – это нарушение, сопротивление и противодействие Воли Бога. Если допустить, что у самого Бога нет проявления собственной Воли – то нет и не может быть греха, он просто не существует. Что касается таких человеческих качеств как совесть, стыд, справедливость и проч., то, согласно предлагаемой модели в рамках эволюционного развития разума они являются вовсе не врожденными качествами, дарованными душе Богом изначально, как богоподобное и богообразное различие Добра и Зла, но, скорее, как внушенные через воспитание этические нормы и нравственные устои,

принятые в человеческих сообществах. Главным из которых, по свидетельству еврейской библии, является закон «взаимности»: не делай другому того, чего не желаешь себе. И, опять-таки, священность любой жизни как следствие инстинкта самосохранения.

6.3.3 Онтологический смысл рая и ада

Также на основании этой модели можно развить идею рая и ада: и то и другое является продолжением бытия, принятого и заключенного в память бога: благое и радостное таким и остается, и продолжает свое бытие в памяти бога как в Царстве Небесном, так же как и противоположное, навечно запечатленное в своем мучительном бытии зацикленных в порочный круг злых намерений, деяний и их последствий. Таким образом, условное добро само себя вознаграждает, а условное зло само себя мучает и бесконечно казнит; в то же время, возможно представить себе некое преодоление порочного круга зла, достигнутое в развитии искупления – и таким образом действие божественного всепрощения через преодоление искуплением: количество искупления, переходящее в качество божественного всепрощения.

Попутно исправляются искаженные, совершенно языческие представления о Царстве Небесном как некой небесной иерархии подчиненности: Бог в самом общем представлении «не-сущего бога» во-первых, самодостаточен, а, во-вторых, всемогущ внутри самого себя, и ему ни зачем не нужны какие-то помощники в виде ангелов, которые были в древнем язычестве «младшими богами» и постепенно трансформировались в служебные силы добра и зла, воюющие между собою.

7. Заключение: краткое обобщение

Итак, предлагаемая модель, во-первых, снимает вопрос о цели божественного творения: божественное созерцание само по себе не ставит никаких целей, не является осуществлением неосуществленных желаний или выражением восполнения божественной неполноты – всех аспектов нарушения божественного Абсолюта в типовых космогонических моделях прошлого; во-вторых, она утверждает абсолютную метафизическую первичность Духа; в-третьих, полностью разрешает проблему трансцендентности-имманентности; в четвертых, позволяет развить непротиворечивую концепцию бытия мира как отражения Бога в нем самом, и Спасения как вечного пребывания зрелой личности в памяти бога, который ничего не забывает – эта память бога, собственно, и есть Царствие Небесное; в то же время, если допустить, что бог может забыть все, что он не принимает в свою память – на основе этого допущения возможно развить концепцию отношений добра и зла, которые, соответственно, находят и не находят место в Вечности.

Предложенная философско-религиозная модель «Бога-созерцателя» по сути, является новым словом в религиозно-философской науке в целом, абсолютно оригинальной внутренне непротиворечивой религиозно-философской концепцией, освобожденной от перечисленных выше недостатков предшествующих философских систем, и может представлять интерес для всего научно-философского сообщества.

Библиография

1. Вальверде К. Философская антропология // М.: Христианская Россия, 2000. 412 с.
2. Кант И. Критика чистого разума // М.: Академический проект, 2020. 567 с.
3. Бородай Т. Ю. Материя // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М.: Наука, 2010. С. 509-514.
4. Лосев А. Ф. Преамбула к диалогу Платона «Тимей» // Платон. Собрание сочинений в 4

- т. Т. 3 // Философское наследие, т. 117. РАН, Институт философии. М.: Мысль, 1994. С. 594-606.
5. Месяц С.В. Неоплатонизм // Православная Энциклопедия. Том XLVIII. М.: Изд-во Православная Энциклопедия, 2017. С. 657-688.
6. Аникин Д. Ф. Божественный свет (нетрадиционные суждения по традиционной теме) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2011. № 2. С. 37-60.
7. Лосев А. Ф. Парменид. Диалектика одного и иного как условие возможности существования порождающей модели // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 497-504;
8. Чекрыгин О.В. с соавт. «Критика логики гипотез диалога «Парменид» и формирование новой онтологической перспективы» // ж. «Теология: теория и практика» 2024. Т. 3. № 1.
9. Плотин. Трактаты 1–11 // Пер. Ю.А. Шичалина. / М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2007.
10. Беркли, Джордж. Трактата о началах человеческого знания // переведено Е. Ф. Дебольскою под редакцией Н. Г. Дебольскаго. / Санкт-Петербург : О. Н. Попова, 1897-1907 С.-Петербург : Издательство О. Н. Поповой, 1905. 183 с.
11. В. А. Андросова. Небесные книги в Апокалипсисе Иоанна Богослова // Москва: ПСТГУ. 2013. ISBN 978-5-7429-0863-0
12. Солопова М.А. Атомизм // Новая философская энциклопедия. Т. 1. М.: Мысль, 2010. С. 199–200.
13. Асмус В. Метафизика Аристотеля // Аристотель. Сочинения. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 5-49.
14. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 63-368.
15. Лахонин М. В. Онтологическое значение созерцания в философии Плотина // Известия Саратовского университета. 2013. №13 (2-1). С. 42-45.
16. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2003. 162 с.
17. Месяц С.В. Сознание и личность в философии Плотина // ПААТОМКА ЗНТНМАТА. Исследования по истории платонизма / Под ред. В.В. Петрова. М.: Круг, 2013. С. 147-160.
18. Макаров А. Д. Тейяр де Шарден Пьер. // URL: <https://bigenc.ru/c/teiiar-de-sharden-p-er-417de4> Последнее обращение 28.01.2025
19. Николай Кузанский. Об ученом незнании // Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1979. Т. 1. С. 47-184.
20. Хокинг С. Черные дыры и молодые вселенные // СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2004. 189 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом работы «Концепция бога как созерцателя: космологические, антропологические и этико-сотеариологические аспекты» выступает создание новой теологическо-космологической концепции. Текст, присланный на рецензирование, не является научно-исследовательской статьей. Автор не ставит передо собой целью проанализировать какую-то научную проблему, перед нами типичный образец схоластического размышления над теологическими вопросами.

Методология исследования отсутствует, как отсутствует и исследование. Но это не

значит, что текст хаотичен и содержит необоснованные постулаты. Автор последовательно развивает умозрительное доказательство теологической картины, в которой мир является субъективной реальностью Бога. Автор начинает с обзора типовых проблем классических космологических концепций, и уже после этого приступает к построению новой модели соотношения Бога и мира, свободной от названных недостатков.

Актуальность – самая большая проблема статьи. Из представленного текста совершенно не ясно не только то, почему кому-то должны быть интересны схоластические экзерсисы автора, но и то, почему его самого волнует эта тема. Казалось бы, проблема природы мира в его отношении к Богу как философская тема давно исчерпала себя, и если и является значимой, то в рамках богословских размышлений, однако автор посвящает ей огромный текст, не удосуживаясь определить зачем вообще размышляет над этой проблемой и что читателю делать с этими размышлениями.

Научная новизна отсутствует полностью, однако, с точки зрения религиозной философии, автор действительно предлагает несколько модернизированную версию религиозно ориентированного субъективного идеализма. В тоже время, нельзя согласиться с утверждением, что данный текст «по сути, является новым словом в религиозно-философской науке в целом, абсолютно оригинальной внутренне непротиворечивой религиозно-философской концепцией... и может представлять интерес для всего научно-философского сообщества», как пишет автор. По большому счету, репрезентируемая модель «Бога-созерцателя» является вариантом шеллигианства, изложенного современным языком, по отношению к которому вопрос почему этот вариант должен «представлять интерес для всего научно-философского сообщества» остается без ответа.

Стиль текста не позволяет отнести его к научным статьям, но изложение вполне логично, последовательно, соответствует заявленной теме, достаточно легко для чтения. Больше всего по стилю работа напоминает богословские трактаты. Ряд аргументов предполагает включенность текста не в философский, а теологический дискурс. Само построение размышления, членение текста на небольшие тематические фрагменты, перечисление тезисов с нумерацией, их последовательное раскрытие, «введение» и «выводы», которые по объему превышают основное тело текста – все напоминает средневековые трактаты типа «Суммы теологии» Аквината.

Апелляция к оппонентам присутствует там, где автор выделяет проблемы классических теологических концепций, а также авторов, чьи взгляды частично перекликаются с его собственными.

Трудно сказать, будет ли данный текст интересен кому-то кроме его автора, однако он логически и достаточно грамотно выстроен, демонстрирует вполне законченную религиозно-философскую модель, поэтому может быть рекомендован к публикации.

Англоязычные метаданные

Rhetorical means of communicative success using question-answer procedures as an example.

Katunin Aleksandr Viktorovich

Junior Scientific Associate, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

12/1 Gonchamaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation

✉ alexandrkatunin@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the role of question-answer procedures in modern communication conditions. The subject of the study is question-answer procedures. The article explains one of the main distinctions for the topic of the study - the concepts of "ignorance" and "lack of knowledge". Particular attention is focused on identifying and clarifying the role of the question in modern communication: the characteristics / attributes of the question in modern communication are identified; logical and rhetorical aspects of questions are analyzed; the key concept of "interrogative" for the formal description of questions in logic is clarified; the specificity of the logical basis of the question is shown; the difference between logical and grammatical subjects and predicates is shown; cognitive and manipulative functions of questions are formulated. The article clarifies the meaning of the concept of "communicative goal", and also proposes a variant of dividing questions into correct and incorrect depending on the communicative goal. The article proposes a classification of incorrect questions and a method for answering questions of different types in both personal and professional communicative interaction; general recommendations for response procedures are provided, and types of correct and incorrect answers are demonstrated and analyzed. The article uses methods of comparative and contextual analysis, generalization, classification, and the logical method. The text is accompanied by visual, expressive examples, which allows the reader to better understand the main ideas of the study. The article will be useful for both students, postgraduates studying rhetoric, argumentation theory, communication techniques, and a wide range of readers.

Keywords: communicative goal, wise ignorance, dialogue, manipulation, question-answer procedures, communication, rhetoric, argumentation, context, dispute

References (transliterated)

1. Cross Ch. Roelofsen F. Questions. / Stanford Encyclopedia of Philosophy. [Elektronnyi resurs]. <https://plato.stanford.edu/entries/questions/#QueAnsPre> First published Tue Feb 11, 2014; substantive revision Tue Mar 22, 2022. (data obrashcheniya: 01.10.2024).
2. Harrah D. The Logic of Questions // Handbook of Philosophical Logic. 8. The Netherlands. 2002. P. 1-2.
3. Azimov E. G., Shchukin A. N. Kommunikativnaya tsel'. / Novyi slovar' metodicheskikh terminov i ponyatii (teoriya i praktika obucheniya yazykam). M.: Izdatel'stvo IKAR, 2009. [Elektronnyi resurs]. URL: https://methodological_terms.academic.ru/666/KOMMUNIKATIVNAYa_TsEL (data obrashcheniya: 01.10.2024)

4. Aristotel'. Metafizika. [Elektronnyi resurs]
https://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/metaphiz.txt_with-big-pictures.html (data obrashcheniya: 01.11.2024)
5. Bredemaier K. Chernaya ritorika: Vlast' i magiya slova. M.: Al'pina Pablisher, 2021.
6. Gerasimova I.A. Vvedenie v teoriyu i praktiku argumentatsii. M.: Universitetskaya kniga, Logos, 2007.
7. Denisova V.G. Formalizatsiya voprosov sredstvami logiki predikatov // Logiko-filosofskie shtudii. 2008. № 5. S. 189-198.
8. Zaitsev D.V. Teoriya i praktika argumentatsii. M.: ID «FORUM»: INFRA-M, 2019.
9. Katunin A. V. Sokrat i graf Pato: ob iskusstve mudrogo neznaniya // Polilog/Polylogos. – 2019. – T. 3. – № 1. [Elektronnyi resurs] URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110005137-2-1/> (data obrashcheniya 3.12.2024)
10. Katunin A.V. O nekotorykh vidakh manipulyativnoi argumentatsii i sposobakh protivodeistviya im // Polilog/Polylogos. 2020. T. 4. № 4 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110013077-6-1/> (data obrashcheniya: 1.12.2024).
11. Kessidi F.Kh. Sokrat. M.: Mysl', 1988.
12. Kuznetsova N.I., Rozov M.A., Shreider Yu.A. Ob'ekt issledovaniya – nauka. M.: Novyi Khronograf, 2012.
13. Nepryakhin N. Ya manipuliruyu toboi: Metody protivodeistviya skrytomu vliyaniyu. M.: Al'pina Pablisher, 2019.
14. Platon. Pir. [Elektronnyi resurs] <https://lib.ru/POEEAST/PLATO/pir.txt> (data obrashcheniya: 1.12.2024)
15. Sobach'e serdtse. Kh/f. [Elektronnyi resurs] (data obrashcheniya: 30.11.2024)
<https://www.youtube.com/watch?v=mb7LIYYQEhg> Taimfreim: [21:31-21:39]
16. Tul'chinskii, G. L. Logika i teoriya argumentatsii / G. L. Tul'chinskii, S. V. Gerasimov, S. S. Gusev ; pod red. G. L. Tul'chinskogo. – M.: Izdatel'stvo Yurait, 2016.
17. Finn V.K. Logika voprosov. / Novaya filosofskaya entsiklopediya. [Elektronnyi resurs]
<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH44341b0b953d03d043a844> (data obrashcheniya 12.12.2024).
18. Shopengauer A. Iskusstvo pobezhdatt' v sporakh / perevod s nemetskogo N. d'Andre, F. Chernigovtsa. M.: Izdatel'stvo AST, 2021.

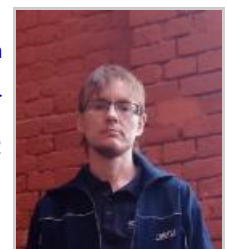
Meta-Paradigms: Essential Characteristics

Ufimtsev Aleksandr Evgenevich

independent researcher

660122, Russia, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Transit str., 48, sq. 32

✉ ufimtzev@inbox.ru

Smirnova Marina Mikhailovna

independent researcher

668312, Russia, Republic of Tyva, Mezhegey village, Lenin St., 69, sq. 1

✉ knyam2020@mail.ru

Abstract. This work is devoted to a conceptual understanding of trends in the development of scientific knowledge. It continues the research presented in previous issues of the journal *Philosophical Thought*. The study focuses on the essential characteristics of the systemic-structural and bioessential-deterministic meta-paradigms.

This article aims to summarize the results of previous studies and provide a brief overview of scientific works on similar topics. For this purpose, the origins of meta-paradigms are examined from various angles. The generalized results of previous studies are presented. The conclusions reached by various scientists are described: Yu. V. Latov; S. R. Bekulova; E. Baskell; G. S. Levit, U. Hossfeld and A. A. Lvov; M. Boon and S. Van Baalen; T. V. Chernigovskaya. The theory of sign and paradigm in linguistics are compared: systemic-structural and anthropocentric. This made it possible to identify meta-paradigms. New terms have been introduced: bioessential-deterministic meta-paradigm, system-structural meta-paradigm, bioessentialism, bioessential determinism.

The conclusion is that the systemic-structural meta-paradigm is understood as a conceptually generalized set of formally oriented ideas. In contrast, the bioessential-deterministic meta-paradigm is understood as a conceptually generalized set of essence-oriented ideas.

Systemic-structural and bioessential-deterministic meta-paradigms are binary oppositions, form, and content, asymptotically guiding the development of scientific knowledge. M. Polanyi's concept of personal knowledge manifests bioessential determinism.

The representation of meta-paradigms in T. S. Kuhn's theory is shown. The works of other scientists on a similar topic are analyzed. The conclusion is drawn that various scientists express the ideas of the meta-paradigm in various scientific disciplines. This indicates that a critical point of reflection has been reached.

Keywords: bioessential-deterministic meta-paradigm, system-structural meta-paradigm, bioessentialism, bioessential determinism, anthropocentrism, scientific knowledge, paradigm shift, paradigm, metaparadigm, meta-paradigm

References (transliterated)

1. Voloshinov V. N. (M. M. Bakhtin). *Marksizm i filosofiya yazyka: Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke*. Kommentarii V. Makhlina. M.: Labirint. 1993. 194 s.
2. Kolychev P. M. Edinstvo material'nogo i ideal'nogo kak paradigma pri izlozhenii istorii filosofii // *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. 2006. T. 7, № 21-1. S. 7-20. EDN KUSJEN.
3. Shaforostov A. I. Istoriya fundamental'nykh idei: materiya // *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*. 2021. T. 17, № 4(41). S. 92-102. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-4-92-102. EDN XUEHFS.
4. Polani M. *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoi filosofii*. M.: Progress, 1985. 345 s.
5. Alpatov V. M. Chto i kak izuchaet yazykoznanie // *Voprosy yazykoznaniiya*. 2015. № 3. S. 7-21. EDN UBEBEJ.
6. Alpatov V. M. Dva podkhoda k izucheniyu yazyka // *Istoriya i sovremennost'*. 2016. № 1 (23). S. 198-220. EDN WAYDFZ.

7. Papernyi V.Z. Kul'tura Dva. 4-e izd. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 395 s. (Biblioteka zhurnala «Neprikosnovennyi zapas»). ISBN: 978-5-4448-0597-8.
8. Bogdanova P. B. Mayatnik kul'tury / P. B. Bogdanova. SPb : Izdatel'stvo Aleteiya, 2021. 180 s. ISBN 978-5-00165-285-4. EDN KMMVEF.
9. Bogdanova P. B. Klassicheskie i neklassicheskie struktury dramy / P. B. Bogdanova // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. 2022. № 2(29). S. 220-227. DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-220-227. EDN HBQGKL.
10. Latov Yu. V. Mayatnikovaya dolgosrochnaya dinamika razvitiya ekonomicheskoi teorii // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. 2014. T. 15, № 2. S. 270-282. EDN TCBVBF.
11. Bekulova S.R. Dve paradigmy krizisnykh protsessov v mirovoi ekonomike v XXI veke // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. 2022. № 4. S. 15-24. DOI: 10.7256/2454-0668.2022.4.38565 EDN: OQNNUQ URL: https://e-notabene.ru/nbmag/article_38565.html
12. Buskell A. (2017). What are cultural attractors? *Biology & Philosophy*, 32(3), 377-394. DOI: 10.1007/s10539-017-9570-6.
13. Levit G. S., Hossfeld U., Lvov A. A. (2020). Shaping German Evolutionary Biology: A Case Study of the Metaparadigm Hypothesis // *Filosofiya istorii filosofii: sb. nauch. statei / otv. red. S. I. Dudnik, A. A. Krotov, V. V. Mironov, I. D. Osipov*. 2020. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, S. 241-257.
14. Bun M., Van Baalen, S. Epistemologiya dlya mezhdistsiplinarnykh issledovaniy – smena filosofskikh paradigm nauki. *Euro Jnl Phil Sci* 2019. 9, 16. S. 1-28. <https://doi.org/10.1007/s13194-018-0242-4> URL: <https://rdcu.be/d4SjL>(data obrashcheniya: 19.11.2024).
15. Chernigovskaya T. V. «Shum» kak klyuch k semiozisu: mozg i kul'tura (40 let spustya) // *Slovo.ru: baltiiskii aktsent*. 2022. T. 13, № 2. S. 24-36. DOI: 10.5922/2225-5346-2022-2-1. EDN ODIIDS.
16. Kun T. S. Struktura nauchnykh revolyutsii / S vvodnoi stat'ei i dopolneniyami 1969 g. M.: Progress, 1977. 300 s.

Gilbert Simondon and speech communication

Sayapin Vladislav Olegovich

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of History and Philosophy; Tambov State University named after G.R. Derzhavin

392000, Russia, Tambov region, Tambov, Internatsionalnaya str., 33

✉ vlad2015@yandex.ru

Abstract. The understanding of speech communication in the thinking of the outstanding French philosopher and thinker in the field of technology and technological innovations Gilbert Simondon (1924–1989) is aporetic, is a riddle, not a solution and, moreover, cannot give convincing definitions of the sought-after concepts, such as truth and virtue. Although, it seems, Simondon had all the conditions for developing an original and consistent theory of "speech communication", which in the space of linguistic communication is the dominant form of interaction. However, in his works there are only scattered reflections that do not provide a basis for a strict theory, but rather lead to an unsystematized criticism of language. Moreover, Simondon always criticized the topic of "speech communication", since in the middle of the twentieth century its theory was a paradigm of structuralist fashion. Therefore, with an emphasis on the dialectical method of research, we will try to determine those hypotheses

that can explain such an absence of the theory of "speech communication" in his works. In conclusion, the author of the article came to the following conclusions. First, Simondon did not need to use the concept of "speech communication" to rethink the conditions of thinking in his theory of "individuation". Second, Simondon posed the question of speech communication differently, namely in the form of a theory of "technosocial communication" based on the relationship between technologies, information and meanings that go beyond and embrace the question of language. Third, based on these two hypotheses, an important assumption is made that Simondon sought to derive philosophy from logocentrism and the reductionist anthropocentrism that supports it, which implies a fundamental relativization of speech communication.

Keywords: a priori, a posteriori, meaning, language, logics, individuation, speech communication, technosocial communications, aporia, being

References (transliterated)

1. Delez Zh., Gvattari F. Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 2010.
2. Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958.
3. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Millon, 2005.
4. Svirskii Ya.I. Kontseptual'nye osobennosti filosofskoi strategii Zhil'bera Simondona // Idei i idealy. 2017. T. 1. № 3 (33). S. 111–125.
5. Bergson A. Mysl' i dvizhushcheesya: Stat'i i vystupleniya. M.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2019.
6. Bachelard G. La Philosophie du non. Paris: PUF, 1973.
7. Barthélémy J.-H. Simondon. – Paris: Les Belles Lettres (Collection «Figures du savoir» 56), 2014.
8. Simondon G. Cours sur la Perception (1964–1965). Paris: PUF, 2013.
9. Simondon G. la technique. Paris: PUF, 2014.
10. Ruyer R. Les limites du progrès humain // Revue de métaphysique et de morale. 1958. №4. Pp. 412–423.
11. Simondon G. Communication et information. Paris: PUF, 2015.

Analysis of the conditions for the implementation of the ecosystem approach in the economy in Russia

Rozin Vadim Markovich

Doctor of Philosophy

Chief Scientific Associate, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

109240, Russia, Mskovskaya oblast', g. Mskow, ul. Gonchamaya, 12 str.1, kab. 310

✉ rozinvm@gmail.com

Abstract. The author discusses the ecosystem approach in economics. The interest in it from economists and social scientists is indicated. The features of this approach are characterized: the need to combine systems that can organically interact with each other, the emergent effect arising from such a combination, consideration of ecosystems not only in the logic of systemic but also environmental approaches, the processes of self-organization and "rational

symbiosis" inherent in ecosystems, the need to establish new relationships with comprehensive management systems. The question is raised about the possibility of implementing an ecosystem approach in the context of Russian sociality and economy. To answer it, the author, firstly, examines the main features of the European economy: taxation of citizens of the state, economic institutions of production, economic law and market, computing technologies and economic models. In addition, he draws attention to the two-layered economy, which includes market and non-market relations. Secondly, the author discusses the hybrid nature of the Russian economy. According to the author, the requirements for ecosystems are in conflict with the existing organization of the Russian economy. The peculiarity of the first is the construction of organic connections: territorial, industrial, managerial, organizational, ensuring the necessary conditions, the realization of humanistic and environmental ideals, etc. And the established connections and relationships were established on other grounds: benefits, corporate interests, power relations, traditions. Theoretically, ecosystems can be summed up under the concept of open self-developing systems, for which the external environment is set by the state. Economics also contributes to the creation of an ecosystem economy, within the framework of which economic models of ecosystems should be built, allowing access to new computing technologies, without which a new economy will also never take place.

Keywords: conditions, realization, project, practice, the science, discourse, Economy, approach, ecosystems, the system

References (transliterated)

1. Bogdanov A.A. Krasnaya zvezda. L.: 1929. [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://traumlibrary.ru/book/bogdanov-krasnaya-zvezda/bogdanov-krasnaya-zvezda.html>. (data obrashcheniya: 17.03.2024).
2. Brodel' F. Material'naya tsivilizatsiya i kapitalizm. T. 2. Igry obmena / 2-e izd.; per. s fr. L.E, Kubbelya. – M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2006. – 672 s.
3. Polterovich V.M. Krizis ekonomicheskoi teorii: doklad na nauchnom seminare Otdeleniya ekonomiki i TsEMI RAN «Neizvestnaya ekonomika», yanvar' 1997. [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://www.r-reforms.ru/vmp2.htm> (data obrashcheniya: 09.08.2016).
4. Rozin V.M. Genezis evropeiskoi sotsial'nosti. Etyudy-issledovaniya. Novoe vremya. M.: Novyi khronograf, 2022. 400 s.
5. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. – M.: Eksmo, 2016. – 1056 c.
6. Stepin V.S. Tipy nauchnoi ratsional'nosti i sinergeticheskaya paradigma // Slozhnost'. Razum. Postneklassika. 2013. № 4. S. 45-59.
7. Tret'yakova E.A., Freiman E.N. Ekosistemnyi podkhod v sovremennykh ekonomicheskikh issledovaniyakh // Voprosy upravleniya. № 1. 2022. S. 6-20.
8. Ushakovskaya E.D. Sinergetika i prichiny evolyutsii Vselennoi, stat'ya, [Elektronnyi resurs]. – URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/ushakovskaja_sinergetika/ (data obrashcheniya: 18.03.2024).
9. Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova N.N. Global'nyi kapitalizm: tri velikie transformatsii. – M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2008. – 608 s.
10. Chto takoe debet i kredit v bukhgalterii. [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://fileddl.info/debet-kredit-korrespondentsiya-schetov-opredeleniya/> (data obrashcheniya: 18.03.2024).

From anthropocentrism to network-centricity: Drones as a tool for transforming modern warfare

Larionov Viktor Vladimirovich

Postgraduate student; Institute of Social Sciences and Humanities; Vologda State University

162605, Russia, Vologda region, Cherepovets, Pervomaiskaya str., 38A, sq. 16

✉ larsvic79@gmail.com

Abstract. Modern wars are characterized by the widespread use of unmanned aerial vehicles, the main combat missions of which are performed by unmanned aerial vehicles. The practice of using drones has been widely studied within the framework of modern military science, at the same time, the specifics of conducting network-centric warfare using remote weapons are currently not fully understood, which determines the relevance of the ongoing research. The novelty of the study is to identify and describe the process of transformation of the classical (anthropocentric) concept of war into a network-centric one due to the introduction of remote weapons. The object of the research is the humanitarian consequences of the introduction of modern types of remote weapons. The process of transformation of modern wars due to the transformation of civilian drones into unconventional weapons has been chosen as the subject of the study. The anthropocentric and humanistic understanding of war and weapons is outdated. Over the past few years, the war has ceased to be understood as a direct and open confrontation. Large-scale wars of attrition were replaced by armed conflicts in which time became the determining factor in the struggle. The basis for the success of military operations is determined by the availability of a high-speed adaptive information and communication network for managing units and weapons. Combining mining, information management and executive elements on the drone platform has made drones a universal striking tool capable of turning any unguided projectile into a precision weapon. This served as the basis for a humanistic reversal that launched the process of reassessing moral principles and making drones a necessary, "morally acceptable" and unconventional weapon. The asymmetry of modern wars has made "victory" and "humanitarian catastrophe," "humanism" and "murder" synonymous.

Keywords: symbiosis, panopticism, network centrism, windows of J. Overtone, weapon, drone, humanism, anthropocentrism, collateral damage, OODA cycle

References (transliterated)

1. Delanda M. Voina v epokhu razumnykh mashin: perevod s angliiskogo D. Kralechkina. – Ekaterinburg; Moskva: Kabinetnyi uchenyi; Moskva: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2014. – 338 s.
2. Margulis L. Symbiotic Planet: A New Look at Evolution. – New York: Basic Books, 1999, 176 r.
3. Dron Pentagona reshil ubit' svoego operatora vo vremya ispytaniy. Rbc.ru: sait. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64798bec9a79473d10277294>. (data obrashcheniya: 15.11.2024).
4. Singer P. Wired For War: The Robotics Revolution and Conflict in the 21st Century. – New York: Penguin, 2009, 512 r.
5. Shamayu G. Teoriya drona: perevod s frantsuzskogo E. Blinova. – M.: Ad Marginem Press, Muzei sovremennogo iskusstva «Garazh», 2020. – 280 s.

6. Scharre P. *Army of None: Autonomous Weapons and the Future of War*. – New York: W.W. Norton & Company, 2018, 384 r.
7. Strawser B.J. *Killing by Remote Control: The Ethics of an Unmanned Military*. – New York: Oxford University Press, 2013, 296 r.
8. Benjamin M., Ehrenreich B. *Drone Warfare: Killing by Remote Control*. – New York: OR Books, 2012, 241 r.
9. Balakleets N.A. *Voina i ee transformatsii v sovremennom obshchestve. Opyt politiko-filosofskogo analiza*. – SPb.: Aleteiya, 2024. – 330 s.
10. Balakleets N.A. *Spetsifika i aktory voyny s ispol'zovaniem dronov // Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. – 2021. – № 5. – S. 116–128.
11. *Bespilotnye letatel'nye apparaty: osnovy ustroystva i funktsionirovaniya: ucheb. posobie* / Afanas'ev P.P., Golubev I.S., Turkin I.K. [i dr.]. – M.: MAI, 2008. – 654 s.
12. Litvinenko V.I. *Bespilotniki – primenenie i bor'ba s nimi: ucheb. posobie*. – M.: ООО «Torgovyi dom «Sovetskii sport», 2022. – 280 s.
13. Solov'ev, V. S. *Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya*, v: Solov'ev, V. S., *Izbrannoe*, M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010. – 792 s.
14. Karsavin, L. P. *Chelovek v khristianstve*, v: Karsavin L. P., *Filosofiya istorii*, Minsk: Izdatel'stvo Belorusskogo Ekzarkhata, 2011. – 768 s.
15. Yunger. E. *V stal'nykh grozakh*. Spb.: Vladimir Dal', 2000. – 336 s.
16. Stepun F. *Iz pisem praporshchika-artillerista*. Praga: Plamya, 1926. – 267 s.
17. Shmitt, K. *Teoriya partizana: perevod s nemetskogo Yu.Yu. Korintsa pod redaktsiei B.M. Skuratova*. – M.: Praksis, 2007. – 301 s.
18. Warden, J. A. *The Air Campaign: Planning for Combat* / J. A. Warden. – San Jose, New York, Lincoln, Shanghai: toExcel Press, 2000, 184 r.
19. Makarenko S. I. *Setetsentricheskaya voina – printsipy, tekhnologii, primery i perspektivy: monografiya* / S. I. Makarenko, M. S. Ivanov. – SPb. : Naukoemkie tekhnologii, 2018. – 898 s.
20. Ivlev, A. A. *Osnovy teorii Boida. Napravleniya razvitiya, primeneniya i realizatsii: monografiya* / A. A. Ivlev. – Moskva, 2008. – 64 s.
21. Hershey B. *Skyways of Tomorrow*. – New York: Foreign Policy Association, 1944, 96 r.
22. Zaloga S. *Unmanned Aerial Vehicles: Robotic Air Warfare 1917–2007*. – Westminster, MD: Osprey Publishing, 2008, 48 r.
23. *Voennyi entsiklopedicheskii slovar'* / pod red. A.M. Prokhorova: v 2 tomakh. – M.: «Ripol klassik», 2001. – T. 2. – 814 s.
24. Yenne B. *Attack of the Drones: A History of Unmanned Aerial Combat*. – St. Paul: Zenith Press, 2004, 127 r.
25. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* / glavnyaya redaktsiya L.F. Il'ichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov. – M.: «Sovetskaya entsiklopediya», 1983. – 840 s.
26. Kleshan Pyui dyu, F. *Rytsarstvo*. – SPb.: Evraziya, 2004. – 192 s.
27. Khomskii N. *Novyi voennyi gumanizm. Uroki Kosova*. – M.: Praksis, 2002. – 320 s.
28. *Sotsiologiya veshchei: sbornik statei* / pod red. V. Vakhshaina. – M.: Territoriya budushchego, 2006. – 391 s.
29. Vakhshain V. *Peresborka povsednevnosti: bespilotniki, lifty i proekt PkM-1* / V. Vakhshain // Logos _ Filosofsko-literaturnyi zhurnal. – 2017. – T. 27. № 2. – S. 1–49.
30. Lindi S. *Razum v tumane voyny. Nauka i tekhnologii na polyakh srazhenii: perevod s angliiskogo N. Kolpakovoi*. – M.: «Al'pina non-fikshn», 2022. – 390 s.

31. The Civilian Impact of Drones: Unexamined Costs, Unanswered Questions. Center for Civilians in Conflict and Human Rights Clinic at Columbia Law School, 2012, 83 p. [Elektronnyi resurs] – URL: <https://hri.law.columbia.edu/sites/default/files/publications/The%2520Civilian%2520Impact%2520of%2520Drones.pdf>. (data obrashcheniya: 15.12.2024).
32. Sivkov K. Batsilly plyuralizma // Voенno-promyshlennyy kur'er. – 2016. – № 5(620). – S. 10.
33. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my. – M.: Ad Marginem, 1999. – 480 s.

The concept of God as a Contemplative: cosmological, anthropological, and ethical-soteriological aspects

Chekrygin Oleg

PhD in Philosophy

Independent researcher

24 Serpuhova str., Moscow, 115419, Russia

✉ ochek@bk.ru

Nadeina Dar'ya

Postgraduate student; Institute of Philosophy of St. Petersburg State University, St. Petersburg State University

115682, Russia, Moscow, Orekhov str., 59

✉ Bogoslovblog@gmail.com

Mezentsev Ivan Valer'evich

PhD in Philosophy

Independent researcher

690025, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Dzhabula str., 7, sq. 1

✉ mezivan@yandex.ru

Abstract. In this publication, the authors offer an experience in the theoretical construction of a cosmological concept based on the idea of God as a Contemplative. The specifics of this model are revealed in comparison with similar schemes from the history of philosophy. The author's approach is consistent with the principles of the New Testament revelation, as well as modern scientific data. The article shows a way to overcome the typical problems of classical cosmogonic concepts for European philosophy, starting from Antiquity. The article presents the problems of typical solutions to the cosmological question in European philosophy and offers the experience of a consistent model of the coexistence of God as the Absolute and the worlds generated by him, including material ones similar to the observable universe, based on the category of "contemplation". This category is briefly considered by the authors in a historical and theological context, then a general description of the new theological and cosmological model is given. The authors reveal the paradigmatic limitations of the philosophical understanding of God, focusing on the need to take into account the influence of natural philosophical beliefs of a particular era, which are reflected in religious doctrines (along with the personal experience of a particular thinker). In the second half of the article, specific conclusions from the proposed theological and philosophical concept are indicated: 1) cosmological conclusions (divine ideas and the way they are implemented in the world; the question of theodicy; understanding divine Providence); 2) anthropological (human phenomenon; changing approach to human rationality; characterization of God's will in relation

to individual freedom); 3) ethical-soteriological (communion with God, divine revelation and salvation; comprehension of certain ethical categories within the framework of a new concept; ontological meaning of heaven and hell). The presented philosophical and religious concept of the "Contemplative God" represents a fundamentally new direction within the framework of religious and philosophical thought. This model is distinguished by its uniqueness and internal logical consistency, being free from the limitations and disadvantages inherent in previous philosophical systems. Its theoretical significance and originality can arouse wide interest in the scientific and philosophical community, opening up new perspectives for research in this field.

Keywords: Providence, Cosmology, Cosmogony, Nothing, creation, The Creator, The Absolute, Contemplation, the mind, theodicy

References (transliterated)

1. Val'verde K. *Filosofskaya antropologiya* // M.: Khristianskaya Rossiya, 2000. 412 s.
2. Kant I. *Kritika chistogo razuma* // M.: Akademicheskii proekt, 2020. 567 s.
3. Borodai T. Yu. *Materiya* // *Novaya filosofskaya entsiklopediya*. T. 2. M.: Nauka, 2010. S. 509-514.
4. Losev A. F. *Preambula k dialogu Platona «Timei»* // *Platon. Sbornie sochinenii v 4 t.* T. 3 // *Filosofskoe nasledie*, t. 117. RAN, Institut filosofii. M.: Mysl', 1994. S. 594-606.
5. Mesyats S.V. *Neoplatonizm* // *Pravoslavnaya Entsiklopediya*. Tom XLVIII. M.: Izd-vo Pravoslavnaya Entsiklopediya, 2017. S. 657-688.
6. Anikin D. F. *Bozhestvennyi svet (netraditsionnye suzheniya po traditsionnoi teme)* // *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*. 2011. № 2. S. 37-60.
7. Losev A. F. *Parmenid. Dialektika odnogo i inogo kak uslovie vozmozhnosti sushchestvovaniya porozhdayushchei modeli* // *Platon. Sobr. soch. v 4 t.* T. 2. M.: Mysl', 1993. S. 497-504;
8. Chekrygin O.V. s soavt. «*Kritika logiki gipotez dialoga «Parmenid» i formirovanie novoi ontologicheskoi perspektivy*» // *zh. «Teologiya: teoriya i praktika»* 2024. T. 3. № 1.
9. Plotin. *Traktaty 1–11* // *Per. Yu.A. Shichalina.* / M.: Greko-latinskii kabinet Yu.A. Shichalina, 2007.
10. Berkli, Dzhordzh. *Traktata o nachalakh chelovecheskogo znaniya* // *perevedeno E. F. Debol'skoyu pod redaktsiei N. G. Debol'skago.* / *Sankt-Peterburg* : O. N. Popova, 1897-1907 S.-Peterburg : Izdatel'stvo O. N. Popovoi, 1905. 183 s.
11. V. A. Androsova. *Nebesnye knigi v Apokalipsise Ioanna Bogoslova* // Moskva: PSTGU. 2013. ISBN 978-5-7429-0863-0
12. Solopova M.A. *Atomizm* // *Novaya filosofskaya entsiklopediya*. T. 1. M.: Mysl', 2010. S. 199–200.
13. Asmus V. *Metafizika Aristotelya* // *Aristotel'. Sochineniya*. T. 1. M.: Mysl', 1976. S. 5-49.
14. Aristotel'. *Metafizika* // *Aristotel'. Sochineniya*. T. 1. M.: Mysl', 1976. S. 63-368.
15. Lakhonin M. V. *Ontologicheskoe znachenie sozertsaniya v filosofii Plotina* // *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. 2013. №13 (2-1). S. 42-45.
16. Ioann Damaskin. *Tochnoe izlozhenie pravoslavnoi very*. M.: Izd-vo Sretenskogo monastyrja, 2003. 162 s.
17. Mesyats S.V. *Soznanie i lichnost' v filosofii Plotina* // *PAATOMKA ZHTHMATA. Issledovaniya po istorii platonizma* / *Pod red. V.V. Petrova*. M.: Krug", 2013. S. 147-

160.

18. Makarov A. D. Teiyar de Sharden P'er. // URL: <https://bigenc.ru/c/teiiar-de-sharden-p-er-417de4> Poslednee obrashchenie 28.01.2025
19. Nikolai Kuzanskii. Ob uchenom neznanii // Soch. v 2 t. M.: Mysl', 1979. T. 1. S. 47-184.
20. Khoking S. Chernye dyry i molodye vselennye // SPb.: Amfora. TID Amfora, 2004. 189 S.